

КЭНКО-ХОСИ
ЗАПИСКИ ОТ СКУКИ

兼好法師
徒然草

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е И С Т О Р И И
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

XXIX

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

КЭНКО-ХОСИ
ЗАПИСКИ ОТ СКУКИ
(ЦУРЭДЗУРЭГУСА)

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
КОММЕНТАРИЙ И УКАЗАТЕЛЬ
В.Н. ГОРЕГЛЯДА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь), *И. С. Брагинский* (заместитель председателя), *Ю. Э. Брегель, Б. Г. Гафуров* (председатель), *П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, М. И. Занд, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (заместитель председателя), *Н. И. Конрад, В. М. Константинов, Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, Г. В. Церетели.*

Ответственный редактор

В. М. Константинов

Кэнко-хоси

К98 Записки от скуки (Цурэдзурэгуса). Пер. с японского, вступ. статья, коммент. и указатель В. Н. Горегляда. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1970.

256 с.

«Записки от скуки» — один из самых известных памятников средневековой японской литературы середины XIV в. Он написан в жанре эссе, содержит новеллы, рассуждения и рассказы об обычаях старой Японии.

7-3-4

115-69

И(Яп)

СЕРИЯ

«ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

- I. Ким Бусик, *Самкук саги*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, 1959.
- II. Фирдоуси, *Шāх-нāме*. Критический текст.
- Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
- Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н. О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963; изд. 3-е, стереотипное, М., 1966).
- Т. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
- Т. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
- Т. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
- Т. VI, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
- Т. VII, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.
- Т. VIII — в печати; т. IX готовится к изданию.
- III. Са'дй, *Гулистāн*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.
- IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библ*. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.
- V. Зайн ад-Дин Вāсифи, *Бадāй' ал-вақāй'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.
- VI. *Арабский аноним XI века*. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.

- VII. Амӣр Ҳусрау Дихлавӣ, *Маджнӯн и Лайлӣ*. Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.
- VIII. *Юнь-чао би-ши (Секретная история монголов)*. 15 цзюаней. Т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.
- IX. Муҳаммад ибн Хиндӯшāх Наҳчивāнӣ, *Дастӯр ал-кāтиб фӣ та'ййн ал-марāтиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Критический текст, предисловие и указатели А. А. Али-заде. Т. I, ч. 1, М., 1964.
- X. Муҳаммад ибн Наджӣб Бакрāн, *Джахāн-нāме (Книга о мире)*. [Ч. I]. Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.
- XI. Муҳаммад ал-Ҳāмавӣ, *Ат-Та'рӣх ал-мансӯрӣ (Мансурова хроника)*. Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
- XII. Усāма ибн Мунқиз, *Китāб ал-манāзил ва-д-дийār (Книга стоянок и жилищ)*. Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.
- XIII. Муҳаммад-Қāзим, *Нāме-йи 'āламārā-йи нāдирӣ (Мироукрашающая надирова книга)*. Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1962).
Т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
Т. III. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой, М., 1966.
- XIV. Хюсейн, *Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события)*. Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961.
- XV. *Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ*. Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- XVI. Оцуки Сигэтака и Симура Кокё, *Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях)*. Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.
- XVII. Низāмӣ Ганджавӣ, *Лайлӣ и Маджнӯн*. Критический текст А. А. Алескер-заде и Ф. Бабаева, М., 1966.

ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

- I. Фидā'ӣ, *Китāб би хидāйат ал-му'минйн ат-тāлибйн («История исмаилизма»)*. По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.

- II. 'Омар Ҳаййām, *Рубā'ийāt*. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова, под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1—2, М., 1959.
- III. 'Омар Ҳаййām, *Трактаты*. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.
- IV. Хорезми, *Мухаббат-наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба, М., 1961.
- V. *Вторая записка Абӯ Дулафа*. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960.
- VI. *Пэкрён чхoxэ*. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.
- VII. *Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке)*. Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.
- VIII. *Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии)*. Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- IX. Михри Хатун, *Диван*. Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой, М., 1967.
- X. Гомбоджаб, *Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса. — Сочинение под названием «Течение Ганга»)*. Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.
- XI. *Оросиякоку суймудан (Сны о России)*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.
- XII. Амӣр Ҳусрау Дихлавӣ, *Ширӣн и Ҳусрау*. Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1966).
- XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин*. Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.
- XIV. Мӣрзā 'Абдал'азӣм Сāмӣ, *Та'рӣх-и салātӣн-и манғӣтӣйа (История мангьтских государей)*. Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.
- XV. *Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов)*. Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.
- ХVI. Камалашила, *Бхаванакрама (Трактат о созерцании)*. Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

ПЕРЕВОДЫ

- I. Мухаммад-Кāзим, *Поход Нāдир-шāха в Индию (Извлечение из Та'рӣх-и 'āламйрā-йи нāдири)*. Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.

- II. *Законы Ману*. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960.
- III. *Дхаммапада*. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960. (Bibliotheca Buddhica. XXXI).
- IV. 'Абд ар-Рахмāн ал-Джабартī, 'Аджа'иб ал-асīр фи-т-тарй-джим ва-л-ахбār (*Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий*).
Т. III, ч. 1. *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801)*. Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М., 1962.
Т. IV. *Египет под властью Мухаммада 'Али (1806—1921)*. Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.
- V. *Брихадараньяка упанишада*. Перевод, предисловие и примечания А. Я. Сыркина, М., 1964.
- VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Перевод и комментарии. Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.
- VII. Арья Шура, *Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы*. Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

ВЫШЛИ В СВЕТ

- I. *Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «Е»)*. Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.
- II. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*.
Часть 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.
Часть 2. Надписи XVIII—XX вв. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1968.
- III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)*. Транскрипция, перевод, грамматический комментарий, словарь и предисловие Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортыяна. Вступительная статья Я. Р. Дашкевича, М., 1967.
- IV. *Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»)*. Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова, М., 1966.
- V. *Сāхиб, Дафтар-и дилкушй («Сочинение, радующее сердца»)*. Факсимиле текста. Предисловие, аннотированное оглавление, краткий текстологический комментарий и указатели Р. Хадизаде, М., 1965.

- VI. *Чхандогья упанишада*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1965.
- VIII, 1. *Документы по истории японской деревни*. Часть 1. Конец XVII—первая половина XVIII в. Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой, М., 1966.
- IX. Симеон Лехацц, *Путевые заметки*. Перевод с армянского, предисловие, примечания и указатели М. О. Дарбинян, М., 1965.
- XI. *История халифов анонимного автора XI века*. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.
- XIII. *Идзумо-фудоки*. Перевод с японского, предисловие и комментарий К. А. Попова, М., 1966.
- XIV. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)*. Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., 1968.
- XV. *Повествование вардапета Аристакаэса Ластивертци*. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968.
- XVI. *Упанишады*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1967.
- XIX. *Чхунхянджон квоонджитан («Краткая повесть о Чхунхян»)*. Факсимиле ксилографа, перевод, предисловие и комментарий А. Ф. Троцевич, М., 1968.
- XX. *Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)*. Перевод, предисловие и комментарий Л. С. Переломова, М., 1968.
- XXI. Шараф-хән ибн Шамсаддйн Бидлйсь, *Шараф-нәме*. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой, Т. I, М., 1967.
- XXII. Абӯ-л-Фазл Байхақӣ, *История Мас'уда (1030—1041)*. Перевод с персидского, вступительная статья, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное, М., 1969.
- XXIII. Йӯсуф ибн Закариййә' ал-Мағрибӣ, *Даф' ал-иср 'ан каләм ахл Миср («Удаление бремени с речи жителей Египта»)*. Факсимиле арабской рукописи. Предисловие и указатели А. С. Аввада, М., 1968.
- XXIV. Закарий Канакерци, *Хроника*. Перевод с армянского, предисловие, комментарий и указатели М. О. Дарбинян, М., 1970.
- XXV. *Море письмен*. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1968.
- XXVIII. *Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн)*. Перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова, М., 1969.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

- VII. Бхамаха, *Поэтические украшения*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Э. Н. Темкина.
- XVII. Рашид ад-Дин, *Переписка*. Перевод с персидского, введение и комментарий А. И. Фалиной.
- XXVI. Чжао Хун, *Мэн-да бэй-лу* («*Полное описание монголо-татар*»). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева.
- XXVII. Фазлаллах ибн Рӯзбихан Исфаканӣ, *Михман-наме-йи Бухарӣ* («*Записки бухарского гостя*»). Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Жалиловой. Под редакцией А. К. Арендса.
- XXX. Мас'уд ибн Намдәр, *Сборник рассказов, писем и стихов*. Факсимиле текста. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса.
- XXXI. *Самаркандские документы XV—XVI вв. (о владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане)*. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович.
- XXXII. Сыма Цянь, *Исторические записки («Ши цзи»)*, т. I. Перевод с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступительная статья М. В. Крюкова.
- XXXIII. 1. *Тексты Кумрана*, вып. 1. Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амузина.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	13
Записки от скуки	43
Комментарий	163
Указатель	231
Summary	247

ВВЕДЕНИЕ

С тех времен, когда в Россию проникли первые сведения о «царстве Никанском», о «Японе» — сначала через посредство голландцев, а затем благодаря самим японцам, занесенным к российским берегам океанскими штормами, — страна Солнечного восхода долго еще рисовалась русскому читателю полной экзотики, краем непонятого уклада жизни, где мыслят чуждыми категориями, где обычная человеческая логика теряет ценность и разбивается о стену непонимания, возвращенного другой школой культуры.

Потом появились прямые русские сведения о Японии — книги В. М. Головнина, И. А. Гончарова и других русских путешественников; еще позже просвещенная Америка и Европа взломали (пушками коммодора М. Перри) закрытые двери непонятой страны в надежде хорошо на этом заработать. Япония вышла на мировую арену, и экзотика ее отошла на второй план, уступив место бурному наращиванию экономического и военного потенциала, капиталистической конкуренции с крупнейшими странами Запада.

Некоторое время еще казалось, что разумению европейского читателя недоступна древняя японская культура. Но обнаружилось, как всегда в таких случаях, что непонятное равно неизвестному. Закрасили белое пятно, и оно великолепно вписалось в картину многотрудной общечеловеческой культуры. Старинные японские повести, стихи, сказки, предания, драмы и *дзуйхицу* оказались интересными и доступными точно так же, как интересны и доступны европейскому читателю произведения итальянской, французской, древнегреческой и других литератур.

И чем больше памятников этой литературы появляется у нас в переводах, тем понятнее становится и самобытность ее, и близость к литературам других народов.

В настоящем издании представлен литературный па-

мятник XIV в. «Записки от скуки» (*Цурэдзурэгуса*) Кэнко-хоси.

Написанный в пору открытого военного конфликта между придворной японской аристократией и военно-поместным дворянством, этот памятник живо отражает настроения придворной знати, служит зеркалом идей мыслящей ее части; он дает богатый материал по этнографии, религиям, литературе и языку средневековой Японии. Воспитанный на лучших образцах отечественной и китайской литературы, автор «Записок» создал произведение большой литературно-художественной ценности в одном из интереснейших и теоретически наименее изученных жанров — *дзуйхицу*.

Основные материалы, использованные в работе над памятником, делятся на три категории. Во-первых, это комментированные издания памятника с переводом на современный японский язык или без него, со вступительной или заключительной статьей, излагающей биографию автора и историю создания произведения. Во-вторых, — книги по истории японской литературы, включающие рассмотрение этого памятника, и работы, в том или ином аспекте затрагивающие его. В-третьих, — источники, на которых базируется сам автор «Записок», и работы, посвященные этим источникам.

Особое место в ряду комментированных изданий «Записок от скуки» занимает объемистый труд Сано Ясутаро «Новое исследование *Цурэдзурэгуса*», появившийся в 1940 г. и солидно фундированный¹. Автор этого труда при анализе текста и в заключительной статье критически осмысливает каждую фразу памятника, каждый факт биографии его создателя, Кэнко-хоси, сообщаемый средневековыми источниками, и во многих случаях излагает свое понимание биографии писателя, идущее вразрез с принятыми в японском литературоведении концепциями.

В разработке вопросов истории создания и идеологии памятника большим шагом вперед явились труды одного из виднейших современных специалистов по средневековой японской литературе — доктора Нагадзуми Ясуаки².

¹ Сано Ясутаро, *Цурэдзурэгуса синко*, Токио, 1940.

² Нагадзуми Ясуаки, *Цурэдзурэгуса*, Токио, 1952; его же, *Тюсэй бунгаку-но тэмбо*, Токио, 1956; его же, *Ходзэки-то Цурэдзурэгуса*, — сер.: *Нихон бунгаку си*, т. 4, ч. 2, Токио, 1958; Нагадзуми Ясуаки, *Мацумото Симпатиро хэн*, Кокумин-но бунгаку, котэн хэн, Токио, 1953.

Другой современный исследователь «Записок от скуки», Нисио Минору, в ряде работ попытался дать литературоведческий анализ памятника, определить его жанровые особенности с позиций западной литературоведческой науки. В этом плане особенно заслуживает внимания его книга 1940 г.³

За последнее время трудами этих ученых, а также работами Ёсидзава Ёсинори⁴, Ямагиси Токухэй и Митани Эйити⁵, Татибана Дзюнъити⁶, Сасаки Хатирос⁷ и некоторых других исследователей сделано много для выяснения достоверной биографии Кэнко-хоси, времени и места написания «Записок», классификации элементов произведения по их идейному содержанию, для определения влияния Кэнко-хоси на дальнейшее развитие японской литературы.

Знаменателен интерес, который стал проявляться к проблемам языка «Записок от скуки». Здесь надо назвать работы акад. Н. И. Конрада, определившего роль этого произведения в развитии и становлении национального японского письменного литературного языка⁸, а также Санари Кэнтаро, Мацуо Акира и Окада Сётаро, сделавших анализ грамматических и лексических форм его в сравнительно-историческом плане⁹.

На Западе изучение памятника, как правило, ограничивалось указанием на форму этого произведения и небольшими экскурсами в область идеологии. Из специальных работ заслуживает быть отмеченным почти полный его перевод на английский язык со вступительной статьей и комментариями, опубликованный в 1911 г. Д. Сэнсомом¹⁰.

Перевод памятника выполнен с издания Сано Ясутаро *Цурэдзурэгуса синко* («Новое исследование „Записок от скуки“», Токио, 1940).

³ Нисио Минору, *Цурэдзурэгуса*, — сер.: *Нихон котэн токухон*, № 4, Токио, 1940.

⁴ Ёсидзава Ёсинори, *Муромати бунгаку си*, Токио, 1955.

⁵ Ямагиси Токухэй, Митани Эйити, *Цурэдзурэгуса хёкай*, Токио, 1956.

⁶ Татибана Дзюнъити, *Цурэдзурэгуса*, Токио, 1963.

⁷ Сасаки Хатирос, *Ёсида Кэнко Цурэдзурэгуса*, Токио, 1955.

⁸ Н. И. Конрад, *О литературном языке в Китае и Японии*, — «Труды Института языкознания Академии наук СССР», т. X, 1960.

⁹ Санари Кэнтаро, *Цурэдзурэгуса-но бумпо*, Токио, 1955; Мацуо Акира, *Сёкай Цурэдзурэгуса*, Токио, 1960; Окада Сётаро, *Цурэдзурэгуса-но синкайсяку-то бумпо*, Токио, 1963.

¹⁰ G. B. Sansom, *The Tsuredzure gusa of Yoshida no Kaneyoshi*, — «Transactions of the Asiatic Society of Japan», vol. XXXIX, Yokohama, 1911.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО КЭНКО-ХОСИ

В тексте «Записок от скуки» нет упоминания имени автора. Оригинал произведения утерян. Несмотря на это, со времени появления «Записок» ни у одного исследователя не возникало сомнений в том, что они созданы Кэнко-хоси. Первоначально такая уверенность основывалась на показаниях младших современников писателя, и в первую очередь поэта и литературоведа Сётэцу (1381—1459), державшего автограф Кэнко в руках, и ученика Сётэцу, поэта и исследователя японской поэзии То-но Цунэёри (1401—1494). Позднее японские ученые произвели подробнейший текстологический анализ «Записок», подтвердивший авторство Кэнко-хоси¹¹.

О жизни самого Кэнко-хоси сохранилось очень немного достоверных сведений. Анализ его произведений также мало прибавляет для выяснения конкретных биографических данных об авторе. Биографы Кэнко за такими данными обращаются прежде всего к сочинениям его современников. Таковых можно назвать четыре.

1. *Энтайряку* — дневниковое сочинение первого министра Тоин (Накадзоно) Кинката (1291—1360). Сочинение это, включая описание событий с 1311 по 1360 г., содержит важный и документально достоверный материал по политической истории Японии эпохи Северной и Южной династий. Первоначально *Энтайряку* состояло из 120 книг, среди которых 66 (с 7-й по 72-ю) включали биографические сведения о Кэнко-хоси. Однако большая часть этого сочинения утеряна. В настоящее время известно только 33 книги.

2. *Сётэцу моногатари* (или *Сё сёки моногатари*) — двухтомная теория стихосложения, написанная в жанре *дзуйхицу* поэтом Сётэцу. Здесь помимо филологического анализа «Записок от скуки» содержатся некоторые сведения и о самом авторе — сведения скупые, но достоверные. Кисти того же Сётэцу принадлежит самая старая из сохранившихся до настоящего времени рукописная копия «Записок» — *Сётэцубон Цурэдзурэгуса*¹².

¹¹ Ямагиси Токухэй, Митани Эйити, Цурэдзурэгуса хёкай, Токио, 1956, стр. 1; Сано Ясутаро, Цурэдзурэгуса синко, Кайдай, стр. 15; Араки Ёсио, Тюсэй Камакура Муромати бунгаку дзитэн, Токио, 1961, стр. 201; Татибана Дзюнъити, Цурэдзурэгуса, стр. 3.

¹² Татибана Дзюнъити, Цурэдзурэгуса, стр. 45.

3. *Ёсино сюи* — сборник рассказов неизвестного автора о периоде Ёсино¹³ (Намбокутё — Северной и Южной династий) с охватом событий 1336—1358 гг. Сборник состоит в зависимости от издания из двух или трех книг. В последнее время достоверность *Ёсино сюи* японскими учеными оспаривается¹⁴.

4. Случай, описанный в маки 21 *Тайхэйки* (речь о нем будет ниже), с письмом, написанным от имени Ко-но Моронао (ум. в 1351 г.). Современные исследователи склонны относить этот отрывок за счет фантазии автора *Тайхэйки*, но в XVIII—XIX вв., с легкой руки одного из сочинителей *дзёрури*, этот сюжет широко использовался в пьесах *ёкёку*¹⁵.

Кэнко-хоси — это монашеское имя известного в начале XIV в. поэта Урабэ Канёси. Фамилия Урабэ, одна из древнейших аристократических фамилий Японии, свою родословную возводила к «эре богов», считая, как и другие ветви рода Накатоми, своим родоначальником бога Амэ-но Коянэ-но-микото (члена свиты Ниниги-но-микото, внука богини солнца Аматэрасу омиками).

В X в. один из предков автора «Записок от скуки», некий Урабэ Канэнобу, был близок к императору Итидзё (987—1011) и занимал пост *камицукаса-но ками* — главы департамента, ведавшего синтоистским культом.

Вместе со всей придворной аристократией остатки былого могущества терял постепенно и род Урабэ. К концу XIII в. за ним осталось лишь наследственное владение некоторыми синтоистскими храмами и близость к особе императора.

Урабэ Канёси родился в синтоистском храме Ёсида неподалеку от Киото в семье настоятеля храма — Канэаки в 1283 г.¹⁶ Название Ёсида — фамильного храма дома

¹³ Ёсино — название местности, где император Годайго в 1336 г. основал столицу Южной династии. Период брани между Северной и Южной династиями поэтому часто называют периодом Ёсино.

¹⁴ Татибана Дзюньити, Цурэдзурэгуса, стр. 6.

¹⁵ Сюдзуй Кэндзи, Кокубунгаку си, Токио, 1956, стр. 115.

¹⁶ Эта дата выведена на основании записей в старых храмовых реестрах, гласящих, что Кэнко-хоси умер 14 мая 1350 г. в возрасте 68 лет (сюда по обычаю включен и утробный год). Но существуют и другие источники для датировки рождения писателя, поэтому часть исследователей, отдавая предпочтение тому же 1283 г., не считают эту дату бесспорной. Это, например, Кадзамаки Кэйдзиро (Кадзамаки Кэйдзиро хэн, Сакухин-о тусин-то сита Нихон бунгаку си, Токио, 1960, стр. 97), а целый ряд специалистов склоняется к мнению, высказанному Курихара Нобумицу (1794—1860), и датируют

Фудзивара и места службы нескольких поколений предков Канэеси — стало использоваться для обозначения этой ветви рода Урабэ, поэтому молодого Кэнко-хоси часто называют также Эсида-но Канэеси (Канэеси из Эсида). О его отце подробных сведений не сохранилось. Известно только, что он дослужился до чина *дзибусэ-но сукэ* (чиновник второго ранга в ведомстве, занимавшемся составлением генеалогических таблиц, правами наследования, заключением браков и т. п.) и имел трех сыновей — Дзихэн, Канэо и Канэеси (дочери в родословные таблицы не вносились). По некоторым сведениям, у него был еще четвертый сын — Канэнори¹⁷.

Обладая живым умом и незаурядными способностями, юный Канэеси быстро изучил тот обширный круг литературы, который отец его считал необходимым преподать детям. Помимо памятников японской литературы (*Манъёсю*, *Гэндзи моногатари*, *Макура-но соси* и др.) в него входили и буддийские сочинения, и философские трактаты, и классическая поэзия танского Китая. Токугава Мицукуни, например, отмечает в своей «Истории великой Японии» (*Дай Нихон си*): «В детстве [он] был способным и понятливым, любил читать сочинения Лао [цзы], Чжуан [цзы]; имел литературный талант, хорошо слагал японские песни»¹⁸.

Известно также, что одним из любимейших авторов юного Канэеси был замечательный Бо Цзюй-и (772—846). Начитан он был и в исторических сочинениях, которые впоследствии не раз цитировал в своих «Записках».

Около 1300 г. Канэеси поступил на службу при дворе. Здесь его привлекли к работе ведомства, занимавшегося составлением стихотворных сборников. Его собственные стихи стали включаться в различные антологии. Одной из первых таких антологий было «Продолжение сборника

рождение Канэеси 1282 г. Это — Симмура Идзуру (Симмура Идзуру, Кодзиэн, Токио, 1961, стр. 2197), Сюдзуй Кэндзи (*Кокубунгаку си*, стр. 114). Татибана Дзюньити (*Цурэдзурэгуса*, стр. 9) указывает, что «в последнее время открыты материалы о том, что [Кэнко] был еще жив в 1351 г.».

¹⁷ Элемент *канэ* стал входить в состав имен представителей дома Урабэ с конца X в., когда принц Канэхито (будущий император Итидзё) пожаловал Канэнобу собственноручно начертанный иероглиф *канэ* в знак восхищения умением этого представителя Урабэ гадать на черепаховых панцирях.

¹⁸ Токугава Мицукуни, Дай Нихон си, Эдо, ксилограф 1810 г., кн. 221.

японских песен за 1000 лет» (*Сёку сэнсай вакасю*, 1318, раздел «Смесь», 2), составленное поэтом Фудзивара Тамэё (1251—1338).

На поэтический талант молодого Урабэ Канэёси первым обратил внимание экс-император Гоуда. Он-то и привлек поэта к работе по составлению очередной антологии. Согласно средневековому «табелю о рангах», очень сложному и запутанному, Канэёси получил должность «младшего придворного чиновника (*куродо*, или *курурандо*) 6-го ранга». В официальные его функции входила работа по подготовке материалов к докладу императору, организация придворных обедов, разного рода финансовая деятельность.

Некоторое время спустя поэт из Ёсида был назначен на должность *саманосукэ* (что-то вроде помощника старшего конюшего при дворе). Это означало повышение по службе. Таким повышением, по свидетельству современников, Канэёси был обязан все тому же экс-императору Гоуда, от имени своего сына Гонидзё (1285—1308) определявшему политику двора.

Следующее служебное перемещение Канэёси было связано с выполнением обязанностей члена дворцовой охраны и члена церемониальной свиты при особе императора. Это была должность так называемого «офицера отряда левой гвардии». Таким образом, прослужив при дворе свыше четверти века, Канэёси смог узнать почти все стороны жизни этого центра родовой аристократии.

Около 1319 г. Канэёси бросает двор для службы непосредственно у Гоуда. Здесь он занимает должность *хокумэн-но буси*¹⁹. Формально его обязанности остались прежними, фактически же перемещение Ёсида-но Канэёси в непосредственную близость к организатору антисёгунской коалиции заставляет думать, что поэт становится более активным участником деятельности группы *кугэ*, стоявшей за спиной Гоуда.

С этим периодом жизни Канэёси связывают обычно и его роман с Кобэн — дочерью Татибана Наритада, губернатора провинции Ига. Многие исследователи считают, что Кобэн сыграла большую роль в дальнейшей судьбе поэта.

¹⁹ *Хокумэн-но буси* (*китаомотэ*, или *ин-но хокумэн*) — общее название для членов военной охраны при особе экс-императора. Охрана эта состояла из чинов 4—6-го рангов и подразделялась на старших воинов (*дзёхокумэн*) и младших воинов (*гэхокумэн*). Охрана располагалась у северной стены дворца (или храма), где жил экс-император, отсюда и название — «воины северной стороны».

Версия о несчастной любви к Кобэн основывается на описании из *Гёкусэки дзасси* — сборника жизнеописаний высших буддийских священников, составленного Курихара Нобумицу (1794—1860) на основании старинных документов, мемуаров, записок и художественных произведений.

Курихара Нобумицу пишет, что, после того как Канэёси перешел на службу к монаху — экс-императору Гоуда в храм Дайкакудзи (поэту было тогда 36 лет²⁰), однажды вечером он встретил там прекрасную монахиню, поразившую его воображение. Это была Кобэн. Вскоре между Канэёси и дочерью Татибана Наритада завязалось знакомство, перешедшее затем в любовь. Узнав об этом, отец красавицы велел отправить ее в деревню и поместить там под строгий надзор.

Поэт был безутешен. Не находя себе места от тоски по любимой, он отправился в странствие по восточным провинциям²¹.

В «Исследовании биографии Кэнко» Ноногути Такама-са (1792—1871) была высказана другая точка зрения на эту поездку. Ноногути высказывает подозрение, что здесь Кэнко ставил перед собой задачу найти общий язык с камакурскими правителями. Недаром, пишет он, Канэёси получил от Северной династии духовный сан и дары. Во время этой поездки, утверждает Ноногути, поэт вступил в контакт с домом Ходзё и близко сошелся с буддийским духовенством прокамакурской ориентации²².

Действительно, во время войны между Севером и Югом Кэнко-хоси, как мы увидим дальше, поддерживал связь и с представителями Севера. Однако многие другие факты не позволяют считать объяснение Ноногути основательным.

В собрании стихов Кэнко-хоси есть строки, адресованные монаху Дога. Они не датированы, но по содержанию

²⁰ Как видим, Курихара Нобумицу относит эту встречу к 1319 г. Примерно ту же дату называет и современный литературовед Нунами Такэо (Нунами Такэо, Цурэдзурэгуса кова, Кэнко-хоси, Токио, 1940, стр. 3). Большинство же исследователей не датирует ее; однако можно выделить группу ученых, относящих историю с Кобэн к 1316 г. или более раннему времени.

²¹ Сано Ясутаро (*Кайдай*, стр. 5—7) датирует эту поездку концом 1323 г.; Нунами Такэо (*Кэнко-хоси*, стр. 4) — 1320—1321 гг.; Фудзимура Саку (Фудзимура Саку, Нихон бунгаку дайджитэн, т. I, Токио, 1935, стр. 958) — 1317 г., а Сасаки Хатироси (Сасаки Хатироси, Цурэдзурэгуса, Токио, 1955, стр. 229) — 1312—1315 гг., однако только версия Сано Ясутаро солидно аргументирована.

²² Сано Ясутаро, *Кайдай*, стр. 6.

ясно, что написаны эти строки накануне отъезда поэта в Камакура. Это — стихотворение, прозаическое вступление к которому состоит из фразы: «Осенью, после того, как возвращусь». Основываясь на ней, можно сделать два предположения: 1) план поездки был продуман заранее и 2) сама поездка планировалась менее, чем на год, но более, чем на один месяц.

Что могло заставить Канэёси пойти на такое рискованное по тем временам предприятие, если он наверняка знал о большом размахе крестьянских восстаний, о разгуле грабителей на дорогах Японии и об общей напряженной политической ситуации в стране? Очевидно, не только любовные страдания. Слишком опасную дорогу — от Киото до Камакура — он выбрал. Можно полагать, что первая поездка поэта в Канто была осуществлена с ведома и одобрения Гоуда (кстати, распоряжение о возвращении Канэёси в столицу отдал он) и преследовала какие-то политические цели, служащие интересам антикамакурской коалиции, создание которой к этому времени завершалось (незадолго до этого — в 1321 г. — поездку по буддийским храмам Японии предпринял император Годайго).

«Прошел и этот год, — говорится в *Гёкусэки дзасси*, — получив высочайшее приглашение от монаха-императора [Гоуда. — В. Г.], он возвратился в столицу».

С этим возвращением связывают обычно два события, повлиявшие на дальнейшую жизнь поэта. В шестую луну 1324 г. скончался экс-император Гоуда. Незадолго до того в деревенской глуши умерла возлюбленная Канэёси — Кобэн. Растерянностью и безысходной тоской наполнены стихи Канэёси в это время:

Если сей мир
Сохранился,
Пока осеннее поле сожнут, —
Негде будет прилечь
Ни мне, ни росе.

Большинство японских исследователей полагает, что смерть Гоуда послужила одной из главных причин «удаления от мира», т. е. пострижения в буддийские монахи, Канэёси²³. Другие объясняют мотивы пострижения кончиной Кобэн, неприятностями по службе, стремлением гарантировать себе безопасность ввиду наступления смутного вре-

²³ См. например, Сюдзуй Кэндзи, Кокубунгаку си, стр. 114.

мени²⁴, однако ни одно из этих объяснений не звучит убедительно²⁵.

Факты говорят следующее. Урабэ Канэси, потомок старинного рода синтоистских жрецов, около 1324—1326 гг. постригся в буддийские монахи и поселился в монастыре Сюгакуин, в Ёкава, принадлежавшем секте тэндай. В главный храм этой секты — Энрякудзи задолго до того ушел его брат Дзихэн. Храм Энрякудзи стал в правление Годайго одним из центров политической оппозиции правительству Ходзё. В 1328 г. главой секты тэндай стал старший сын Годайго — Моринага (монашеское имя — Сонъун). В 1330 г. Энрякудзи посетил сам император. Вскоре во главе тэндай стал принц Мунэнага (Сонтё) — четвертый сын императора Годайго, а Моринага, не покидая храма, занялся усилением его военного потенциала. Канэси до конца своей жизни не был безразличен к этой борьбе.

Однако, говоря о мотивах пострижения, нельзя сбрасывать со счетов и причины личного порядка, которые могли дать внешний толчок к принятию окончательного решения.

Правила требовали, чтобы «вступающий на Путь» (принимающий постриг) мирянин взял буддийское имя. Канэси решил, не меняя написания своего имени, принять «онное чтение» составляющих его иероглифов и стал называться Кэнко-хоси — «закононаставник Кэнко».

Монашеский период жизни Урабэ Канэси-Кэнко совпал со временем наибольшей его творческой активности. Он становится в один ряд с крупнейшими поэтами своего времени. Достаточно сказать, что именно теперь вместе с поэтами Тонъя (1301—1384), Дзёбэн (ум. в 1356 г.) и Кёун (даты рождения и смерти не установлены) Кэнко-хоси получает звание одного из «четырех небесных королей японской поэзии»²⁶.

О жизни Кэнко-хоси после пострижения можно судить лишь по очень скудным сведениям, содержащимся в некоторых сочинениях того времени (*Энтайряку* в первую очередь), и отдельным описаниям из его «Записок от скуки».

²⁴ Сано Ясутаро, Кайдай, стр. 12.

²⁵ Сасаки Хатиро, Цурэдзурэгуса, стр. 230.

²⁶ «Четыре небесных короля», или «четыре великих небесных короля», согласно буддийской мифологии, четыре бога, охраняющих мир от злых духов. Каждый из этих богов охраняет свою страну света: Дзикоку — восток, Дзотё — юг, Комоку — запад и Томон — север. Звание «четырех небесных королей японской поэзии» в истории японской литературы присваивалось лишь дважды. Во второй раз присвоение такого звания имело место в новое время.

Однако и первые и в особенности вторые источники не позволяют точно установить хронологическую последовательность событий.

Достоверно можно утверждать одно: первое время поэт почти не жил на одном месте. Проведя некоторое время в различных храмах Киото (в том числе в районе Ёсида), он отправился странствовать по Кисодзи (часть тракта Накаэndo — от уезда Нагано провинции Синано до уезда Гифу провинции Мино). В период этих странствий он жил некоторое время в районе Мисака. Затем Кэнко-хоси построил себе хижину на месте старинного поселения в окрестностях Магомэ, в провинции Синано.

К 20-м годам XIV в. относят и второе путешествие Кэнко-хоси на восток, в район Камакура. По отрывочным данным можно заключить, что кроме Камакура поэт посетил и о-в Сикоку, а после возвращения из странствия некоторое время жил в окрестностях Киото²⁷. Его стихи, как и прежде, полны противоречий. Автор то превозносит одиночество и осуждает суетность мира, то жалуется:

С рассветом проснешься,
И не с кем обмолвиться словом.
Рукав твой
Слезами во сне увлажнен.

По свидетельству современников, отец безвременно умершей Кобэн, Татибана Наритада, раскаявшись в проявленной им некогда жестокости, стал искать расположения Кэнко-хоси и пригласил его поселиться в провинции Ига. Поэт принял приглашение²⁸ и построил себе хижину у подножия горы Кунимияма — там, где в наше время находится селение Танао. Здесь Кэнко-хоси провел свои последние годы.

Несмотря на связи при дворе, став монахом, Кэнко-хоси отказался от роскоши и помощи знати. Он проводил время в чтении книг, а на пропитание зарабатывал плетением корзин. Еще живя в Ёсида, после принятия сана,

²⁷ Долгое время, очевидно, Кэнко жил в отшельнической хижине на холме Нараби-но ока. Неподалеку от этой хижины находился храм Ниннадзи, описанный в данах 52, 53 и 54 «Записок» (см.: Сасаки Хатиро, Цурэдзурэгуса, стр. 231—232; Нагадзуми Ясуаки, Цурэдзурэгуса, стр. 7).

²⁸ Обычно исследователи не указывают точной даты его переезда в Ига, но Д. Сэнсом называет 1338 г. и сообщает о версии, согласно которой поэт жил на Кунимияма (Куними-но ока) только три года. См.: G. B. Sanson, Introductory, — «Transactions of the Asiatic Society of Japan», vol. XXXIX. стр. 2.

Кэнко прислал однажды ближайшему своему другу, поэту Тонъя, стихи:

よ	も	す	ゞ	し							Ночь холодна.
ね	さ	め	の	か	り	ほ					В пристанище временном, где
た	ま	く	ら	も							просыпаешься, —
ま	ま	く	ら	も	あ	き	に				На подушке-руке
へ	だ	で	な	あ	き	か	ぜ				И обоих рукавах осенью
											[Лишь] ветер бесстрастный [лежит].

Стихотворение это помимо прямого своего смысла служило своеобразной шифровкой (так называемой *куцукабури*). Для раскрытия тайного его смысла следовало прочесть подряд одни лишь первые слоги всех строк — с первой до пятой, а затем последние слоги всех строк — с пятой до первой. Таким путем получалась фраза: *よねたまへげにもほし* — «Пожалуй [мне] риса, хочется также и денег».

Тонъя-хоси послал в Ёсида ответное стихотворение *куцукабури*. Прочтенное аналогичным способом, оно давало фразу: *よねはなしげにすこし* — «Риса нет, денег мало»²⁹.

В начале 1350 г. Кэнко-хоси тяжело заболел. Император Северной династии Суко-тэнно (1349—1352), услышав о болезни, приказал послать к нему в хижину гонца с продуктами и лекаря. Когда лекарь пришел в плетеную из травы и веток хижину монаха, тот отказался от его помощи, заявив, что истинный буддист должен радоваться приближению смерти. Рис Кэнко-хоси принял, но тут же раздал его беднякам из окрестных селений. Весной 1350 г. поэт скончался³⁰. В последнем его обиталище, у горы Кунимияма, были обнаружены лишь старая копия сутры *Хоккэкё*, собственноручно переписанные отрывки из *Лаоцзы*, три главы из *Гэндзи моногатари*, 12 свитков бумаги, два комплекта монашеской одежды, постель и бедная домашняя утварь.

Однако такой аскетизм и стремление к одиночеству составляли только одну сторону жизни знаменитого поэта и писателя. Будучи монахом, он посещал дома знатнейших представителей Южного двора, бывал знаком и с руководителями северян. В записи за 6-й день девятой луны 2-го года Дзёва (1346) в *Энтайряку*, например, сказано: «Ясное

²⁹ Оба стихотворения помещены в сборнике Тонъя *Дзоку соансю*, кн. 4.

³⁰ По разным источникам дату смерти относят к 8-му дню четвертой луны, 15-му или 18-му дню второй луны. См. также прим. 16.

и темное не установилось. Пришел Кэнко-хоси. Мастер японской поэзии, [подвергшийся] превратностям судьбы. [Я] пригласил его пред шторы, имел беседу»³¹.

Очевидно, это был первый визит писателя в дом князя Накадзоно — Тоин Кинката. Запись от 26-го дня двенадцатой луны 4-го года Дзёва в том же сочинении гласит: «Небо ясно. Пришел Кэнко-хоси. Произошел следующий разговор о *каригину*³² Моронао³³, губернатора [провинции] Мусаси...» (Речь идет о том, что накануне Моронао присылал узнать, какое платье следует надеть для совершения церемонии новогодних поздравлений, а 26-го дня за этим же от губернатора пришел Кэнко³⁴.)

Можно предполагать на основании этой последней записи, что поэт не был в то время редким гостем в домах киотоской аристократии. Возможно, он не жил постоянно в провинции Ига, а более или менее длительное время проводил в столице.

Упомянутый уже нами отрывок из кн. 21 *Тайхэйки* рассказывает о написании любовного письма от имени Ко-но Моронао жене сторонника Асикага Такаудзи — Энъя Такасада: «Губернатор Мусаси, став крайне рассеянным, мучился от жестокой любви. „Ах, если бы послать ей письмо!“ — подумал он и вызвал искусного в письме отшельника по имени Кэнко...»³⁵. Далее в *Тайхэйки* описывается составление и пересылка письма и ход любовной интриги. Исследователи сходятся во мнении о том, что этот эпизод либо целиком выдуман, либо необоснованно связан с именем Кэнко-хоси³⁶.

Одним из наиболее убедительных аргументов в пользу этих соображений является свидетельство *Энтайряку* о том, что в то время, когда, по версии *Тайхэйки*, составлялось это письмо, Кэнко-хоси в столице не было³⁷.

³¹ Цит. по кн.: Сано Ясутаро, Кайдай, стр. 13.

³² Старинная одежда японской знати. Расцветка ее и украшения зависели от положения и возраста владельца.

³³ Моронао — Ко-но Моронао (?—1351), один из сторонников Годайго. Губернатором Мусаси стал в 1333 г. В 1348 г. он как раз выступил против Кусуноки Масацура (1326—1348) и разбил его.

³⁴ Сано Ясутаро, Кайдай, стр. 13.

³⁵ *Тайхэйки*, 2, — сер.: *Нихон котэн бунгаку тайкэй*, 35, Токио 1964, стр. 335.

³⁶ Араки Ёсио (*Тюсэй бунгаку дзитэн*, стр. 195) прямо называет это место из *Тайхэйки* «ложным обвинением».

³⁷ См.: G. B. Sansom, *Introductory*, стр. 2. Между прочим, в некоторых списках *Тайхэйки* имя отшельника записано другими иероглифами, так что здесь мог иметься в виду и не Канэёси.

Мы остановились на этом пассаже потому, что его возникновение можно естественно объяснить двумя причинами. Во-первых, это взгляды Кэнко на любовь³⁸ и, во-вторых, образ жизни писателя после пострижения, его частое появление в обществе высших военных и государственных чиновников того времени, близкое знакомство непосредственно с Ко-но Моронао. Примечательно, что, вопреки многим высказываниям самого Кэнко-хоси об отвращении к мирской суете, он, как утверждает, например, Кага Ацуко, «и после пострижения поддерживал дружбу с высшим обществом»³⁹.

Исходя из творческого наследия Кэнко и из жизнеописаний, можно заключить, что он был очень противоречивой фигурой, совмещающей, казалось бы, самые непримиримые черты.

При жизни Кэнко-хоси был известен только как поэт. Никто, за исключением, может быть, самых близких к нему людей, не подозревал, что один из «четырех небесных королей японской поэзии» пишет произведение, в которое не включает ни одного стихотворения собственного сочинения.

* * *

Относительно обнаружения и первоначальной судьбы «Записок от скуки» в течение многих столетий исследователи доверялись версии, выдвинутой поэтом и филологом Сандзёниси Санэтака (1455—1537) в его работе *Конгёкүсю*. Содержание сводится к следующему. У Кэнко-хоси был ученик по имени Мёмацумару⁴⁰. Мёмацумару после смерти своего учителя продолжал заниматься поэзией и обнаруживал незаурядные способности. На него обратил внимание влиятельный тогда сторонник Асикага, покровитель поэзии, историк и филолог Имагава Рёсюн (настоящее имя — Садаё, ум. в 1420 г.), который и взял Мёмацумару под свою опеку.

Рёсюн спросил однажды у молодого человека, не оставил ли после себя его учитель каких-либо записей. «Да,— ответил Мёмацумару,— были и стихи, и проза. Многие [из

³⁸ Сюдзуй Кэндзи (*Кокубунгаку си*, стр. 115) прямо указывает на дан 3 «Записок от скуки».

³⁹ Кага Ацуко, Нантё-Хокутё, — сер.: *Гэндайдзин-но нихон си*, т. 10, Токио, 1960, стр. 32.

⁴⁰ Нунами Такэо (*Цурэдзурэгуса кова, Кэнко-хоси*, стр. 9) указывает и на второго ученика Кэнко-хоси — послушника Сэкикандо.

записей] наклеены на стенах хижины. Кроме того, кое-что я взял себе на память».

Тогда Рёсюн направил Мёмацумару в Ёсида, а своего слугу по имени Мицусада Икотаро — в провинцию Ига с указанием собрать все, что написано покойным поэтом. В травяной хижине в Ига было обнаружено 15 листов с текстом стихотворений Кэнко, а в Ёсида собрали наклеенные на стенах листки буддийских книг, на обороте которых оказались написанными прозаические отрывки. К этим отрывкам присовокупили, пишет Санэтака, то, что оставил у себя Мёмацумару и некий Нидзё (предполагают, что это поэт и писатель, занимавший высокие посты на службе у Северной династии, — Нидзё Ёсимото, 1320—1388), и составили отдельную книгу в двух томах. Этой книгой и были «Записки от скуки».

Стихи образовали отдельный поэтический том, в который вошли 50 стихотворений (всего в собрание стихотворений Кэнко включено 285 стихотворений, написанных в разное время)⁴¹.

Название сочинению по первым его словам предложил дать монах Сёо-хоси. *Цурэдзурэ нару мама-ни* — «когда одолевает скука» — так начинается вступительный абзац сочинения. *Цурэдзурэгуса* — «Записки от скуки» — так стало называться все сочинение. Его наново переписал служитель храма Сагара Хэда провинции Тотоми — Сотё-хоси, после чего «Записки» стали широко известны⁴².

Такому рассказу об истории обнаружения, переписки и обнародования «Записок от скуки» безоговорочно верили все исследователи вплоть до начала XX в. В конце 20-х — начале 30-х годов нынешнего столетия в японском литературоведении вместе с освоением европейских методов литературоведческого анализа большое распространение получает идея критического пересмотра классического наследия. Вместе со многими другими памятниками подробному филологическому анализу с новых методических позиций подвергаются и «Записки от скуки».

Если старые японские, а вслед за ними и европейские (К. Флоренц, В. Г. Астон и др.) ученые принимали на веру

⁴¹ Сборник состоит из пяти разделов. Окончание работы над ним предположительно датируют 1346 годом. 16 стихотворений Кэнко, вошедших в антологию *Сёку сэнсай вакасю*, сюда не относятся. См.: Такаги Итиносукэ, Нихон бунгаку, Котэн, Токио, 1955, стр. 60.

⁴² Версия Сандзёниси Санэтака изложена здесь в основном по книге Нунами Такэо (Кэнко-хоси, стр. 9—11).

почти все сведения по истории литературы, которые дошли до них от средневековья, то теперь основой для изучения истории литературы становится само произведение, его стилистический, языковой и отчасти формально-литературоведческий анализ.

Новый этап в изучении «Записок от скуки» помимо всего знаменовался отказом от версии Сандзёниси относительно создания и истории обнаружения их. Всестороннее изучение памятника уже в 30-е годы нашего столетия привело японских литературоведов к выводу о том, что произведение это представляет собой единое целое, отдельные компоненты которого расположены друг относительно друга в строгой логической последовательности самим автором, и, следовательно, весь рассказ о собирании фрагментов и объединении их после его смерти весьма сомнителен.

Одной из проблем истории произведения является его датировка. Если «Записки» датировать на основании рассказа о Мёмацумару, то естественно предположить, что частью они были созданы в первые годы после пострижения Канзёси (когда он жил в Ёсида), частью — позднее. Материалом для конкретной датировки памятника послужил сам его текст.

Первое, на что обращают внимание исследователи, — это наличие в «Записках» четырех различных наименований императоров: *ин* (монашествующий экс-император) — когда речь идет о Гофусими, *кохоно* (покойный монах-император) — о Гоуда, *синъин* (новый экс-император) — о Ханадзоно и *тодай* (ныне царствующий) — о Годайго⁴³.

Несложные подсчеты показывают на основании этих данных, что произведение могло быть создано в то время, когда у власти находился император Годайго (1318—1338) и отрекся от престола Ханадзоно (1318), когда уже был покойным Гоуда (1324) и был еще правящим экс-император Гофусими (до 1333 г.), т. е. с пятой луны 1324 г. по 1333 г. Рассмотрение же других данных вносит в датировку произведения некоторые коррективы. Наиболее длительное время просуществовало мнение о том, что «Записки» созданы в два приема в разное время. Первая их часть, говорили сторонники этого мнения, была написана на холме Нараби-но ока, в Ёсида, в 1334—1335 гг., а вторая — в хижине на Кунимияма в 1336—1338 гг. Эта точка

⁴³ Ёсидзава Ёсинори, Синтё Муромати бунгаку си, — сер.: *Нихон бунгаку дзэнсю*, т. 6, Токио, 1955, стр. 52.

зрения преобладала в конце 30-х и в 40-х годах нашего столетия и обстоятельно изложена Сано Ясутаро⁴⁴.

В последнее десятилетие определились еще более узкие хронологические рамки написания произведения. Сейчас многие историки литературы датируют его на основании разысканий Татибана Дзюнъити одиннадцатью месяцами — с 7-го дня одиннадцатой луны 2-го года Гэнтoku (1330) по 20-й день девятой луны 1-го года Гэнкё (1331)⁴⁵.

В заключение этого раздела приведем некоторые сведения об истории изданий и изучения «Записок от скуки» за шесть столетий существования произведения.

Автографа «Записок» до нашего времени не сохранилось, однако отсутствие сколько-нибудь существенных отличий между разными изданиями — рукописными, ксилографическими и наборными — этого произведения почти целиком снимает в данном случае проблему первоначального текста, играющую столь существенную роль при разборе «Записок у изголовья» Сэй-сёнагон или «Записок из кельи» Камо-но Тёмэй⁴⁶.

Наиболее старым из дошедших до нас экземпляров «Записок от скуки» является рукопись, переписанная в 1431 г. Сётэцу и находящаяся ныне в книгохранилище Сэйкадо бунко, в Токио⁴⁷. О распространении произведения Кэнко-хоси в XVI—XVII вв. можно судить лишь по косвенным признакам. Известно, что до 1593 г. сочинения светского содержания распространялись в Японии лишь рукописным или ксилографическим способом. В 1601 г. в

⁴⁴ Сано Ясутаро, Кайдай, стр. 16—24.

⁴⁵ См.: Татибана Дзюнъити, Цурэдзурэгуса, стр. 10—30 (в этой работе разбирается две версии: по первой «Записки» созданы в указанный здесь 309 дней, по второй — с конца восьмой луны 1329 г. по 20-й день девятой луны 1331 г.); Кадзамаки Кэйдзиро, Сакухин-о тюсин-то сита нихон бунгаку, стр. 98; Ямагиси Токухэй и Митани Эйити, Цурэдзурэгуса хёкай, стр. 5—6; Цугита Дзюн, Кокубунгаку си синко, дзёкан, Токио, 1953, стр. 557; Нагадзуми Ясуаки, Тюсэй бунгаку-но тэмбо, стр. 291; Такаги Итиносукэ, Нихон бунгаку, стр. 129. Другие мнения: Ёсидзава Ёсинори, *Муромати бунгаку си*, стр. 53 (1324—1331); Roger Verstand, *La Litterature Japonaise*, Paris, 1956, стр. 39 (1335 г.). См. также: Хисамацу Сэнъити [сост.], Нихон бунгаку си [Тюсэй], Токио, 1955, стр. 189—191 и Хирохата Юдзуру, Кэнко-хоси-но сэкай, — сер.: *Нихон бунгэй кэнкю*, т. 13, № 2, 1961, стр. 51.

⁴⁶ Сато Кэндзи, Камо-но Тёмэй-то Ходзёки, — сер.: *Иванами кодза Нихон бунгаку*, № 20, Токио, 1933, стр. 5—6.

⁴⁷ Татибана Дзюнъити, Цурэдзурэгуса, стр. 45; Хисамацу Сэнъити, Нихон бунгаку си, стр. 192; Араки Ёсио, Тюсэй бунгаку дзитэн, стр. 201.

числе первых японских светских произведений были набраны подвижным шрифтом и «Записки от скуки». Через три года после первого издания, в 1604 г., издательство Сага в Киото выпустило второе наборное издание «Записок» в серии памятников японской литературы, в которую вошли *Синкокинсю*, *Хякунин иссю*, *Ходзёки* и другие произведения⁴⁸.

Из этого можно заключить, что к началу XVII в. «Записки от скуки» числились в ряду популярнейших произведений японской литературы, и, следовательно, распространение его среди читателей в предшествующие десятилетия можно считать весьма значительным.

Это предположение подтверждается еще и тем, что почти все японские новеллы XVII в. — *канадзоси* носят заметные следы влияния «Записок от скуки»⁴⁹.

С началом эпохи Токугава (1603—1867) в связи с возрастанием интереса к национальной литературе раннего средневековья со стороны создателей и популяризаторов городской литературы начинается и критическое изучение «Записок от скуки» Кэнко-хоси. Первоначально — это комментирование текста произведения с элементарным литературоведческим (точнее, текстологическим) анализом.

Самой ранней книгой комментариев к «Запискам от скуки» является вышедшая в 1601 г. работа Рюан-хоин «Выдержки из *Цурэдзурэгуса*», в которой отмечено сходство этого произведения с памятниками хэйанской литературы — *Макура-но соси* и *Гэндзи моногатари*⁵⁰. В 1621 г. появилась работа Хаяси Радзан (1583—1657) *Нодзути*, освещающая «Записки» в том же аспекте, но с акцентом на идейное их содержание.

Возрастание интереса к произведению Кэнко-хоси в

⁴⁸ R. Lane, *Modern Japanese Novel: kana-zoshi, 1600—1682*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», Dec., 1957, vol. 20, nr. 3 and 4, стр. 647—648.

⁴⁹ R. Lane, *Modern Japanese Novel*, стр. 669. Цугита Дзюн (*Кокубунгаку си синко*, стр. 562), например, указывает, что среди *канадзоси* начала Эдо (т. е. в XVII в.) обнаруживается много произведений, имитирующих или берущих за образец «Записки от скуки», и отмечает влияние их на протонародную литературу эпохи. В этом плане интересна новелла *Есивара сиццуцэ*, рассмотренная Исикава Ивао в статье, посвященной *канадзоси* (см. сборник *Кансё цуки хои*, Токио, 1935, стр. 340—342).

⁵⁰ Книга эта (полное ее название — *Цурэдзурэгуса Дзюмёин сё*), ставшая ныне библиографической редкостью, несколько лет назад была переиздана в Японии фототипическим способом (см.: Цугита Дзюн, *Кокубунгаку си синко*, стр. 562).

XVII в. наглядно характеризуется увеличением количества изданий текста, комментариев и исследований «Записок от скуки». Так, если в первой половине столетия появилось четыре таких книги, то во второй половине — с 1652 по 1693 г. — их вышло уже 22.

Влияние этого произведения на творчество многих японских писателей того времени общепризнано. В японском литературоведении последователями Кэнко-хоси считают таких крупнейших писателей, как Ихара Сайкаку (1642—1693) и Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724), которым по праву принадлежат видные места в истории мировой литературы. Творчество Кэнко-хоси оказало воздействие и на японскую поэзию в жанре *хайкай* (семнадцатисложные трехстишья), и в особенности на творения одного из самых знаменитых поэтов, писавших в этом жанре, — Мацуо Басё (1644—1694)⁵¹.

В том же XVII в. было написано 13 произведений, посвященных биографии Кэнко, содержащих переводы его «Записок» на разговорный язык или представляющих собой вариации на темы этого произведения.

Особенно много работ, посвященных «Запискам от скуки», вышло после буржуазной революции 1868 г. Исследования и переводы памятника появились за последние годы на многих языках. Некоторые работы посвящены специально разбору отдельных *данов* «Записок». По количеству исследований и переводов это произведение занимает едва ли не первое место в японской литературе и спорит в этом отношении с *Гэндзи моногатари* Мурасаки-сикибу⁵². Исследователи ставят «Записки от скуки» на одно из первых мест в японской классической литературе⁵³ и используют их для изучения японского средневековья в самых разнообразных аспектах.

⁵¹ Цукамото Тэцудзо, Цурэдзурэгуса кайсяку, Токио, 1925, стр. XI. См. также: L. Magnino, Storia della Letteratura Giapponese, [Milano], 1957, стр. 94.

⁵² Цугита Дзюн, Кокубунгаку си синко, стр. 562.

⁵³ См., например: Есидзава Есинори, Муромати бунгаку си, стр. 57; Игараси Тикара, Син кокубунгаку си, Токио, 1930, стр. 288; Араки Есио, Цурэдзурэгуса, Токио, 1953, стр. 99; Маруяма Римпай, Бунгэй синдзитэн, Токио, 1953, стр. 240; «Introduction to Classic Japanese Literature edited by Kokusai Bunka Shinkokai», Tokyo, 1956, стр. 202—203.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КОМПОЗИЦИЯ «ЗАПИСОК ОТ СКУКИ»

«Записки от скуки» Кэнко-хоси, по общему признанию, являются образцом *дзуйхицу*. Этот жанр изучен мало, и среди специалистов бытуют самые противоречивые воззрения на его генезис, характер и типологическое единство с европейскими эссе, с которыми произведения *дзуйхицу*, по мнению многих исследователей, должны сравниваться при формальном анализе.

Первоначально «Записки» делились только на два *маки* — «верхний» (до нынешнего 136-го *дана* — параграфа — включительно) и «нижний» (с 137-го по 243-й *дан*). Дошедшие до нас ранние рукописные копии и ксилографические издания не имеют деления на мелкие разделы или параграфы, однако последовательность изложения всюду, начиная с самых ранних копий и до современных изданий, одинакова. Стилистических расхождений в разных изданиях произведения также нет.

В 1667 г. Китамура Кигин, издавая комментированный текст «Записок от скуки» под названием *Цурэдзурэгуса бундан сё*, впервые «для удобства» разделил произведение на 244 части (*дана*) разной величины (от одной строчки до нескольких страниц текста) и содержания. Это деление прочно вошло в литературную традицию⁵⁴, хотя и не всегда считалось бесспорным⁵⁵. В современных изданиях оно считается общепринятым (вступление и 243 *дана*).

⁵⁴ Сано Ясутаро, *Цурэдзурэгуса, Сосэцу*, — сер.: *Кокуго кокубунгаку кодза*, т. 3, Токио, 1933, стр. 14—15; Хисамацу Сэнъити, *Нихон бунгаку си*, стр. 192.

⁵⁵ В рукописном отделе Института востоковедения АН СССР хранится ксилограф 1691 г. (Киото) под названием: «„Записки от скуки“ с выборочными иллюстрациями. С исправлениями и примечаниями» (*Кайсэй тосё Цурэдзурэгуса эсё*; шифр С—237; 26,5×18,5; 2 книги в 2 томах; рамка — 24×16,5; скоропись; *хэнтайгана*). Издание ксилографа подготовлено в 1690 г., доски резал Хаяси Идзуми, иллюстрировал Кусада Сайсун Киноко. Общие принципы деления на *даны* совпадают с теми, что предложил Китамура, но в частности содержат отличия. Во-первых, в нумерацию включено «Введение» и *дан* 136 разделен на две части. Во-вторых, разделены на две части *даны* 232 и 234 (по Китамура) (в нашем ксилографе это *даны* 96—97 и 99—100 второй книги соответственно, поскольку в кн. 2 нумерация ведется сначала). Таким образом, все произведение разделено в этом ксилографе на 247 *данов* (138 — в первой книге и 109 — во второй). Татибана Дзюнъити предложил (правда, в очень осторожной форме) свое деление текста «Записок» на 266 *данов* (см.: Татибана Дзюнъити, *Цурэдзурэгуса*, стр. 39). Для существа же вопроса жанровой специфики произведения наличие или отсутствие разбивки значения не имеет.

По принципам построения можно выделить следующие типы *данов*:

1. Короткие безапелляционные сентенции типа афоризмов (такие, как *дан* 127).

2. Перечисление фактов, событий, обычаев, предметов и т. д., объединяемых по одному какому-либо признаку, обозначенному ударным словом или фразой (типа *дана* 72).

3. Длинное рассуждение или нравоучение, сопровождаемое кратким выводом, цитатой или сравнением (как *дан* 9).

4. Изложение факта (как правило, сюжетный рассказ), снабженное более или менее обширными авторскими сентенциями или заменяющими их цитатами (*дан* 41).

5. Простое изложение факта (*даны* 65 или 135).

Таким образом, мы выделяем пять типов *данов* «Записок от скуки». Три из них — перечислительный, дидактический и описательно-повествовательный — можно считать основными, остальные — переходными. Афоризмы можно отнести к дидактическому типу. Эти три основных типа *данов* восходят, как нам кажется, к трем типам источников, повлиявших на формирование жанра *дзуйхицу*.

Наиболее вероятно, что *даны* перечислительные восходят к сочинениям типа «Изречений» Ли Шан-иня, что на формирование дидактических повлияли сочинения типа *Жунчжай суйби* Хун Мая, сочинения китайских классиков и буддийская дидактика, а описательно-повествовательные *даны* в большей степени базируются на традициях национальной японской литературы — *Исэ моногатари*, *Гэндзи моногатари*, *Макура-но соси*.

Структурно часть перечислительных *данов* делится на две части. Каждая из них вводится словом или словосочетанием, обобщающим или называющим объекты перечисления. Вторая часть *дана* противопоставляется первой: неприятное — приятное, плохие друзья — хорошие друзья (№ 72, 117). Таково же построение многих *данов* других типов.

Даны дидактического характера построены по одному из трех принципов. Первый — «чистое» рассуждение. Второй: тезис — аргументирующее рассуждение — вывод. Третий: рассуждение — вывод. В двух последних случаях рассуждение может быть заменено описанием, ссылкой на прецедент, цитатой или повествованием. По тем же принципам строятся и повествовательные *даны*, с той лишь раз-

ницей, что в них повествование играет не вспомогательную, а главную роль.

Для определения круга тем, затрагиваемых Кэнко-хоси в «Записках от скуки», нам представляется наиболее целесообразным исходить из главных идей, проводимых автором через все произведение. Таких главных, основных идей в «Записках» три: буддийская идея бренности, суетности и эфемерности всего сущего (и отсюда призывы следовать буддийскому вероучению); идея регресса в историческом процессе (превосходство древнего над современным и отсюда воспевание древних обычаев) и идея всеобщности *моно-но аварэ* — «очарования вещей».

Материалом описания является для Кэнко-хоси жизнь императорского двора с принятыми в нем обычаями, обрядами и церемониями, жизнь придворной аристократии, жизнь буддийских священнослужителей из окружающих Киото монастырей и природа в многообразных ее проявлениях. Для описаний абстрактного, дидактического характера автор пользуется своими наблюдениями в области психологии и материалами разнообразных источников религиозно-философского характера, исторических трактатов, хроник, преданий, произведений художественной литературы Японии и Китая.

Указанные идеи часто переплетаются, источники письменного характера постоянно чередуются. Типы *данов*, их размеры и содержание меняются подчас настолько кардинально, что при первом прочтении «Записок от скуки» создается впечатление полной разобщенности составных частей и беспорядочности их чередования в произведении.

Так, например, *дан* 25 посвящен утверждению идеи эфемерности сущего. Основной тезис выражен в самом начале: «Мир изменчив, как заводи и стремнины реки Асукагава». Предметом рассмотрения здесь являются «останки неведомой нам старины» — древние дворцы и храмы. Структурно этот *дан* трехчленен (тезис — рассуждение — вывод).

Дан 26 повествует об изменчивости человеческих привязанностей. Основное рассуждение также помещено в начале *дана*, но стилистически построено иначе: «Как подумаешь о годах и месяцах, за которые привык к цветам сердца человеческого, что блекнут и осыпаются даже и без дуновения ветерка, становится печальнее, чем от разлуки с умершим, когда постигаешь переход в мир за пределами нашего...» *Дан* делится на этот тезис и примеры, взятые из литературы.

Предметом дана 27 являются мысли, возникающие при церемонии передачи знаков императорской власти. Структурное его построение: тезис — иллюстрация — вывод, вытекающий из иллюстрации и косвенно расшифровывающий тезис.

В дане 28 описывается вид императорских покоев после смерти императора. Основная мысль, открывающая описание: «Нет ничего более печального, чем год всеобщего траура». Небольшой дан состоит из тезиса и его раскрытия.

Темами следующих данов являются: любовь к прошлому (29); кончина человека и обычаи, связанные с его погребением и поминовением (30); рассказ о том, как на письмо, отосланное после снегопада, последовал ответ с выгвором за то, что в письме ничего не было сказано о впечатлении от снегопада (31); лирический рассказ о свидании влюбленных (32).

Принципы построения, размеры, эмоциональная окраска, стиль изложения и лексика в этих данах постоянно меняются. Однако наряду с этими различиями указанным отрывкам присуща и некоторая тематическая общность. Эта тематическая общность не сводится к сюжетной общности, общности главной посылки или общности аргументации.

Так, всеобщность провозглашенной в тезисе дана 25 идеи изменчивости всего сущего аргументируется помимо не вечности вещей еще и эфемерностью человеческих деяний, мимолетностью чувств и, наконец, изменчивостью самого человека.

Следующий дан, 26, говорит о человеке. Но он затрагивает лишь одну сторону человеческого бытия — изменчивость привязанностей. Эта мысль четко выражена в тезисе, однако иллюстративная часть дана уводит в сторону от раскрытия заявленной в тезисе идеи. Если содержащийся в этой части намек на мысли китайских мудрецов прямо относится к тезису, то цитирование стихов Фудзивара Кимидзанэ соотносится не только с началом дана 26, но и со словами «уходят, сменяясь, радость, печаль» из тезиса предыдущего дана.

Дан 27 начинается словами: «Бывает беспредельно грустно, когда, совершая церемонию Передачи государства, изволят вручать меч, яшму и зеркало» (знаки императорской власти). Упоминание этой церемонии у читателя ассоциируется с обычаем посвящения в монахини незамужних принцесс и вдовствующей императрицы при получении сим-

волов власти новым императором — обычаем, о котором говорилось в начале *дана* 24. Одновременно в памяти обновляется и содержание *данов* 22 и 23, описывающих другие придворные обычаи.

Однако иллюстративная часть *дана* 27 посвящена не этой церемонии, а словам «бывает беспредельно грустно». Грустно потому, что прежнего императора оставляют его слуги, забывают паломники, занятые «мирскими хлопотами». Отсюда вывод: «Именно при таких обстоятельствах раскрывается человеческая сущность».

Две последние детали сразу увязывают идею этого отрывка с *данами* 25 и 26.

Но главный признак человеческого непостоянства — это смертность человека. «Нет ничего более печального, чем год всеобщего траура» (год смерти императора) — так начинается *дан* 28. И следом за этим тезисом идет перечисление знаков траура во дворце, опять-таки возвращающее нас к *данам* 22 и 24.

Дан 29 рассказывает о бесследно уходящих в прошлое событиях и вещах, а 30-й снова говорит о смерти и о забвении, напоминая тезис *дана* 25 и содержание всех последующих и нескольких предыдущих *данов*.

Даны 31 и 32, казалось бы, никак не связаны тематически ни с предыдущими *данами*, ни между собой. Это *даны* повествовательные, имеющие параллели с отрывками, расположенными совсем в других местах произведения. И тем не менее они помещены как раз там, где наиболее уместны, и именно по тематическому признаку.

В первом из этих повествований речь идет о мужчине. Повествование закончено, следует авторская ремарка: «Это было очень забавно». Однако после ремарки мы видим еще и своеобразный «постскрипtum»: «Ныне того человека уже нет, поэтому я не могу забыть даже такого незначительного случая». Второе повествование заключено не ремаркой, а рассуждением о нравственной чистоте женщины, в нем описанной. А после рассуждения — опять «постскрипtum»: «Потом я узнал, что вскоре та женщина скончалась».

Этими приписками внимание читателя снова обращается к предыдущим отрывкам, хотя главное содержание *данов* соотносит их с совершенно иными *данами*, примыкающими к ним тематически или стилистически.

Некоторые *даны* многотемны. Мысль автора, цепляясь за случайные, на первый взгляд, детали одного явления, переключается на другое, затем третье, четвертое и т. д.

явление. В ходе изложения меняется и стиль повествования, и характер образности, и тип описания. Как правило, в таких случаях (*дан* 137) мы имеем дело с тематически узловыми отрывками, каждая идея которых, бегло очерченная здесь, в дальнейшем должна получить возможно более полное раскрытие.

Такие узловые *даны* представляются центрами стяжения тематических групп, прямо связанных и между собой, и с центральным *даном*, а через повороты тем, иногда едва намеченные, — с другими тематическими группами.

Таким образом, можно установить один из признаков, позволяющих рассматривать «Записки от скуки» как цельное произведение, отдельные компоненты которого подчинены определенным законам и связаны между собой тематически. Связь эта, насколько можно судить, проследив идейно-тематические переходы в «Записках», проведена автором сознательно.

Основой такой связи является идея. Главная идея (а их, как уже было сказано, мы выделяем три) разбивается на темы. Тема может служить средством раскрытия одной или нескольких идей. Так, идея бренности и эфемерности этого мира тематически может выражаться в описании обычаев или обрядов (особенно в показе их исторического изменения и отмирания), в рассказах о явлениях природы, в рассуждении о человеке, его характере, его поступках, физическом развитии и угасании, суждениях о нем и т. д.

Те же объекты могут быть взяты и для проведения идеи превосходства древнего над современным.

Конкретное выражение одной темы в рядом стоящих отрывках почти никогда не бывает однотипным. Одна идея никогда не решается сразу — от начала до конца целиком в следующих один за другим *данах*. Всякая тема, и даже конкретное ее выражение, встречается в разных местах произведения, причем основная идея решается в них отдельными штрихами, в совокупности обрисовывающими один из аспектов этой идеи. Тема последующего *дана* не бывает прямым продолжением во всем объеме темы предыдущего *дана*. Она возникает по ассоциации с темой или частью темы предыдущего или группы предыдущих *данов*, причем какой-либо оттенок темы предыдущего *дана* может быть освещен в последующем *дане* в новом аспекте.

Поворот темы, изменение угла рассмотрения выражаемой ею идеи бывает, как правило, заложен в предыдущем *дане*. Это своеобразный блик, который оказывается отбро-

шенным каким-то ярким источником в виде сконцентрированно выраженной идеи. Иногда рассмотренная, кажется, до конца тема в деталях дорисовывается при проведении других мыслей, при обрисовке других тем. Все эти приемы служат единой цели: не утомляя читателя однообразием и излишней дидактичностью изложения, связать все произведение (кажущееся бессвязным и бесструктурным на первый взгляд) в идейно-тематическом плане воедино. Такой вид связи отдельных компонентов произведения можно определить как тематические ассоциации.

Проф. Накано Ёсио, говоря о *дзуйхицу*, и в частности о «Записках от скуки» (правда, в несколько другой связи), проводит одну очень интересную параллель. Он пишет: «Говорят, что одна из важнейших особенностей садового искусства японского типа заключается в том, что наблюдатель, где бы он ни стоял, никогда не мог одним взглядом охватить всего — в какой-то одной части неизменно остается скрытая прелесть»⁵⁶. Это образное сравнение совершенно точно определяет, по нашему мнению, и характер построения «Записок от скуки». По признанию того же автора, интерес *дзуйхицу* «заключается в изменении тем, скачках ассоциаций, юморе, рождающемся между строк, в глубине вкуса»⁵⁷. Другой исследователь — Араки Ёсио, рассматривая «Записки от скуки», отмечает, что в этом произведении «есть и самостоятельные *дань*, однако большинство из них последовательно скреплено между собой посредством какой-то преемственности». Эту связь он именуется условно связью «типа *рэнга*»⁵⁸.

Для более полной характеристики вопроса о тематической стороне «Записок» нужно отметить одну особую небольшую группу *данов*. Это *дань*, стоящие в тех местах, где тематическая связь ослаблена, уходит в подтекст (случай, когда ассоциации кроются в образах, исторических намеках или цитатах) или переходит в другое русло. Они выпадают из общего тематического контекста и представляют собой сообщения, констатирующие какой-то один факт. Размер их не превышает одной-двух фраз. Такие *дань* не несут идейной нагрузки и предназначены для отвлечения внимания читателя от развивавшейся ранее идеи

⁵⁶ Накано Ёсио, Эссэй — в кн.: *Бунгаку-но дзянру* [сер.: *Син бунгакурон дзэнсю*, т. 4], Токио, 1941, стр. 255.

⁵⁷ Там же, стр. 263.

⁵⁸ Араки Ёсио, Тюсэй Камакура Муромати бунгаку дзитэн, стр. 202.

с целью подготовить его к новой серии идейно насыщенных *данов* (функция чисто художественно-композиционная). Примером их может служить *дан* 34.

В последнее время японские литературоведы все чаще останавливают свое внимание на том, что в «Записках от скуки» прослеживается прямая связь между изменением тематики и литературным стилем⁵⁹. Конкретное проявление этой связи выражается в том, что в случаях, где автор приводит описание явления природы, бытовой сценки, происшествия и т. д., — иными словами, там, где он выступает в роли рассказчика, стиль изложения отличается плавностью, большей архаичностью, «классицизмом». Прямая речь персонажей носит следы влияния современного автору языка. Там же, где темой *дана* являются абстрактные понятия — добродетель, целесообразность, благополучие, мирская суета и пр., стиль изложения делается сжатым, скупым, точным, т. е. несет явный отпечаток влияния философской литературы.

На наш взгляд, здесь можно говорить о зависимости стиля от типа *дана*. Так, наиболее кратким изложением отличаются *даны* перечислительного характера. В *данах* дидактического характера можно выделить, пользуясь терминологией Ямагиси Токухэй и Митани Эйити, два основных элемента: изложение субъективной точки зрения и изложение объективного положения вещей⁶⁰.

«Изложение субъективной точки зрения» (тезис) выделяется акцентирующей внимание читателя частицей *косо* (иногда *дзо*). Если такая частица присутствует в тезисе тематически узлового отрывка, то оформленное ею слово или определительное предложение ставится во главу угла этого и нескольких последующих *данов*. Если эта частица присутствует в отдельной части *дана*, то она выдвигает на передний план деталь, которая в несколько ином аспекте разрабатывается в других частях произведения.

Так, в начале первого *дана* стоит фраза: *Идэя, коно ё-ни умарэтэ ва, нэгавасикарубэки кото ко со оокамэрэ* — «Итак, родившись в этом мире [человеком], того, чего можно [еще] пожелать, вы имеете, по-видимому, много». Основной акцент падает на «обстоятельства, кото-

⁵⁹ См., например, Ямагиси Токухэй и Митани Эйити, *Цурэдзурэгуса хёкай*, стр. 7—10; «Introduction to Classic Japanese Literature», стр. 202.

⁶⁰ Ямагиси Токухэй и Митани Эйити, *Цурэдзурэгуса хёкай*, стр. 10—11.

рых можно желать» (домогаться, просить, стремиться). Это — тезис.

Раскрытию его посвящен весь первый *дан*. Каждый возможный предмет желаний стилистически подчеркнут особо. Следующие отрывки также косвенно раскрывают тезис первого *дана*. При этом в поле зрения попадают поочередно все ударные фразы, подчеркнутые в *дане* 1, появляются по ассоциации с ними новые тематические группы и, переплетаясь между собой, образуют цепь тематических ассоциаций и стилистических переходов.

Существо стилистических переходов состоит в подготовке стиля последующего *дана* в предшествующем. *Дан* 96, например, сжатостью стиля, краткостью языкового выражения мысли напоминает следующий *дан*, 97, в котором, однако, эта краткость еще более усиливается, принимая форму, характерную для перечислительных *данов*. Этот последний стилистически приближается к *дану* 98, с четвертым пунктом которого он почти точно совпадает по типу построения фраз.

Вступительная часть *дана* 98 по характеру стиля примыкает к началу *дана* 99, вторая часть которого, в свою очередь, служит началом для большой группы (99—107) повествовательных отрывков с плавными стилистическими переходами и т. д.

Таким образом, большие группы *данов* оказываются связанными внутри себя стилистически. Стилистическая связь, как правило, зависит от рассмотренных выше тематических ассоциаций и ярче всего прослеживается в подготовке *данов* одного структурного типа внутри *данов* другого структурного типа.

В связи с тематическими ассоциациями уже говорилось о том, что одна и та же мысль развивается автором в разных частях произведения. Этот прием воспринят Кэнко-хоси из традиций китайско-японской поэтики и носит название *ко-о* — «призыв-отклик».

Характеризуя этот прием построения произведения, акад. Н. И. Конрад пишет: «Наличность такой „переклички“ является всегда верным показателем единства замысла произведения. Ведь такая именно мысль или образ только тогда будут „призывом“, когда автор заранее предполагает дать им где-нибудь в дальнейшем „отклик“. И когда дается этот отклик, автор всегда этим самым в той или иной степени возвращается к началу, так или иначе связывает вновь один конец с другим; опять вводит свое изложе-

ние в какие-то рамки. Поэтому благодаря приему *ко-о* у читателя всегда поддерживается ощущение единства всего целого»⁶¹.

Можно было бы привести десятки примеров наличия в «Записках от скуки» Кэнко-хоси такой переключки. «Призыв» у него обычно декларативен. На каком-то расстоянии от него или непосредственно вслед за ним автор помещает рассуждение, описание или декларацию более частного характера, подчиненную той же мысли. Затем следует еще одно рассуждение, описание или декларация, акцентирующие внимание читателя на другой детали этого положения. Многократным и разноплановым освещением первоначального тезиса (призыва) в деталях, играющих роль антитезиса, автор приходит к синтезу (отклику), являющемуся формальным завершением всей идеи или одного существенного ее аспекта.

Так, ответом на первый *дан* после множества промежуточных звеньев выступает 242-й, предпоследний *дан*. Если в «призыве» речь шла о желаниях, а в разных других частях «Записок» эти желания подробно рассматривались, завершаясь в *дане* 241, то *дан* 242, синтезируя весь пропущенный через призму авторской критики материал, посвящается удовольствиям:

«Неустанные заботы наши о том, что неблагоприятно и что благоприятно, проистекают лишь из отношения к трудностям и удовольствиям. Все любят удовольствия и никогда не перестают искать их. Доставляет удовольствие, во-первых, слава. Слава бывает двоякого рода. Это — восхваление поступков и восхваление таланта. Во-вторых, доставляет удовольствие вожделение, в-третьих, чревоугодие. Со стремлением к этим трем удовольствиям не сравнится ни одно из тьмы желаний. Возникает оно от извращенного взгляда на жизнь и влечет за собой многие бедствия. Лучшее всего — не искать удовольствий».

Вот, собственно, окончательный ответ на тезис о желаниях. Он выдержан в духе всех заключительных высказываний, помещенных в тех трехчленных *данах*, о которых уже говорилось. Такой ответ не является структурно или тематически прямым, а содержит в себе некоторый «поворот темы», обусловленный всем ходом промежуточного изложения.

⁶¹ Н. И. Конрад, Японская литература в образцах и очерках, т. 1, Л., 1927, стр. 292.

Внутри отдельных *данов* Кэнко-хоси использует также одну из разновидностей *ко-о* — дзимон-дзито — «сам спрашиваю, сам отвечаю». Ответ в таких *данах* тоже содержит поворот темы. Наличие такого рода приемов цементирует отдельные *даны*, определяет границы между ними и делает логичным вошедшее в традицию деление «Записок от скуки», предложенное Китамура Кигин.

Наличие разного вида связей внутри произведения в целом скрепляет его воедино, определяет место каждого структурного элемента и придает ему характер композиционной законченности. Композиционная законченность «Записок» подчеркивается и наличием у них обрамления. Здесь помимо внутренней рамки, в качестве которой можно рассматривать уже разобранные в отношениях *ко-о даны* I и 242, можно говорить и о своего рода внешней рамке. Вступительный *дан*, играющий роль зачина, состоит всего из одной фразы. В этой фразе содержится намек на условия, в которых пишется сочинение, и косвенное оправдание перед читателем за то, что не все в книге ему может понравиться. Подобные объяснения есть и в *Ходзёки* (раздел первый, II), и в *Макура-но соси* (предпоследний и последний *даны* по списку «Весенний рассвет»), и в западных эссе. У Кэнко-хоси эта фраза соотносится с заключительным *даном*, 243, представляющим как бы «историческое» объяснение дотошности и бесцеремонности, с которыми автор подчас входил в рассмотрение таких областей физической и общественной жизни современного ему человека, что в течение веков вызывал стыдливые упреки блюстителей нравственности разных стран мира.

Дан 243 можно расценивать как завершающий удар кисти, дополнительно скрепивший все произведение воедино.

Таким образом, рассмотрение структуры «Записок от скуки» позволяет говорить о них как о композиционно едином произведении, тематико-стилистическое разнообразие которого вместе с отсутствием в нем единой фабульной связи не исключает наличия предварительного авторского плана его создания, а сравнение с другими явлениями литературы и искусства средневековой Японии заставляет наличие такого плана предположить.

ЗАПИСКИ ОТ СКУКИ

В скуке, когда, весь день сидя против тушечницы, без какой-либо цели записываешь всякую всячину, что приходит на ум, бывает, что такого напишешь,— с ума можно сойти.

I

Итак, в этом мире вы родились человеком, но есть много вещей, которых вы могли бы еще пожелать¹.

Многострашен титул императора. Потомки августейшего, вплоть до самых отдаленных², благородны — они ведь не чета обычным людям.

Не говоря уже о первых сановниках, даже заурядные люди, когда им бывает жаловано звание *тонэри*³, выглядят внушительно. Не только их дети, но и внуки — пусть им даже изменит судьба — остаются утонченными.

Те, кто ниже их, тоже при случае делают карьеру, какая возможна по их положению, и тогда у них бывает очень спесивый вид. И хотя они мнят себя великими, мне такие люди жалки.

Никого нет незавиднее монаха. Сэй-сёнагон⁴ писала: «В глазах людей он подобен чурбану», и верно, так оно и есть.

Оттого что бонзы галдят во всю мочь, внушительными они не выглядят.

Помнится, будто мудрец Дзога⁵ считал, что жажда мирской славы не соответствует учению Будды. Но ведь и у праведного отшельника есть, по-видимому, какое-то заветное желание.

Человек может иметь желание быть отменно красивым. Если вы скупы на слова, вас всегда приятно слушать; а когда ваш собеседник прекрасен собой, да еще и немногословен, он никогда не надоедает и вас неизменно влечет к нему. Горько, когда человек, которого вы считали пре-

красным, обнаруживает истинную свою сущность, недостойную вашего расположения. Положение и внешний вид каждому даны от рождения, а сердце, если его вести от одной мудрости к другой, более совершенной,— разве оно не поддастся?

Если прекрасный телом и душой человек невежествен, он смешивается с низкими и некрасивыми людьми и без труда подавляется ими. Это прискорбно.

То, что желательно: изучение истинных сочинений⁶, изучение стихосложения⁷, японских песен, духовых и струнных инструментов, а также знание обрядов и церемоний. Если человек возьмет себе это за образец, превосходно.

Почерк иметь не корявый и беглый; обладая приятным голосом, сразу брать верную ноту; не отказываться выпить⁸, несмотря на смущение,— это хорошо для мужчины.

II

Человек с раздутым самомнением, который и принципы управления времен древних мудрецов¹ забыл, и скорбей народа и того, что вредит стране, не ведает, но, во всем стремясь к роскоши, считает себя замечательным, кажется мне бездумным до отвращения.

«Используй то, что имеется под рукой — от одежды и головных уборов до коня и бычьей упряжки. Не гонись за внешним великолепием»,— написано в завещании светлейшего Кудзэ². Рассуждая о придворных делах, монашескую император Дзюнтoku³ писал также: «Императорские вещи — и плохие хороши».

III

Мужчина, который не знает толк в любви, будь он хоть семи пядей во лбу,— неполноценен и вызывает такое же чувство, как яшмовый кубок без дна. Это так интересно — бродить, не находя себе места, вымокнув от росы или инея, когда сердце твое, боясь родительских укоров и мирской хулы, не знает и минуты покоя; когда мысли мечутся то туда, то сюда; и за всем этим — спать в одиночестве и ни единой ночи не иметь спокойного сна!

При этом, однако, нужно стремиться к тому, чтобы всерьез не потерять голову от любви, чтобы не давать женщине повода считать вас легкой добычей.

IV

Не забывать о грядущем рождении¹, не отходить от учения Будды — завидный удел.

V

Человеку, который в несчастье впадает в скорбь, лучше не принимать опрометчиво решения о постриге, а затвориться, чтобы не слышно было — есть ли кто или нет никого за дверью, и жить, не имея никаких надежд и встречая так рассвет и сумерки. Так, видимо, и думал Акимотоно-тюнагон¹, когда сказал: «Захолустья луну без вины я увижу»².

VI

Тем, кто высоко вознесся по своему положению, и тем более таким, кому несть числа, лучше всего не иметь детей.

Прежний принц тюсё¹, первый министр Кудзё², левый министр Ханадзono³ — все желали прекращения своего рода: И министр Сомэдоно⁴, как написано в «Рассказах Старца Ёцуги»⁵, говаривал: «Чудесно, когда потомков нет, скверно, если они вырождаются». И когда принц Сётоку⁶ готовил себе усыпальницу, он как будто бы изволил сказать: «Здесь урежь, там убавь: думаю, что потомков не будет»⁷.

VII

Если бы жизнь наша продолжалась без конца, не улетучиваясь, подобно росе на равнине Адаси¹, и не уносясь, как дым над горой Торибэ², ни в чем не было б очарования. В мире замечательно именно непостоянство.

Посмотришь на живущих — нет никого долговечнее человека. Есть существа вроде поденки, что умирает, не дождавшись вечера, и вроде летней цикады, что не ведает ни весны, ни осени. Достаточно долгод и год, если его прожить спокойно.

Если ты жалеешь, что не насытился жизнью, то и тысячу лет прожив, будешь испытывать чувство, будто это был сон одной ночи. Что станешь делать в мире бесконечной жизни, дождавшись, когда облик твой станет безоб-

разным! «Если жизнь длинна, много примешь стыда»³, поэтому лучше всего умереть, не дожив до сорока лет.

Когда переступаешь этот возраст, перестаешь стыдиться своего вида; стремишься смешаться с толпой, на закате дней печешься о потомках, хочешь жить до тех пор, когда увидишь их блестящее будущее; лишь мирскими страстями одержима твоя душа, а сам ты перестаешь постигать очарование вещей — это ужасно.

VIII

Ничто не приводит так в смятение людские сердца, как вожделение. Что за глупая штука — человеческое сердце! Вот хотя бы запах — уж на что вещь преходящая, и всем известно, что аромат — это нечто, ненадолго присущее одежде, но, несмотря на это, не что иное, как тончайшие благовония неизменно волнуют наши сердца.

Отшельник Кумэ¹, узрев белизну ног стирающей женщины, лишился, как рассказывают, магической силы. Действительно, когда руки, ноги и нагое тело первозданно красивы своею полнотою, когда нет на них поддельных красок, может, пожалуй, случиться и так.

IX

Женщина, когда у нее красивы волосы, всегда, по моему, привлекает взоры людей. Такие вещи, как характер и душевные качества, можно определить и на расстоянии — по одной только манере высказываться.

Иной раз, если представится случай, она может вскружить голову человеку даже каким-нибудь пустяком. Но вообще-то женщина только потому, что в мыслях ее одна лишь любовь, — и спать не спит как следует, и жалеть себя забудет, и даже то, что невозможно снести, переносит терпеливо.

Что же касается природы любовной страсти, поистине глубоки ее корни, далеки источники. Хотя и говорят, что избилуют страстными желаниями шесть скверн¹, все их можно возненавидеть и отдалить от себя². Среди всех желаний трудно преодолеть одно только это заблуждение³. Здесь, видно, недалеко ушли друг от друга и старый, и молодой, и мудрый, и глупый.

Поэтому-то и говорится, что веревкой, свитой из женских волос, накрепко свяжешь большого слона, а свист-

ком, вырезанным из подметок обуви, которую носит женщина, наверняка приманишь осеннего оленя⁴.

То, чего следует остерегаться, питая страх, с чем следует быть осмотрительным, и есть это заблуждение.

X

Когда жилище отвечает своему назначению и нашим желаниям, в нем есть своя прелесть, хотя оно и считается временным пристанищем¹. Там, где тихо живет себе человек с хорошим вкусом, даже проникающие в дом лунные лучи кажутся гораздо милее.

Пусть даже это не модно и не блестяще, но когда старинны аллеи у дома; когда трава в садике, как бы не посеянная нарочно, создает настроение; когда со вкусом сделаны веранда и редкая изгородь возле дома; когда даже домашняя утварь, навеявая мысли о старине, остается незаметной, — все это кажется изящным.

А когда в домах, отделанных с большим прилежанием множеством умельцев, все, начиная с выстроенной в ряд невыразимо прекрасной китайской и японской утвари и кончая травой и деревьями в садике, создано нарочито, это и взор утомляет, и не доставляет никакого наслаждения.

При взгляде на такое жилище думается: «Тут можно прожить долго, но ведь все это может и дымом стать мимолетным!».

Как правило, по жилью можно судить и о хозяине. Над особняком министра Готокудайдзи² якобы для того, чтобы на кровлю не садились ястребы, была протянута веревка. Увидев ее, Сайгё³ заметил:

— А если и сядет ястреб, что за беда?! Вот какова душа этого вельможи! — и уже не стал, как передают⁴, заходить к нему.

Этот случай припомнился мне, когда на коньке крыши во дворце Кодзакадоно⁵, где жил принц Ая-но Кодзи⁶, однажды тоже была протянута веревка. Один человек сказал мне тогда:

— Здесь стаями летают вороны. Его высочеству больно видеть, как они таскают из пруда лягушек.

— Как это замечательно! — подумал я тогда.

Может быть, у Готокудайдзи тоже были какие-нибудь веские причины?

XI

Это было в месяце *каннадзуки*¹. Случилось так, что, проходя через долину *Курусу*², я направился в поисках одного горного селения по бесконечно длинной замшелой тропинке и нашел одинокую хижину — прибежище уединения.

Здесь не раздавалось ни звука, только тихо капала вода из бамбуковой трубы, схороненной под опавшими листьями. Но на *акадана*³ рассыпаны были сорванные хризантемы и кленовые листики: должно быть, кто-то здесь жил. Как зачарованный, смотрел я вокруг: «Ну что ж, можно жить и так!»

Тем временем в садике напротив я заметил большое мандариновое дерево. Его ветви склонялись под тяжестью плодов, но дерево было обнесено глухой изгородью. Меня это несколько отрезвило. «О, если бы не было этого дерева!» — подумалось мне.

XII

Приятно бывает в задушевной беседе с человеком одних с вами вкусов беспечно поболтать и о чем-нибудь интересном, и о разном вздоре. Когда же нет такого человека, а собеседник обеспокоен лишь тем, чтобы не перечить вам в какой-нибудь мелочи, появляется чувство одиночества.

Случается иной раз вести разговоры с разными людьми. От одного только и слышишь: «Да, действительно». Другой не во всем согласен с вами и начинает спорить: «А я так не считаю, — заявляет он, — вот так-то, по таким-то причинам». Вам в этих случаях кажется, что разговор помогает рассеять скуку, но в действительности же по вопросам, вызывающим хотя бы некоторые разногласия, в разговоре с инакомыслящим человеком можно высказываться лишь о пустяках. Как это грустно, когда близкий ваш друг — далеко!

XIII

С чем можно сравнить наслаждение, которое получаешь в одиночестве, когда, открыв при свете лампы книгу, приглашаешь в друзья людей невидимого мира¹?

Книги эти — изумительные свитки «Литературного сборника»², «Сборник сочинений господина Бо»³, речения

Лао цзы⁴, «Каноническая книга мудреца из Наньхуа»⁵. Из творений, написанных учеными нашей страны, древние тоже полны обаяния.

XIV

Очень интересны японские песни. Даже труд презренных лесорубов интересен, когда о нем поют; даже ужасный вебрь, если сказать: «Спящего вебря ложе», начинает казаться добрым.

В нынешних песнях отдельные строки кажутся составленными весьма искусно, но они почему-то совсем не то, что старинные песни, где все — не только слова — казалось исполненным очарования.

Цураюки¹ говорил:

Хоть из ниток свитою
И не является [моя дорога]².

Говорят, что это стихотворение считалось наихудшим в «Собрании древних и новых песен»³, но тем не менее сразу видно, что такой оборот не мог бы сложить наш современник. В песнях того времени выражения и слова такого рода встречались особенно часто. Трудно понять, почему такая слава закрепилась только за этими стихами. В «Повести о Гэндзи»⁴ они записаны так:

Хоть не есть [моя дорога]⁵.

Точно так же отзываются и о стихах из «Нового собрания древних и новых песен»⁶:

Даже сосна, что [хвою] сохраняет,
На вершине уныло [стоит]⁷.

Действительно, по форме они выглядят немного бессвязными, однако в дневнике Иэнага⁸ написано, что при опросе во время поэтических состязаний это стихотворение было признано отменным и его величество, особенно им растроганный, отозвался и потом о нем с похвалой⁹.

Говорят, будто лишь законы стихосложения не меняются исстари. Не знаю, так ли это. Когда древние читали свои стихи, где слова и образы встречались те же, что и поныне звучат в стихах, это было совсем не одно и то же. Там они кажутся легкими, изящными, чистыми по форме

и глубокими по очарованию. Да и слова песен *эйкёку*¹⁰ из сборника *Рёдзинхисё*¹¹ тоже полны очарования.

Как прекрасно звучало все — даже случайно оброненные слова — в устах древних людей!

XV

Отправляясь в небольшое путешествие, все равно куда, ты как будто просыпаешься. Когда идешь, глядя окрест пути то туда, то сюда, обнаруживаешь множество необычного и в заурядной деревушке, и в горном селении. Улучив момент, отправляешь в столицу письмо со словами: «Не забудь при случае того, сего». Это занято.

В такой обстановке занимает решительно все. Даже привычная утварь кажется прелестной, а люди талантливые или красивые представляются очаровательнее обычного.

Интересно также укрыться тайком в храме или святилище¹.

XVI

Танец *кагура*¹ изящен и интересен. Из музыкальных инструментов вообще хороши флейта и *хитирики*². Но всегда хочется слушать *бива*³ и японскую арфу⁴.

XVII

Служить Будде, затворившись в горном храме, — и не наскучит, и создает чувство очищения помраченности¹ в душе.

XVIII

Должно быть, изумительно, когда человек скромно ведет себя, избегает роскоши, не приемлет богатств и не прельщается мирскими страстями. Издревле среди мудрых богатые — редкость. В Китае жил некогда человек по имени Сюй Ю¹. У него не было ничего — никакого имущества, он даже воду пил, зачерпывая ладонями. Увидев это, кто-то принес ему сосуд из тыквы, но однажды, когда мудрец повесил его на сучок, сосуд загудел под ветром. Сюй Ю выбросил его, сказав: «Как он докучлив!». И опять он стал пить воду, зачерпывая ладонями. Как же, наверное, ясно было у него на душе!

Сун Чэнь² в зимние месяцы не имел постели — у него была лишь охапка соломы. Вечером он ложился на нее, утром убирал. Китайцы сочли это замечательным, а посему описали и описания эти передали потомкам. А наши даже изустно не могут рассказать о таких поступках.

XIX

Смена времен года очаровательна в любой мелочи. Вероятно, каждый скажет, что очарование вещей осенью всего сильнее. Это, конечно, так, но, по-моему, еще больше приводит в движение душевные чувства картина весны.

С той поры как щебет птиц зазвучит как-то особенно по-весеннему, как в мягком солнечном свете возле заборов начинает прорастать травка, весна постепенно вступает в свои права: расстилаются туманы и мало-помалу распускаются цветы. И тут как раз налетают дождь и ветер, суматошно разбрасывают их и мчатся дальше. Пока не появится молодая листва, цветы доставляют одно только беспокойство.

Не только прославленный аромат цветущего апельсина¹, но и благоухание сливы, воскрешая минувшее, любовно напоминает о нем. Много незабываемого таят в себе и красота горных роз, и изменчивый облик глициний².

Кто-то говорил мне, что во время Омовения Будды³, в пору праздника⁴, «когда ветки буйно зарастают молодыми листочками, и очарование мира, и людская любовь становятся лучше». Поистине это так.

А разве не сжимается сердце в пятую луну, когда в карнизы втыкают ирис⁵, когда высаживают рассаду, когда трещат коростели!

В шестую луну чарует вид белеющей возле убогой хижины тыквы-горлянки и дымок костра — защита от москитов. Есть своя прелесть и в заклинаниях шестой луны⁶.

А как прекрасны празднования седьмого вечера⁷!

Осенью, в ту пору, когда ночи становятся все холоднее, когда с криком улетают дикие гуси, когда нижние листья кустов *хаги*⁸ меняют окраску, накапливается особенно много дел: жать рис, просушить поля... Прелестно и утро после бури.

Если продолжать рассказ, то окажется, что все это давно уже описано в «Повести о Гэндзи» и «Записках у изголовья»⁹, и все-таки невозможно не говорить о том же самом снова и снова. Поскольку не высказывать того, что

думаешь, — это все равно, что ходить со вспученным животом¹⁰, — нужно, повинувшись кисти, предаться этой пустой забаве, затем все порвать и выбросить, и тогда люди ничего не смогут увидеть.

Но и картина зимнего увядания едва ли хуже осенней. Восхитительны багряные листья, опавшие на траву возле пруда, белым-белое от инея утро и пар, что поднимается от ручейка. Преисполнена ни с чем не сравнимым очарованием и та пора, когда год кончается и всякий человек занят своими хлопотами. Грустен вид неба после двадцатого числа с его холодным и чистым месяцем, который ничем не интересен и которым никто не любит. Очаровательны и величественны такие церемонии, как Имена будд¹¹ или Выход посыльного пред лотосом¹². В это время процветают дворцовые обряды, среди которых такими значительными бывают непрестанные хлопоты, связанные с заботами о грядущей весне! Интересно, когда Изгнание демона¹³ переходит в Почитание четырех сторон¹⁴.

В новогоднюю ночь в крошечной тьме зажигают сосновые факелы; пока не пройдет ночь, люди бродят по улицам, стуча в чужие ворота, из-за чего-то громко кричат и носятся, почти не касаясь земли ногами. Но с рассветом, как оно и положено, все звуки затихают. Грустно бывает расставаться со старым годом.

В наше время в столице уже не говорят о том, что это ночь прихода усопших, и не отмечают Праздник душ¹⁵, но за ним я наблюдал в восточных провинциях, и это было очаровательно!

Хотя и не видно, чтобы с наступлением Нового года вид рассветного неба изменился по сравнению со вчерашним, однако возникает странное чувство, будто оно стало совершенно иным. Красив и радостен вид большой улицы, убранный рядами сосенок¹⁶, — и это тоже чарует.

XX

Некий отшельник — уже не помню, как его звали, — сказал однажды:

— Того, кто ничем с этим миром не связан, трогает одна только смена времен года.

И действительно, с этим можно согласиться.

XXI

При любых обстоятельствах любованье луной действует умиротворяюще. Весьма любопытно, что на слова одного человека, будто ничего нет интереснее луны, другой возразил: «Самое глубокое очарование — в росе».

Если к случаю, то очаровать может все что угодно.

О луне и цветах и говорить нечего. Но что особенно может взволновать человека, так это дуновение ветерка. В любое время года прекрасна и картина чистого водного потока, что бежит, разбиваясь о скалу. Как я был очарован, когда увидел стихи:

Юань и Сян¹ днем и ночью
К востоку стремятся, струясь.
Для того, кто в глубокой печали,
На миг задержаться не могут они².

Цзи Кан³ тоже говорил: «Гуляя по горам и топям, любуясь рыбами и птицами, радую сердце свое». Ничто так не утешает, как скитания вдали от людей, там, где свежи воды и травы.

XXII

Мне во всем дорог лишь мир старины. Нынешние нравы, кажется, становятся худшими из худших. И даже прекрасный сосуд, изготовленный каким-нибудь искусным мастером резьбы по дереву, тем и бывает приятен, что формы его старинны. Замечательны и слова из писем — те, что остались на древних клочках бумаги.

А вот разговорная речь становится все более и более жалкой. Древние говорили: *курума мотагэ* — «поднять повозку», *хи какагэ* — «прибавить огня [в светильниках]!»; ныне говорят: *мотэ агэ*, *кики агэ*¹. Придворной прислуге должны говорить: *ниндзю татэ* — «челядь, стройся!»², а говорят: *татиакаси*³ *сироку сэ* — «факелы засветить!». А взять место, откуда августейший внимает церемонии Сайсёко⁴, — его называли *Гоко-но ро* — «Хижина высочайших размышлений», — ныне называют *коро* — «Хижина размышлений». «Жаль», — говорил один старый человек.

XXIII

Хотя и говорят: «Грядущий век упадка»¹, это совсем не относится к Девятивратному². Его священные очертания,

непохожие на все мирское, великолепны. Сколь прекрасно звучат здесь такие названия, как Росистый терем³, Трапезная⁴, такой-то зал, врата такие-то!

Но даже и в подлом доме такие обычные названия, как «ставенки»⁵, «малый дощатый настил»⁶ или «высокая раздвижная дверь»⁷, ласкают слух.

Чудесны слова: «Стан к ночи готов!»⁸. В августейшей опочивальне изумительно звучит: «Светильники! Быстро!» Не говоря уже о посвящении высокого вельможи в должность, интересно смотреть и на привычно спесивые лица чиновной мелюзги. Забавно, когда ночь так холодна, а они устроившись там и сям, спят до рассвета!

«Приятен и радостен звон священных бубенцов в зале Найсидокору⁹», — говорил когда-то первый министр Токудайзи¹⁰.

XXIV

Когда принцессы уходят в Храм на равнине¹, их облик кажется несказанно изящным и привлекательным. Интересно, что из неприязни к таким словам, как «Будда», «сутра», они говорят: «тот, что в центре», или «цветная бумага»².

Как правило, храмы богов³ трудно покидать: они так очаровательны. Совершенно неповторим не только вид их вековых рощ⁴, — разве же не прелестны «нефритовая ограда»⁵, окружающая их, и полотнища, висящие на священном дереве *сакаки*⁶!

Особенно интересны храмы: Исэ⁷, Камо⁸, Касуга⁹, Хэйя¹⁰, Сумиёси¹¹, Мива¹², Кибунэ¹³, Ёсида¹⁴, Охарано¹⁵, Мацу-но-о¹⁶, Умэ-но мия¹⁷.

XXV

Мир изменчив, как заводи и стремнины реки Асукагава¹, поэтому время проходит, следы деяний исчезают, уходят, сменяясь, радость и печаль², цветущие некогда доли становятся необитаемыми пустынями, а в неизменных жилищах меняется человек. С кем побеседуешь о старине, если персик и слива, не говорят?³

Особенно непостоянным кажется мир при взгляде на некогда достославные останки неведомой нам старины.

Когда смотришь на дворец Кёгоку⁴ или храм Ходзё⁵, то поражаешься, что желания людей постоянны, деяния же

изменчивы⁶. Мидодоно⁷, строя прекрасные дворцы, жалуя бесчисленные поместья, полагал, что и впредь до грядущих веков лишь его род останется опекуном императоров и опорой вселенной⁸. Думал ли он тогда, что все это может когда-либо прийти в такой упадок?..

До недавнего времени оставались еще и большие ворота⁹, и алтарь, но в годы Сёва¹⁰ южные ворота сгорели. Алтарь оказался опрокинутым, да так и не случилось его восстановить. И только Зал Безмерно Долгой Жизни¹¹ остался в прежнем своем виде. Стоят в ряду девять будд¹² в дзё и шесть сяку¹³, вызывая всеобщее почитание. Ясно видны и чаруют до сих пор картины Кодзэй-дайнагона¹⁴ и двери, расписанные Канэюки¹⁵. Как будто остался еще храм Хоккэ¹⁶. Но и этот долго ли продержится?..

А что касается мест, где не сохранилось и таких следов, — то хоть и остались там еще основания строений, но нет людей, которые бы точно знали, что это такое. Поэтому действительно бесполезно загадывать наперед что бы то ни было, включая мир, который не сможешь увидеть¹⁷.

XXVI

Как подумаешь о годах и месяцах, за которые привык к цветам сердца человеческого, что блекнут и осыпаются даже и без дуновения ветерка¹, — становится печальнее, чем от разлуки с умершим, когда постигаешь переход в мир за пределами нашего, ибо не забыть ни одного слова из тех, коим некогда ты внимал столь проникновенно.

Поэтому были люди, жалевшие, что окрасится белая нить, печалившиеся, что дорога разделится на тропы².

Среди «Ста песен времен экс-императора Хорикава»³ есть такая:

У дома милой,
Что была мне некогда близка,
Давно заброшена ограда.
Остались лишь фиалки,
Но и они смешались с тростником.

Грустная картина. Видимо, так все и было⁴.

XXVII

Бывает беспредельно грустно, когда, совершая церемонию Передачи государства¹, изволят вручать меч, яшму и

зерцало². Говорят, что той весной, когда новый монах-император³ соблагОВОлил оставить трон, он сочинил стихи:

Дворцовая челядь
Заботы об этом не знает —
Цветы, осыпаясь,
Неубранный сад
Устилают.

Люди окунаются в бурные хлопоты нового правления, и к бывшему императору нет ни одного паломника. Именно при таких обстоятельствах раскрывается человеческая сущность.

XXVIII

Нет ничего более печального, чем год всеобщего траура¹. Необыкновенно гнетуще действует здесь все — от вида августейшей Хижины скорби², где прямо на землю положены доски пола³, развешаны шторы из камыша⁴, грубые полотняные ленты над шторами⁵ и не отделана высочайшая утварь, — и до одежды, мечей и поясов⁶ придворных.

XXIX

Если подумать спокойно, невозможно побороть в себе любовь ко всему безвозвратно ушедшему. После того как люди угомонятся, долгими вечерами для собственного развлечения приводишь в порядок разный ненужный хлам, рвешь и выбрасываешь клочки бумаг. «Зачем это оставлять?» — думаешь при этом. И среди них натыкаешься вдруг на беглые записи или рисунки, сделанные под мигнутым впечатлением теми, кого уже нет. Тогда-то и всплывает в памяти та минута. Пусть даже это будет записка того, кто еще жив, но если это было давно — какое очарование вспоминать, по какому случаю да в котором году ее писали!

Глубокое волнение вызывает и привычная утварь, что не имеет души и подолгу остается неизменной.

XXX

Нет времени более печального, чем после кончины человека. Пока длится промежуточная тьма¹, множество родственников переезжает в горы и, сгрудившись в тесной, ли-

шенной удобства хижине, сообща совершает посмертные обряды. Это очень хлопотно. Дни бегут так быстро, как никогда. В последний день нет ни настоящего чувства, ни взаимных бесед. Каждый сам по себе забирает свои вещи, и все расходятся разными дорогами.

А по возвращении в родные дома их вновь ожидает много грустного. «Того-то и того-то, — говорят они, — нельзя делать ни в коем случае; тем, кто остался², этого следует избегать». Чем бы это ни было вызвано, какими все-таки негодными кажутся мне в подобных случаях людские сердца!

Один за другим проходят месяцы и годы, однако не приносят они ни капли забвения, — и все же говорят ведь: «День за днем все далее покойный»³, поэтому, несмотря ни на что, нет уже и дум таких, как в те скорбные мгновения; смотришь, люди уже и о пустяках болтают, и шутят друг с другом.

Прах покойного погребен среди всеми забытых гор. И вскоре после того как придут поклониться ему в Установленный день⁴, надгробье порастает мхом, покрывается осыпавшейся листвой дерев, и не бывает здесь других посетителей, кроме вечерней бури да ночной луны.

Еще хорошо, пока есть кому пожалеть, вспоминая усопшего. Но и эти люди, пожив недолго, умирают. Станут ли тогда скорбеть о нем потомки, которые и знают-то покойного только понаслышке?

Поэтому, коли над останками уже свершилась панихида, потом никто не ведает, ни что это был за человек, ни даже его имени. Лишь на вешние травы, что всходят здесь год за годом⁵, может с грустью смотреть человек с чувствительной душой. В конце концов и сосна, что стонала здесь под натиском бури, не дождавшись своих тысячи лет⁶, разделяется на дрова; и древнюю могилу распахивают под поле, так что от нее даже следа не остается. Как это печально!

XXXI

Однажды утром, когда шел изумительный снег, мне нужно было сообщить кое-что одному человеку, и я отправил ему письмо, в котором, однако, ничего не написал о снегопаде.

«Можно ль понять, — написал он мне в ответ, — чего хочет человек, который до такой степени лишен вкуса, что

ни словом не обмолвился, как ему понравился этот снег? Сердце ваше еще и еще раз достойно сожаления». Это было очень забавно.

Ныне того человека уже нет, поэтому я не могу забыть даже такого незначительного случая.

XXXII

Двадцатого дня девятой луны по любезному приглашению одного человека я до рассвета гулял с ним, любуясь луной. Во время прогулки мой спутник вспомнил, что здесь живет одна женщина, и вошел к ней в дом в сопровождении слуги.

В запущенном садике лежала обильная роса. Нежно, неподдельным ароматом благоухали травы, и образ той, что сокрылась здесь от людей, казался мне бесконечно милым.

Немного спустя мой спутник ушел, однако я, занятый своими мыслями, некоторое время еще продолжал наблюдать за хужиной из своего укрытия. Дверь опять чуть приотворилась, — хозяйка, по-видимому, любовалась луной.

Закрой она дверь и скройся сразу же, мне стало бы досадно. Но откуда ей было знать, что тут человек, видевший все от начала до конца? Ведь подобные опасения могут возникнуть лишь из постоянной настороженности.

Потом я узнал, что вскоре та женщина скончалась.

XXXIII

Когда нынешний дворец¹ достраивался, его показали людям, знающим толк в старинных обычаях. Они заявили, что придраться тут не к чему. Близился уже день переноса резиденции², как вдруг, осматривая новый дворец, Гэнкимонъин³ соблаговолила заметить:

— Гребневидный проем⁴ во дворце Канъиндоно⁵ был круглым, никакой выемки там и в помине не было.

Это, по-моему, восхитительно.

Ошибка заключалась в том, что здесь его сделали листовидным, с деревянным обрамлением. Ошибку исправили.

XXXIV

Раковина *кайко*¹ похожа на раковину *хорагай*², однако меньше ее по размерам и у устьяца имеет узкую и далеко выступающую крышечку.

Кайко из бухты Канадзава провинции Мусаси, по словам местных жителей, называют *энатари*.

XXXV

Хорошо, когда человек с плохим почерком, невзирая на это, засыпает всех письмами. Заставлять писать других, ссылаясь на то, что у тебя корявый почерк, — дурно.

XXXVI

Один человек сказал мне: «Когда ты долгое время не навещаешь любимую женщину, то уже думаешь о том, как она на тебя негодует. Выказав ей свою небрежность, мучаешься тем, что нет тебе никакого оправдания.

И тут ни с чем не сравнимую радость приносит тебе ее письмо, где говорится: „Нет ли у тебя слуги? Мне не хватает одного“. Хороша женщина, у которой такой характер!» Действительно, это так.

XXXVII

Бывает, что близкий тебе человек, к которому ты давно уже привык, как-то вдруг начинает тебя стесняться и кажется каким-то изменившимся. Некоторые говорят в таких случаях: «Ну теперь-то к чему это?» Однако мне такой человек представляется истинно прекрасным.

Бывает, что прекрасным может показаться и не столь близкий человек, если с ним немного поговоришь о том, о сем.

XXXVIII

Глупо всю жизнь истязать себя, не зная минуты покоя в погоне за славой и выгодой. Когда много у тебя богатств, ты нуждаешься в защите своей плоти. Богатство — это сводня, заманивающая бедствия и навлекающая беспокойства. Пусть после твоей смерти подопрут деньгами твоими хоть Большую Медведицу¹ — людям они ничего, кроме обузы, не принесут. И то, что глупцу они радуют взор и доставляют удовольствие, недостойно внимания.

Большие экипажи, откормленных коней, украшения из золота и драгоценностей — все это разумный человек станет рассматривать как нечто ненужное и нелепое².

Следует раскидать золото в горах, а драгоценности выбросить в бездну³. Самый глупый человек — это тот, кто пленяется богатством.

Можно желать, чтобы непогребаемое имя твое⁴ долго оставалось известным в мире. Но можно ль назвать выдающимися людьми одних только высокопоставленных и высокородных? Бывает, что даже последний дурак, ежели только он родился в знатной семье и к нему благоволит судьба, достигает высоких чинов и утопает в роскоши недостижимой. И много таких примеров, когда выдающиеся ученые, мудрецы занимали низкие посты, да так и проводили свою жизнь, не встретив удачи. Второе место по глупости занимают те, которые единственно чего жаждут, так это высоких чинов и должностей.

Если хорошенько поразмыслить о желании оставить после себя славу человека незаурядного по уму и по душевным качествам, то можно увидеть, что любить славу — это радоваться известности среди людей. В мире одинаково не задерживаются и тот, кто хвалит, и тот, кто хулит. Да и слушающие их тоже скоро уходят из этого мира. Захочешь ли после этого кого-то стыдиться, кому-то быть известным? Хвала — это лишний источник хулы. Нет также никакого проку и в посмертной славе. Желать ее — третья по счету глупость.

Однако если говорить об этом людям, которые, изо всех сил набираясь ума, желают преисполниться мудрости, то можно сказать так: где появляется мудрость, там и ложь⁵, а таланты приумножают мирскую суету⁶.

Внимать тому, что передают, познавать то, чему учат люди, не есть истинная мудрость. Что же можно назвать мудростью?

Хорошо и плохо суть одно и то же⁷.

Что же называть хорошим?

У истинного человека нет ни мудрости, ни добродетелей, ни достоинств, ни имени⁸. Кто же знает его, кто расскажет о нем? И не потому, что добродетели он прячет, а глупость выгораживает. Это бывает потому, что грани между мудростью и глупостью, прибылью и убытком для него не было изначально⁹.

Те, кто, предавшись омраченности, домогается славы и богатств, подобны перечисленным глупцам.

Все в мире — ничто; ничто недостойно ни речей, ни желаний.

XXXIX

Некий человек пожаловался как-то Хонэн-сёнину¹:

— Во время молитвы «Поклоняюсь будде Амитаба»² меня клонит ко сну, и я пренебрегаю молитвой. Как мне от этого избавиться?

Святейший ответил ему:

— Как проснешься, твори молитву.

Ответ, достойный уважения.

И еще он сказал однажды:

— Если думаешь, что возрождение в раю наступит, — оно наступит; если думаешь, что не наступит, — оно не наступит.

Это тоже заслуживает уважения.

И еще он говорил:

— Если ты даже сомневаешься, то твори молитву — и ты возродишься.

И эти слова достойны уважения.

XL

В провинции Инаба дочь одного праведника¹ слыла красавицей. Много молодых людей сваталось к ней, но эта девица питалась одними только каштанами и ни в каком виде не признавала риса, поэтому родители не отпускали ее, заявляя, что такая странная особа не может вступить в брак².

XLI

В пятый день пятой луны, когда мы пришли посмотреть камоские бега¹, перед нашей повозкой стояла толпа, загораживавшая зрелище. Из-за нее не было ничего видно, поэтому каждый из нас, сойдя с повозки, устремился к краю ограды, но там теснилось особенно много людей, и между ними нельзя было протиснуться.

По этому случаю какой-то монах взобрался на сандаловое дерево, стоявшее напротив, и, устроившись в развилке, стал наблюдать за бегами. Крепко зажатый между сучьями, монах несколько раз крепко засыпал, но всегда, едва только начинало казаться, что он вот-вот свалится, он просыпался. Те, кто видели это, изощрялись в насмешках:

— Какой несусветный болван! Вот ведь сидит на такой хрупкой ветке и преспокойно себе засыпает!

Внезапно мне в голову пришла мысль, которую я тут же и высказал:

— Смерть любого из нас, может быть, наступит сию минуту, не так ли? Мы же забываем об этом и проводим время в зрелищах. Это глупость почище всякой другой!

И тут люди, стоявшие впереди, откликнулись:

— Воистину так оно и есть, совершеннейшая глупость.

Все обернулись назад, расступились и пропустили меня вперед со словами:

— Проходите, пожалуйста, сюда!

Правда, подобное соображение могло бы прийти в голову всякому, но тут я высказал мысль свою как раз к случаю, и, видимо, это тронуло людей за душу. Человек ведь не дерево и не камень², и поэтому он не может не поддаться чувству под влиянием минуты.

XLII

У некоего Карахаси-тюдзэ¹ был сын по имени Гёга-содзу² — священник, наставлявший мирян в учении Будды. Священник этот страдал приливами крови к голове. С годами у него стало закладывать нос, и в конце концов ему сделалось совсем трудно дышать. Он лечился всеми способами, однако болезнь становилась все тяжелее: веки, брови и лоб отекли и слились, закрыли глаза, и больной перестал видеть. Он выглядел как маска в танце *ни-но-маи*³. Священник стал страшен, похож лицом на дьявола; глаза его ушли под лоб, а вздувшийся лоб слился с носом.

Потом Гёга затворился у себя в келье, чтобы не показываться другим служителям, и провел так долгие годы. Болезнь все усугублялась, и в конце концов он умер.

Вот какие еще бывают болезни.

XLIII

Однажды поздней весной, когда стояла великолепная тихая погода, я проходил мимо одной богатой усадьбы. Трудно было не залюбоваться аллеей вековых деревьев и осыпаящимися цветами в садике в глубине двора, и я вошел в калитку.

Решетки на южной стороне дома были полностью опущены¹, здесь царило безмолвие. С восточной стороны была достаточно широко открыта дверь. Заглянув через отверстие, проделанное в бамбуковой шторе, я увидел привлека-

тельной наружности юношу лет двадцати. Он сидел в непринужденной и вместе с тем изысканной свободной позе и читал развернутый на столе свиток.

Мне хочется знать, кто это был?

XLIV

Из калитки, грубо сплетенной из бамбука, вышел очень молодой мужчина. Несмотря на то что при свете луны нельзя было разглядеть оттенков, он казался особой чрезвычайно знатной в своем блестящем *каригину*¹ и густофиолетовом *сасинуки*².

Пока мужчина, сопровождаемый маленьким мальчиком-слугой, шел, раздвигая увлажненные росой листья риса, по узкой тропинке, что далеко-далеко вилась среди поля, он с большим искусством самозабвенно играл на флейте, а я с мыслью о том, что в этих местах нет никого, кто мог бы, услышав его, проникнуться очарованием, тайком следовал сзади, желая узнать, куда он направляется.

Кончив играть, мужчина вошел в храмовые ворота, расположенные у подножия горы. Здесь виднелась повозка, стоявшая на *сидзи*³; мне бросилось в глаза, что она из столицы. Я спросил об этом у слуги, и он ответил:

— Пока тут находится принц такой-то, будет, видимо, служба.

К главному храму все подходили и подходили служители. Вдруг мне показалось, будто ночным прохладным ветром невесть откуда наваяло аромат благовоний. Несмотря на то что здесь было всего лишь безлюдное горное селение, фрейлины, что прогуливались по галерее, которая ведет от опочивальни к храму, уделяли много внимания тому, чтобы сделать благоуханным ветер, уносящий запахи их одежд.

Буйно заросшая осенняя дикая степь была покрыта обильной росой, на что-то жаловались насекомые, и мирно журчал ручеек. Мне показалось, что бег облаков здесь стремительнее, чем в небе столицы; луна то прояснится, то нахмурится — и все это так непостоянно...

XLV

Старший брат придворного второго ранга Киньё¹ — епископ Рёгаку² был чрезвычайно вспыльчивым человеком. По соседству с его храмом росло большое дерево *эноки*³, и Рёгаку прозвали Эноки-но-содзё — епископ Эноки.

«Не подобает мне носить такое имя», — решил он и велел то дерево срубить. Но от дерева остался пень, и епископа стали звать теперь Кирикуи-но-содзэ — епископ Пень. Тогда, рассердившись вконец, он велел выкопать пень и выбросить его вон. Однако, после того как это сделали, на месте пня оказалась большая яма, наполнившаяся водой, и епископа стали звать Хорикэ-но-содзэ — епископ Пруд.

XLVI

В окрестностях Янагивара¹ жил священник по прозвищу Гото-но-хоин² — преосвященный Грабитель. Говорят, что это имя пристало к нему оттого, что на него часто нападали грабители.

XLVII

Один человек шел на поклонение в Киёмидзу¹, и попутчицей его была старая монахиня. Старуха шла и всю дорогу повторяла: «Апчи! Апчи!»

— Ама-годзэ², — осведомился ее спутник, — что это вы изволите говорить?

Ничего не отвечая, монахиня не переставала повторять свое и, слыша всякий раз тот же вопрос, в конце концов рассердилась:

— Тьфу ты! Да говорят, что если никто не произнесет этих слов вместо заклинаний, когда человек чихнет, то он может и умереть! А молодой господин, у которого я была кормилицей, ходит теперь в послушниках³ на горе Хиэ⁴. Вот я и приговариваю так, едва только подумаю: «А не чихает ли он сию минуту?».

Редкостная привязанность, не правда ли?

XLVIII

Рассказывают, что, когда сановник Мицутика¹ проводил у экс-императора² церемонию Сайсёко³, его вызвали перед высочайшие очи, вынесли к нему августейшие яства и угостили ими. Отведав угощения, сановник сунул начатое блюдо за ширму и удалился. Придворные дамы стали говорить между собой:

— Ай-яй, какая грязь! Кому он думал это дать?

Однако августейший неоднократно изволил выражать свое восхищение таким поступком:

— То, что сделал этот знаток древних обычаев, — гордил он, — достойно уважения.

XLIX

Не ждите, пока придет старость, чтобы стать на путь праведный¹. Многие из тех, кто покоится в старых могилах, — это молодые люди.

Впервые познаешь ошибочность своего прошлого лишь тогда, когда, пораженный внезапным недугом, ты готов уже оставить этот мир. А ошибаться — это не что иное, как медлить в делах, кои должно вершить быстро, и слишком торопиться с теми, кои должно делать не спеша. За это мы и досадуем на свое прошлое. Но какая же польза раскаиваться в эти последние минуты? Поэтому каждый должен твердо помнить и ни на секунду не забывать о том, что над плотью его тяготеет быстротечность. Если это удастся, то почему бы нам и не очиститься от мирской скверны и не отдаться всем сердцем служению учению Будды?

К одному мудрецу², жившему в древности, сказано в «Десяти условиях» из Дзэнрина³, приходили люди. Когда они затевали с ним разговоры о каких-либо важных для себя или для него делах, мудрец говорил в ответ: «Сейчас у меня очень срочное дело. Я занят им с утра до вечера» — и, заткнув уши, продолжал молиться⁴. В конце концов он добился возрождения в раю.

Мудрец по имени Синкай⁵, очень много размышляя о бренности нашего мира, не соглашался даже сидеть в удобной позе⁶, — он сидел всегда только на корточках⁷.

L

В годы Отё¹ из провинции Исэ в столицу дошел слух², что одна женщина обернулась дьяволом. И тогда дней примерно двадцать подряд из Киото и Сиракава³ каждый день туда стали собираться люди «посмотреть дьявола». Встречаясь, они говорили друг другу:

— Вчера он отправился к храму Сайондзи⁴!

— Сегодня, видимо, он пошел ко дворцу императора! Вы не видали его?

— Вот только что был там-то и там-то!

Никто не утверждал наверняка, что видел его, но и никто не говорил, что эти слухи — пустая болтовня. У

всех — от знати до черни — только и разговоров было, что о дьяволе.

Как раз в это время иду я однажды от Хигасияма⁵ в сторону Агуи⁶ и вижу: от Сидзё⁷ бегут жители окрестностей императорского дворца и, указывая на север, в один голос кричат:

— На углу Итидзё и Муромати⁸ — дьявол!!

Глянул я со своего места: от Имадэгава⁹ вокруг галереи императорского дворца¹⁰ стоит такая толпа, что протиснуться сквозь нее и думать нечего. Решив про себя, что вряд ли эта шумиха возникла из ничего, я тут же послал узнать, в чем дело, но оказалось, что дьявола-то ни один человек не видел.

Суматоха эта продолжалась до темноты. В конце концов завязалась потасовка, были всякие неприятности. В это же время два или три дня все страдали недомоганием. Некоторые утверждали, что предзнаменованием того и послужили пересуды об этом дьяволе.

LI

Решив провести воду из реки Оигава¹ в пруд дворца Камэяма², его величество³ вызвал из Ои⁴ местных жителей и повелел им соорудить водяное колесо. Крестьянам хорошо заплатили, они работали несколько дней, но когда колесо навесили, оказалось, что вращается оно с трудом, и, несмотря на то что потом его усердно чинили, оно под конец перестало поворачиваться и остановилось совсем.

Тогда позвали жителей селения Удзи⁵. Им объяснили задачу, и они без труда сделали свою работу и доложили об этом. Колесо вращалось легко и прекрасно черпало воду.

И так везде: человек, который знает свое дело, — превосходен!

LII

Один монах из храма Ниннадзи¹ до преклонного возраста ни разу не был на поклонении в Ивасимидзу², и это доставляло ему много огорчений. Однажды, решившись наконец, он в полном одиночестве отправился на поклонение. Помолившись у храмов Гокурадзи³ и Кора⁴, он решил, что это — все, и вернулся.

Теперь, встречаясь со знакомыми, он говорил:

— Наконец-то я исполнил то, о чем мечтал долгие годы! Да, он почитается даже больше того, что я слышал. Только вот зачем это каждый, кто приходит туда, поднимается на гору? Мне хоть и интересно было посмотреть, но я подумал, что истинная моя цель — паломничество к богам, и не полез смотреть на вершину.

В любом, даже малом, деле хорошо, когда есть проводник.

ЛIII

А вот еще о монахе из храма Ниннадзи. Во время всеобщего веселья по случаю пострижения некоего отрока¹ это монах опьянел и так разошелся, что схватил стоявший рядом котел-треножник и по самое доньшко надвинул его себе на голову — расплющил нос, сдавил лицо, а когда в таком виде пустился в пляс, удовольствию присутствующих не было границ.

Вскоре после того как музыка прекратилась, монах захотел снять котел, но тот никак не снимался. Пьющая братия вмиг отрезвела и стала гадать: как тут быть? Принялись было стаскивать треножник и так и этак, но лишь изранили всю шею — закапала кровь, а шея стала пухнуть и заполнять горловину сосуда, так что монаху стало уже трудно дышать. И тогда решили котел разбить. Однако разбить его было не так-то просто: он лишь нестерпимо звенел, а поделаться с ним ничего не могли.

Ничего другого не оставалось: треножник поплотнее обмотали плащом, сунули в руки монаху посох и повели беднягу к лекарю, что жил в столице. Изумлению прохожих не было предела!

Ну и вид, должно быть, был у хозяина и пациента, когда бонзы вошли к лекарю в дом! Начинает монах говорить, голос звучит глухо, ничего не слышно.

— О подобных недугах мне не доводилось ни в книгах читать, — сказал на это врач, — ни получать устных наставлений².

И монаху пришлось ни с чем вернуться в храм Ниннадзи.

У его изголовья столпились друзья, пришла старуха мать, все горевали и плакали, но бедняга даже не слышал их. Между тем кто-то возьми да скажи:

— Пусть мы сорвем ему уши и нос, но ведь жизнь-то спасем! Давайте только дернем посильнее!

С этими словами в горловину сосуда вокруг шеи монаха натолкали мякины, чтобы тело не соприкасалось с металлом, и дернули так, что чуть голову не оторвали. Правда, ушей и носа беднягу лишили, однако горшок с головы сняли.

Жизнь монаха висела на волоске, и он долго еще болел.

LIV

Жил когда-то в Омуро¹ очень миловидный мальчик-прислужник. Несколько местных монахов затеяли как-то пригласить его поразвлечься. Позвали монахов-музыкантов², заботливо приготовили изящные *вариго*³, со вкусом уложили закуску в коробочки, закопали все это в укромном уголке на холме Нарابي-но-ока⁴, а сверху засыпали кленовыми листьями, чтобы нельзя было ничего заметить. Придя затем в храм, они позвали мальчика и, довольные собой, отправились бродить, пока, вконец утомленные, не оказались на облюбованной ранее замшелой полянке.

— О, как мы утомились! — заговорили они тогда. — Ах, нет ли кого здесь «осенние листья разжечь»!⁵ О монахи-чудодеи⁶! Постараемся же вознести молитву! — и, обратившись лицами к корневищу дерева, под которым были схоронены припасы, принялись перебирать руками четки, с преувеличенным усердием сплести пальцы⁷, усиленно хлопотать. Потом разгребли листья и... совершенно ничего не увидели.

Решив, что они ошиблись местом, монахи перерыли всю горку, не оставив живого места на ней, но безуспешно. Кто-то подглядел, как они зарывали коробочки, а когда все ушли в монастырь, украл их. Монахи поначалу лишились дара речи, а потом набросились друг на друга с самой непристойной бранью и, обозленные, вернулись к себе.

Так то, от чего ждешь слишком большого удовольствия, непременно оканчивается ничем.

LV

Строя дом, думай о летней поре. Зимой проживешь где угодно, а в жару жизнь в плохонькой хижине невыносима.

Глубокая вода не дает прохлады. Мелкий поток освежает издали.

Если вы читаете мелкий почерк, то знайте: в комнате с раздвижной дверью светлее, чем со ставнями.

При высоких потолках зимой холодно, со светильником — темно.

«Комнаты, построенные, казалось бы, безо всякой пользы, приятны на взгляд и могут в самых различных случаях оказаться полезными», — рассуждали однажды при встрече знакомые.

LVI

Нехорошо, когда человек, с которым ты встречаешься после долгого перерыва, без умолку болтает о себе. А когда после разлуки видишься с близким человеком, почему-то чувствуешь стеснение. Бывает, что человек пустой, войдя куда-нибудь на одну минутку, уже принимается расписывать не переводя дыхания: «Ах, до чего это интересно».

Когда говорит человек достойный, его как-то само собой слушают все присутствующие, как бы много их ни было, хотя обращается он лишь к одному из них.

Никчемный человек, если собеседника у него нет, влезет в самую середину толпы и начинает сочинять с таким видом, будто видел все это своими глазами; все, как один, хохочут над ним, и шум стоит невыносимый. Такого человека можно узнать уже по тому, что ему не очень интересно, когда рассказывают о чем-либо занимательном, и он громко смеется, когда говорят о чем-то неинтересном.

Если, обсуждая чью-нибудь внешность или чью-нибудь ученость, сравнивают их со своими собственными, это низко.

LVII

Когда вы рассуждаете о стихах, читать плохие стихи не годится¹. Тот, кто хоть чуточку разбирается в поэзии, вряд ли назовет их прекрасными.

Вообще разглагольствования о предмете, в котором толком не смыслишь, со стороны слушать больно, они режут ухо.

LVIII

Тот, кто утверждает, что если у тебя в душе Учение¹, то неважно, где ты живешь; что можно жить дома и общаться с миром, и это не будет служить помехой тому, чтобы готовиться к будущей жизни, — не имеет никакого понятия о будущей жизни.

Действительно, могут ли у тебя появиться какие-то мирские стремления и до того ли тебе, чтобы с утра до вечера служить господину и печься о доме своем, когда ты непременно думаешь о бренности мира сего и о том, чтобы непременно переступить границу между жизнью и смертью? Когда же не ведаешь покоя от сует, трудно следовать Учению, ибо влекомые окружающим помыслы легко меняются.

По своим достоинствам современникам нашим далеко до древних. Поскольку же дело обстоит так, что, даже сокрывшись в горах, они не могут оставаться без средств для утоления голода и защиты от непогоды, то вполне естественно, что кажется, будто они алчут мирского. А если к тому представляется случай, они и вправду не бегут его. Но рассуждения о том, что «нет смысла в уходе от мира. А если это так, то зачем я его покинул?», кажутся мне безрассудными. Безусловно, человек, который только что ступил на Путь и ненавидит мирскую суету², даже если он еще полон желаний, не должен в избытке алчности напоминать знатного вельможу³. Заботы его не должны идти далее бумажного одеяла, полотняных одежд, приготовления чашки похлебки да супа из лебеды. Тогда запросы его просты и душа легко довольствуется малым. И если ему есть из-за чего стыдиться своего вида, то он имеет во множестве и такого, что отдаляет от дурного и приближает к хорошему.

Раз уж ты родился человеком, стремись любыми способами уйти от мира. Разве не возродятся всякого рода животными те, кто всеми помыслами стремится лишь удовлетворить свою жадность и не стремится к спасению?

LIX

Человеку, замыслившему осуществить великое дело просветления, надлежит отказаться совершенно от самых необходимых и близких сердцу дел, коль скоро они мешают осуществлению истинного стремления.

Когда вы станете думать, что, мол, немного погодя я покончу с этим, потом примусь за то — оно ведь в том же духе! — а вот такие-то и такие-то дела могут вызвать людские насмешки, что-де обеспечу себе беззаботное будущее, — времени у меня еще много — подожду вот этого, а потом не спеша, без суеты совершу положенное, — у вас станет копиться все больше неотложных дел и не будет

конца-краю этим делам, так что никогда и не наступит заветный день.

В общем-то люди, если они мало разбираются в истине, проводят в подобных упованиях всю свою жизнь.

Разве тот, кто бежит от близкого пожара, кричит: «Минутку подождите!»? Когда хотят спасти свою жизнь, забывают про стыд — бегут, бросая даже имущество. А разве жизнь ждет человека? Смерть приходит быстрее, чем бьет поток воды или столб пламени. Как же трудно от нее бежать!

Тогда нам тяжело станет оставлять своих престарелых родителей, малых детей, милость господина и сострадание ближних, но не оставить их мы не в силах.

LX

В Синдзёин¹ был редкой мудрости служитель по имени Дзёсин-содзу². Он очень любил сладкий картофель *имогасира* и помногу ел его. Даже во время проповеди сидит, бывало, на своем месте, читает святые книги, а сам уплетает из пристроенного на коленях большущего горшка, в котором грудой навален картофель. Когда этот служитель однажды заболел, то неделю или две пролежал у себя в постели — якобы лечился; и тогда он ел особенно много отличного картофеля, который отбирал по своему вкусу, и таким способом излечился от всех болезней.

Других он никогда не угощал — ел всегда один. Служитель был очень беден, однако его наставник по своей смерти завещал ему двести связок монет³ и хижину. Хижину ученик продал за сто связок и, предназначив все свои тридцать тысяч хики⁴ для покупки *имогасира*, поместил их на хранение к одному столичному жителю. Затем Дзёсин стал брать у него по десять связок монет, так чтобы можно было есть картофеля вдоволь. И хотя ни на что другое денег он не тратил, монеты эти скоро пришли к концу.

Говорят, что он был поистине удивительным верующим, если, живя в бедности, получил триста связок монет и распорядился ими таким вот образом.

Увидел как-то этот *содзу* одного монаха и прозвал его Сироурури⁵.

— Да что это за штука? — спросили его, и он ответил:

— А я и сам не знаю, что это такое, но только, если бы оно существовало, то, наверное, смахивало бы на физиономию этого бонзы.

Наш *содзу* во всем превосходил других — в красоте, в силе, в аппетите, в каллиграфии, в учености, в красноречии; но хотя он и был Свотильником Закона в секте⁶, а посему почитался во всем храме⁷, в то же время он был человеком странным, не считавшим мирское суетным, все делал как ему заблагорассудится и никогда не поступал так, как того желало большинство.

Однажды, когда Дзёсин выезжал по делам службы и был приглашен к обеду, он не стал дожидаться, пока угощения расставят перед всеми присутствующими, — как только перед ним поставили прибор, он тут же все съел, а едва лишь ему вздумалось возвращаться домой, он тотчас поднялся и ушел один.

Ни обед, ни ужин он не принимал в положенное для всех время, а ел тогда, когда захочет, неважно, было ли то среди ночи или на рассвете; если же он хотел спать, будь то хоть в полдень, он запирался у себя и, с каким бы важным делом к нему ни пришли, ничего не хотел слушать. А когда ему не спалось, он не спал и в самый поздний час, невозмутимый, бродил он кругом как ни в чем не бывало. Словом, вел себя Дзёсин не так, как это принято обычно, однако никто не относился к нему неприязненно и все ему позволялось.

Может быть, оттого, что добродетели его достигли совершенства?

LXI

При высочайших родах сбрасывать бочонок¹ не обязательно. Этот обряд совершают лишь тогда, когда высочайший послед задерживается. Если он не задерживается, ничего делать не нужно. Обычай этот пришел от черни, и большого значения ему не придают. Наибольшим спросом пользуются бочонки из деревни Охара². На картине в старой сокровищнице изображено, как бросают бочонок в доме простолюдина, у которого рождается ребенок.

LXII

Когда Энсэй-монгын¹ была еще юной, она послала с человеком, отправлявшимся к монаху-государю, песню, повелев передать ее на словах:

Двойной знак,
Знак, как рога у быка;

Знак прямой,
Изогнутый знак —
Так думаю я о вас².

Это означает: «Думаю о вас с любовью».

LXIII

Адзяри¹, устраивающий церемонию Последующих семи дней², созывает во дворец воинов, называемых «ночной стражей». Это вошло в обычай после того, как когда-то во дворец прокрался вор³.

Но так как в особенностях проведения этой церемонии проявляются признаки судьбы на весь год, использование в ней солдат спокойствия в души не вносит.

LXIV

«Кому именно ездить в повозке о пяти шнурах¹, в точности не определено. В соответствии со своим положением в нее может сесть лишь тот, кто достиг самых высоких чинов». Так мне объяснил один человек.

LXV

Один человек говорил: «Современные шляпы намного выше старинных». Люди, имеющие старомодные шляпные коробки, используют их и теперь, нарастив им, однако, края.

LXVI

Когда Окамото-но-кампаку-доно¹, приложив к усыпанной цветами ветке алой сливы пару фазанов, сказал придворному сокольничему Симоцукэ-но Такэкацу²: «Птицу следует укрепить на этой ветке и послать»³, тот почтительно молвил: «Мне неизвестен способ привязывать птицу к цветам; я тем паче несведущ в том, как укрепляют двух птиц на одной ветке».

Кампаку обратился с запросом к повару, спросил у других людей, а потом снова обратился к Такэкацу, сказав:

— В таком случае посылай их, связав, как тебе вздумается,— после чего тот отправил только одну птицу, привязав ее к сливовой ветке, на которой не было ни цветочка.

Такэкацу говорил так: «Лучше всего их привязывать к сливовой или какой-нибудь другой ветке, когда цветы на ней или еще не распустились, или уже осыпались. Привязывают и к пятилистнику⁴. Первоначально длина ветки должна равняться шести-семи сяку⁵, потом делают ножом косой срез на пять бу⁵. К середине ветки привязывают птицу. Ветки бывают разные: к одним фазанов привязывают за шею, к другим — за ноги. С двух сторон к веткам принято прикреплять нераспутанные побеги вистарии. Усики ее следует обрезать по длине маховых перьев птицы и загнуть наподобие бычьих рогов.

По первому снегу утром с достоинством входишь в центральные ворота⁶, держа дарственную ветвь на плече. Следуя по каменному настилу под стрехами карниза, ступаешь так, чтобы не оставить следов на снегу, потом выдергиваешь из фазаньего хвоста несколько перьев, разбрасываешь их вокруг и вешаешь птицу на перила дома.

В вознаграждение тебе выдают платье, и ты, набросив его на плечи, с поклоном удаляешься.

Хотя мы и говорим о первом снеге, но если снегу выпало так мало, что он не скрывает носы башмаков, с дарами не ходят. Разбрасывание влажных перьев должно означать, что хвост у фазана вырвал сокол, — значит, фазан добыт на соколиной охоте.

Чем же объясняется то, что сокольник не стал привязывать птицу к цветущей ветке? В *Исэ моногатари*⁷ встречаются слова о том, как в Долгую луну⁸ привязывают фазана к самодельной ветке сливы: «Цветы, что сорвал для тебя, никогда не изменятся...» Очевидно, нет большой беды и в искусственных цветах.

LXVII

Храмы Ивамото и Хасимото¹ в Камо посвящены Нарихира² и Санэката³. Люди обычно путают эти храмы, поэтому, когда мне однажды случилось побывать там, я окликнул проходившего мимо престарелого служителя и осведомился обо всем у него. Он чрезвычайно любезно отвечал мне:

— Осмелюсь полагать, что, поскольку о Санэката передают, будто его храм отражается в ручье Омования рук⁴, а храм Хасимото расположен тоже вблизи воды, — он лежит там. Мно говорили, что сложенные Ёсимидзу-но-касэ⁵ стихи:

Луну воспевавший,
Любивший цветы,
Изящества полный,
Он здесь —
Древний певец Аривара! —

воспевают храм Ивамото, однако, смею заметить, вы осведомлены об этом несравненно более нашего.

Его любезность показалась мне трогательной.

Коноэ⁶, приближенная императрицы Имадэгава⁷, поэтесса, множество стихов которой вошло в стихотворные сборники, в дни своей молодости слагала обычно стострофные песни. Одну из них, написанную над потоком перед двумя храмами, она поднесла служителям. Коноэ пользуется славой поистине блестящей поэтессы, многие ее песни и теперь на устах у людей. Она была человеком, изумительно тонко писавшим китайские стихи и предисловия к стихам⁸.

LXVIII

Жил в Цукуси¹ некий *орёси*². Главным лекарством от всех недугов он считал редьку и поэтому каждое утро съедал по две печеные редьки и тем обеспечил себе долголетие.

Однажды, выбрав момент, когда в доме чиновника не было ни души, на усадьбу напали супостаты и окружили ее со всех сторон. Но тут из дома вышли два воина и, беззаветно сражаясь, прогнали всех прочь.

Хозяин, очень этому удивившись, спросил:

— О люди! Обычно вас не было здесь видно, но вы изволили так сражаться за меня! Кто вы такие?

— Мы редьки, в которые вы верили многие годы и вкушали каждое утро,— ответили они и исчезли.

Творились ведь и такие благодеяния, когда человек глубоко веровал.

LXIX

Высокомудрый из храма Сёся¹ благодаря добродетельному усердию в чтении священной книги «Цветок закона»² достиг чистоты в шести корнях суеты³. Однажды, путешествуя, он остановился на ночлег, и тут в клочкотании бобов, что варились на огне от пылающих бобовых стручков, ему послышался жалобный писк: «О стручки! Вы же не

чужие нам! Как ужасно вы поступаете, что с таким ожесточением кипятите нас!»

В ответ раздалось шипение и потрескивание горящих бобовых стручков: «Разве мы по своей воле делаем это? Ах, как это невыносимо — сгорать в огне, но что мы можем поделать! Не сердитесь так на нас!»⁴.

LXX

На высочайших развлечениях в зале Сэйсёдо¹ в годы Гэнъо², когда был утерян *гэндзё*³, Кикутэй-но-отодо⁴ решил сыграть на *бокуба*⁵. Заняв место, он прежде всего ошупал колки инструмента, и тут один из них выпал. Вынув из-за пазухи рисовый клей, вельможа смазал им колок, и, пока шла церемония подношения богам⁶, клей просох и помеха была устранена.

Был ли здесь какой-нибудь злой умысел? Говорят, что кто-то, одетый в *кадзуки*⁷, из числа приглашенных, взял инструмент в руки, нечаянно уронил его, а потом тихонько положил на прежнее место.

LXXI

Когда мы слышим чье-либо имя, мы тотчас же рисуем в своем воображении черты лица человека, но едва лишь нам случится увидеть его, как оказывается, что лицо этого человека совсем не таково, каким оно нам представлялось. И, слушая древние повествования, мы воображаем, что дома наших современников напоминают, наверное, те, что описаны там, а героев повестей сравниваем с людьми, окружающими нас ныне. Всякий ли представляет это именно так?

И еще — в каких-то определенных случаях мне начинает казаться, что и людские речи, что я слышу теперь, и картины, что проплывают перед моими глазами, и чувства, что испытываю сейчас, — все это когда-то уже было; когда — не могу вспомнить, но ощущение такое, что было на-верняка.

Только ли мне так кажется?

LXXII

То, что неприятно:
множество утвари возле себя;

множество кисточек в тушечнице;
множество будд в домашнем алтаре ¹;
множество камней, травы и деревьев в садике;
множество детей в доме ²;
многословие при встрече;
когда в молитвенных книгах ³ много понаписано о собственных благих деяниях ⁴.
Много, а взору не претит:
книги в книжном ящике ⁵;
мусор в мусорнице.

LXXIII

Может быть, это потому, что правда никому не интересна, но из того, что рассказывают в этом мире, большая часть — ложь. Сверх того, что было на самом деле, люди рассказывают всякую всячину, а уж ежели с тех пор прошли месяцы и годы, да и было это в дальних местах, то тем более приплетают, кому что заблагорассудится. Ну, а если запишут все это на бумаге, то подобный рассказ не подвергается сомнению.

О выдающихся успехах какого-нибудь мастера своего дела ¹ невежды, которые ничего в этом деле не смыслят, говорят с неумеренным восхищением, как о чем-то священном, но знатоки им не верят ни на грош. Увиденное всегда отличается от того, что мы о нем слышали.

Если человек тараторит наобум, не задумываясь о том, что его тут же могут обличить сидящие рядом, тогда сразу понимаешь, что он заврался. Бывает, что сам человек сознает, что это неправдоподобно, однако, самодовольно задрав нос, он рассказывает все в точности так, как слышал от других. Тогда нельзя сказать, что он врет. Опаснее же всего такая ложь, которую излагают правдоподобно, то тут то там запинаясь, делая вид, что и сами точно не знают всего, и в то же время тонко сводя концы с концами.

Тому, кто врет, чтобы похвастаться, люди особенно не перечат. Если ложь интересно послушать всем присутствующим, то один человек, пусть даже он заявит: «Нет, такого не было!»—ничего не добьется. Когда же он станет слушать молча, его могут даже в очевидца превратить и выдать рассказ за чистую правду.

В общем, как ни смотри, этот мир полон лжи. Поэтому никогда не ошибешься лишь в том случае, если веришь только тому, что обычно, что из ряда вон не выходит.

Рассказы низкородных людей особенно насыщены поражающими слух происшествиями. Мудрый человек удивительных историй не рассказывает². Но, хоть и говорится так, не следует заодно не верить и в чудесные деяния будд и богов³, и в жития перевоплотившихся⁴. Поэтому нельзя, делая вид, что все это считаешь правдоподобным, ничему не верить и, сомневаясь в услышанном, смеяться надо всем на том лишь основании, что безотказно верить мирской лжи — глупо, а заявлять, что такого не могло быть, — бесполезно.

LXXIV

Скопляясь подобно муравьям, люди спешат на восток и на запад, бегут на север и юг. Есть среди них и высокородные и подлые, есть и старые и молодые, есть места, куда они уходят, и дома, в которые возвращаются. По вечерам они засыпают, по утрам встают. Чем они занимаются? Они никогда не насытятся в желании жить и в жажде доходов. Чего они ждут, ублажая свою плоть? Ведь наверняка приходят лишь старость и смерть. Приход их близок и не задержится ни на миг. Какая же радость в их ожидании? Заблудшие не боятся этого, в безумной страсти к славе и доходам они не оглядываются на приближение конечной точки жизненного пути. А глупые люди, видя ее, падают духом.

И все потому, что, полагая, будто жизнь их вечна, они не знают принципа изменчивости¹.

LXXV

Что переживает человек, пребывающий в уединении?

Жить в полном одиночестве, не увлекаясь ничем, лучше всего.

Если ты следуешь мирским обычаям, то сердце твое, увлеченное прахом суетных забот, легко впадает в заблуждение; если ты смешался с толпой, то даже речь твоя, подлаживаясь под слушателей, не отражает того, что лежит на душе, — ты угождаешь одному, ссоришься с другим, то злишься, то ликуешь.

Но и в этих твоих чувствах нет постоянства; в твоём сердце сама собой возникает расчетливость, и ты беспрестанно думаешь о прибылях и убытках. Заблуждения твои выливаются в пьянство. Пьяным ты погружаешься в грезы.

Люди все таковы: они бегут, суетятся, делаются рассеянными, забывают об Учении.

Если даже ты не познал еще истинного Пути, все равно порви узы, что связывают тебя с миром, усмири плоть, не касайся суетных занятий, умиротвори душу — и тогда ты сможешь сказать, что на какой-то миг достиг блаженства.

Кстати, и в «Великом созерцании»¹ сказано: «Порви все узы, что связывают делами, знакомствами, интересами, учением».

LXXVI

В домах знатных и процветающих тоже бывают свои печали и свои радости. Много людей приходит к ним с соблазнованием или поздравлениями, но чтобы среди этих людей замешивался монах, чтобы он тоже стоял у ворот и ждал приглашения войти, — это, по-моему, не годится. И пусть даже причина кажется достаточной, монаху лучше всего быть далеким от мирян.

LXXVII

В этом мире много вещей, о которых ныне люди спрашивают и болтают при встрече. Я не возьму в толк, как это человек, которому до этих вещей никакого дела не должно быть, бывает великолепно осведомлен обо всех их тонкостях, рассказывает другим — и его слушают, сам спрашивает и внимательно выслушивает ответы.

В особенности монахи, что живут в окрестностях селений, — они выпытывают о делах мирян, как о своих собственных, и судачат так, что только диву даешься, откуда бы им все это знать.

LXXVIII

И еще не приемлю я тех, кто распространяет всякого рода диковинные новости. Мне по душе человек, который не знает даже того, что для всех стало старо.

Когда в компании появляется свежее лицо, то для приятелей, с полуслова понимающих все, о чем здесь говорится, — намеки, какие-то имена и т. д., — перебрасываться недомолвками, смеяться, встретившись глазами друг с другом, и тем ставить в тупик новичка, не понимающего, в чем дело, есть, безусловно, занятие людей неотесанных и низких.

LXXIX

В любом деле лучше делать вид, будто ты в нем не разбираешься. Разве воспитанный человек станет выдавать себя за настоящего знатока, даже когда он действительно знает свое дело? С выражением глубочайших познаний во всех науках поучают других лишь те, кто приехал из деревенской глуши.

Слов нет, встречаются и среди них люди стеснительные, однако весь их вид, говорящий об убеждении в собственном превосходстве, действует отталкивающе.

Никогда не быть словоохотливым в вопросах, в которых отлично разбираешься, не открывать рта, когда тебя не спрашивают,— это чудесно!

LXXX

Всякому человеку нравится лишь то занятие, которое от него далеко. Так, монах стремится на ратную стезю, а дикарь¹ делает вид, будто не знает, как согнуть лук, зато строит из себя знатока буддийских законов, слагает *рэн-га*² и увлекается музыкой.

Однако люди неизменно презирают его за это больше, нежели за нерадение к собственному его делу. Многим не только среди монахов, но и среди придворных, приближенных императора и даже самых высокопоставленных вельмож нравится воинское ремесло.

Славу храброго воина трудно заслужить, даже если в ста сражениях ты одержишь сто побед³, потому что нет на свете человека, который не стал бы храбрецом, когда он разбивает противника, пользуясь своим везением. Но заслужить славу можно лишь после того, как поломаешь в битве меч, истратишь все стрелы и в конце концов, не покоровившись врагу, без колебаний примешь смерть. Пока ты жив, похваляться воинской доблестью не следует.

Воина — это занятие, чуждое людям и близкое диким зверям и птицам; тому, кто ратником не родился, увлекаться ею вредно.

LXXXI

Когда неумело написанные картины или иероглифы на складных ширмах или раздвижных перегородках неприятны на взгляд, то и о хозяине дома держись невысокого

мнения. Вообще, конечно, духовное убожество владельца отражается и в той утвари, которая ему принадлежит. Отсюда отнюдь не следует, что нужно держать такие уж хорошие вещи! Я говорю о том, что люди чрезмерно увлекаются или изготовлением низкосортных, некрасивых вещей, заявляя, будто делают их потому, что они не ломаются, или приделыванием к вещам различных совершенно ненужных безделушек, заявляя, что вещи станут от этого занятыми.

Старинная вещь хороша тем, что она не бросается в глаза, недорого и добротно сделана.

LXXXII

Когда кто-то сказал, что обложки из тонкого шелка неудобны тем, что быстро портятся, Тонъя¹ заметил в ответ:

— Тонкий шелк становится особенно привлекательным после того, как края его растреплются, а свиток, украшенный перламутром, — когда ракушки осыплются.

С тех пор я стал считать его человеком очень тонкого вкуса.

В ответ на слова о том, что-де неприятно смотреть на многотомное произведение, если оно не подобрано в одинаковых переплетах, Кою-содзу² сказал:

— Стремление всенепременно подбирать предметы воедино есть занятие невежд. Гораздо лучше, если они разрозненны.

Эта мысль кажется мне великолепной. Вообще, что ни возьми, собирать части в единое целое нехорошо. Интересно, когда что-либо незаконченное так и оставлено, — это вызывает ощущение, будто жизнь течет долго и спокойно. Один человек сказал как-то:

— Даже при строительстве императорского дворца одно место специально оставили недостроенным.

Во внутренних и внешних сочинениях³, написанных древними мудрецами, тоже очень много недостающих глав и разделов.

LXXXIII

Когда господин левый министр Тикурин-ин-но-нюдо¹ мог безо всяких помех стать первым министром, он изволил заявить:

— Ничего в этом особенного нет. Постом левого мини-

стра я и ограничусь,— и с теми словами ушел в монастырь.

Левый министр Тоин², восхищенный этим поступком, тоже отказался от мечты стать премьером³. Как говорится, произошло «раскаяние вознесшегося дракона»⁴.

Луна, став полной, идет на ущерб; дело, достигнув расцвета, приходит в упадок. Все, что доходит до предела, приближается к разрушению,— таков закон.

LXXXIV

Когда Хоккэн-сандзо¹ прибыл в Индию, то, увидев там однажды веер, изготовленный на его родине, он затосковал, в недуге слег и все хотел отведать китайских кушаний.

Услыхав эту историю, один человек² воскликнул:

— И такой великий человек, живя в чужой стране, показал свое слабодушие!

Кюю-содзу³ возразил на это:

— О, это мягкий, чувствительный *сандзо!*

Это замечание показалось мне очень трогательным, непохожим на то, что его сделал законоучитель⁴.

LXXXV

Ежели нет в человеке смирения, то он не может не быть обманщиком. Однако отчего же нет людей прямодушных от природы? Хотя человек сам лишен смирения, обычно он испытывает зависть, наблюдая мудрость другого. Когда мудрого человека видит последний дурак, он подчас ненавидит его. «Оттого что не может получить великой выгоды,— поносит он мудрого,— не приемлет он мелких выгод, хочет притворством добиться славы!»

Такие насмешки появляются потому, что сам этот дурак по складу характера совершенно не похож на мудреца. Из них можно лишь понять, что у этого человека свойство крайней глупости измениться не может¹. И он не может отказать от того, чтобы обманом получить хоть самую малую выгоду.

Подражать глупцу нельзя ни в коем случае. Если, уподобляясь помешанному, человек побежит по дороге,— это помешанный. Если, уподобляясь злодею, он убивает другого человека,— это злодей. Подражающий скакуну² сродни скакуну, подражающий Шуню³— последователь Шуня. И тот, кто, пусть даже обманом, станет подражать мудрецу, должен называться мудрецом⁴.

LXXXVI

Корэцугу-но-тюнагон¹ был щедро наделен талантом воспевания ветра и луны². Всю жизнь он сохранял чистоту и читал сутры³. А жил он вместе с храмовым монахом⁴ Энъи-содзэ⁵. В годы Бумпо⁶, когда храм Миидэра сгорел, Корэцугу сказал настоятелю:

— Прежде, обращаясь к вам, мы говорили «храмовой монах». Но так как храма не стало, отныне мы будем называть вас просто монахом!

Очень остроумное замечание.

LXXXVII

Поить вином простолюдина — дело, требующее большой осторожности. Один мужчина, живший в Удзи¹, знавался с неким Гугакубо — священником из столицы. Священник этот был отшельником, человеком весьма изящным и привлекательным и доводился ему шурином, поэтому отношения между ними поддерживались самые сердечные. Однажды за бонзой в столицу был прислан конь и слуга, которого хозяин встретил словами:

— Дорога предстоит дальняя. Прежде всего надо, чтобы проводник² пропустил разок, — и предложил ему саке.

Тот чарочку по чарочке, чарочку по чарочке выпил-таки изрядно. Потом он прицепил к поясу меч³, что придало ему весьма бравый вид, приведший Гугакубо в хорошее расположение духа, и, сопровождая священнослужителя, пустился в дорогу.

Где-то в районе Кобата⁴ путники повстречали монаха из Нара в сопровождении большого числа воинов⁵. И тут наш провожатый направился им наперерез и с возгласом:

— Подозрительно, что они делают в горах в такой поздний час? Стой! — выхватил из ножен меч.

Воины все, как один, тоже обнажили мечи и вложили в луки стрелы. Увидев это, Гугакубо умоляюще сложил руки:

— Извольте заметить, он же мертвецки пьян! Простите его великодушно, — после чего все посмеялись над ними и поехали дальше. Посыльный же, обернувшись к Гугакубо, гневно произнес:

— Вы изволили вести себя крайне досадным образом. Я вовсе не пьян. Я хотел прославиться, а вы устроили так, что мой меч оказался обнаженным всею! — и в порыве без-

рассудства ударил священника мечом, а когда тот рухнул наземь, заорал: «Караул, разбойники!»

Когда же на крик его сбежались всполошившиеся жители окрестных селений, он вдруг заявил: «Разбойник — это я!» — и, бросаясь из стороны в сторону, принялся размахивать мечом и многих поранил, но в конце концов был схвачен и связан.

Залитый кровью конь по той же дороге примчался домой, в Удзи. Хозяева перепугались и срочно послали на розыски пропавших большую группу мужчин. Гугакубо нашли лежащим на заросшей кустарником равнине и стонушим. Его на руках принесли в Удзи.

Хотя пострадавшего и спасли от близкой смерти, но ударом меча у него была сильно повреждена поясница, и он остался калекой.

LXXXVIII

Один человек имел «Сборник японских и китайских песен»¹, переписанный якобы рукой Оно-но Тофу². Кто-то сказал владельцу:

— У меня, разумеется, нет никаких сомнений относительно вашей семейной реликвии, однако одно может показаться странным: по времени Тофу не мог переписать сборник, составленный Сидзё-дайнагоном³.

— О, значит это действительно редчайшая вещь! — ответил тот и стал беречь рукопись пуще прежнего.

LXXXIX

Как-то заговорили, что в глубине гор водится такая тварь — называется кот-оборотень¹. Он пожирает людей. Один человек сказал по этому поводу:

— Да вот здесь хоть и не горы, а тоже, говорят, будто кошки с годами становятся оборотнями и случается, что хватают людей.

Эти слова услышал некий Амида-буцу² — монах, сочинявший *рэнга*³, — он жил поблизости от храма Гёгандзи⁴.

— Как пойду один, — подумал он, — надо быть насто-роже!

Как раз в то время этот монах до поздней ночи сочинял где-то *рэнга* и возвращался домой один-одинешенек, и вдруг на берегу речки — кот-оборотень, о котором шли

разговоры,— ну конечно!—кинулся к нему и готов был уже наброситься на монаха и впитаться ему в горло!

Обомлев от ужаса, монах вздумал было защищаться — нет сил, не держат ноги. Бултыхнувшись в речку, он завопил:

— Помогите!!! Кот-оборотень! Ой-ой! Ой!!!

На крик с зажженными факелами в руках выскочили из домов люди. Подбегают, смотрят — хорошо известный в округе бонза.

— Что,— говорят,— случилось?

Когда вытащили его из воды, оказалось, что веер и коробочка, которые он получил как призы на стихотворном состязании и спрятал себе за пазуху, исчезли под водой.

С видом человека, спасенного чудом, монах еле притащился домой.

На деле же оказалось, что это прыгнула к нему его собственная собака: она узнала хозяина, несмотря на темноту.

XC

Отодзурумару, прислуживавший *дайнагон-хоину*¹, знал² человека по имени Ясура-доно и постоянно ходил к нему. Однажды, когда послушник вернулся от своего приятеля, *хоин* спросил его:

— Куда ты ходил?

— Я ходил к Ясура-доно,— ответил тот.

— Этот Ясура-доно мирянин или монах?— последовал новый вопрос, и мальчик, смиренно разглаживая рукав, произнес:

— Кто бы он такой был?.. Головы-то его я и не видел.

Он почему-то не видел одной только головы...

ХСІ

В учении о темном и светлом началах¹ нет никаких наставлений по поводу Дней красного языка². Древние не питали к ним неприязни. Не в наши ли дни из-за чьих-то высказываний стали питать к ним нелюбовь?

Говорят, будто дело, начатое в этот день, не достигает счастливого завершения; будто нельзя в такой день ничего толком ни сказать, ни сделать; что найдешь — то потеряешь, что задумаешь — не сотворишь. Это глупости.

Стоит попытаться сосчитать дела, не окончившиеся удачей, хотя исполнение их и было приурочено к благоприят-

ному дню³, получится то же самое. Причина этого в том, что безмерны границы изменчивости: кажется, вещь существует, а ее нет, у того же, что имеет начало, нет конца.

Цели недостижимы, стремления безграничны. Сердце человека непостоянно. Все сущее призрачно. Так чему же застыть, хотя бы на мгновение?

Причины этого⁴ неизвестны. Конечно, плохо, когда в благоприятный день творят зло, и, конечно же, хорошо, когда в неблагоприятный день совершают добро,— так можно сказать. Добро и зло зависят от самого человека, а не от выбора дня.

ХСII

Некто, обучаясь стрельбе из лука, встал перед целью, держа в руках две стрелы. Наставник заметил ему:

— Новичок, не держи двух стрел! Понадеявшись на вторую стрелу, ты беспечно отнесешься к первой. Всякий раз считай, что другого выхода у тебя нет и попасть ты должен этой единственной стрелой!

Но разве, стоя перед наставником, можно помыслить о небрежном обращении с одной стрелой, когда их у тебя только две? О, нет: пусть даже сам ты не знаешь о своем нерадении, знает о нем твой учитель.

Это наставление надо отнести ко всякому занятию. Человек, обучающийся чему-либо, вечером полагается на то, что наступит утро, а утром — на то, что настанет вечер, и при этом каждый раз рассчитывает прилежно позаниматься. Ну, а за один миг¹ разве можно распознать в себе нерадение? Неужели это слишком трудно — то, что задумал, исполнить теперь же?

ХСIII

«Один человек продавал быка. Покупатель сказал ему:

— Завтра уплачу за быка и заберу его.

Ночью бык пал. Это было на руку тому, кто хотел его купить, и в убыток тому, кто вздумал продавать его», — рассказывал какой-то мужчина. Услышав это, сосед рассказчика возразил:

— Владелец быка действительно потерпел убыток, однако, с другой стороны, он оказался и в большом выигрыше. Дело вот в чем: живое существо приближения смерти не ведает — именно так было с быком, так бывает и с

человеком. В неведении пал бык, в неведении остался жив хозяин. Но один день жизни дороже десяти тысяч золотых. А бык — дешевле гусяного перышка. Так нельзя же считать потерпевшим убыток того, кто, получив десять тысяч золотых, потеряет один сэн!

Все посмеялись над ним:

— Но это рассуждение справедливо не только для владельца быка!

А он опять за свое:

— Значит, всякий человек, раз он ненавидит смерть, должен любить жизнь. Разве не будет он день за днем наслаждаться радостью жизни! Глупый человек, забывая о таком наслаждении, с нетерпением жаждет иных угод; забывая о сокровище жизни, с опасностью ищет иных сокровищ, и нет предела его желаниям. Значит, это рассуждение несправедливо для того человека, который не наслаждается жизнью, пока живет, и боится смерти, когда увидит смерть. А люди все же наслаждаются жизнью потому, что не боятся смерти. И не то, чтобы они не боялись смерти, просто о приближении смерти забывают. Ежели мы говорим, что человек незаметно пересек рубеж жизни и смерти, мы должны признать, что он постиг истинный принцип.

Над ним посмеялись еще больше.

XCIV

Прибыв ко двору, первый министр Токиван¹ был встречен стражником², державшим в руках высочайшее послание³. При виде вельможи стражник сошел с коня. После этого первый министр уволил стражника, заявив: «Такой-то страж северной стены есть человек, спешившийся, имея на руках высочайшее послание. Как же может подобный человек всеподданнейше служить государю?!»

Высочайшее послание следует показывать сидя верхом. Спешиваться недопустимо.

XCV

У одного знатока, старинных обычаев спросили: «К *куриката*¹ на коробке прикрепляют шнуры. С какой стороны их положено прикреплять?» — и он ответил так:

— Есть два мнения: одно — это прикреплять их слева, другое — справа, поэтому, куда их ни приладь, ошибки не

будет. Если это коробка для бумаг, шнурок большей частью прикрепляют справа, если это шкатулка для безделушек, обычно его прилаживают слева.

ХСVI

Есть такая трава — *мэнамоми*¹. Если человек, ужаленный гадюкой, разотрет эту траву и приложит ее к ране, он сразу исцелится. Необходимо уметь распознавать ее.

ХСVII

Неисчислимо то, что, пристав к чему-либо, вредит ему. Для тела — это вши; для дома — крысы; для страны — разбойники; для ничтожного человека — богатство; для добродетельного — сострадание; для священника — законоучение¹.

ХСVIII

— Это — мысли, которые вызвали отклик в моей душе, когда я увидел записки под названием «Немногословные благоуханные беседы»¹, где были собраны высказывания почтенных мудрецов².

1. Если ты раздумываешь, делать это или не делать, то, как правило, бывает лучше этого не делать.

2. Тот, кто думает о грядущем мире³, не должен у себя иметь ничего, даже горшка для соуса⁴. Нехорошо иметь дорогую вещь, включая молитвенник и статуэтку⁵.

3. Самое лучшее — жить, как отшельник: ничего не имея, ни в чем не нуждаться.

4. Вельможа должен стать простолюдином, мудрец — глупцом, богач — бедняком, талантливый человек — бездарным.

5. Нет ничего особенного в том, чтобы захотеть постичь учение Будды. Первое, что для этого нужно, — это, освободившись плотью⁶, не обременять душу мирскими заботами.

Кроме этого там и еще что-то было, да я не помню.

ХСIX

Первый министр Хорикава¹ был красивым мужчиной и богачом². Везде, где надо и не надо, он любил роскошь. Сына своего — сиятельного Мототоси³ — Хорикава определил управляющим сыскным департаментом⁴ и, когда

тот приступил к несению службы, заявил, что китайский сундук⁵, стоявший в служебном помещении сына, выглядит безобразно, и распорядился переделать его на более красивый. Однако чиновники, знающие старинные обычаи, доложили ему:

— Этот сундук переходил здесь из рук в руки с глубокой древности, и неизвестно, откуда он взялся: с тех пор прошли уже сотни лет. Когда во дворце от старости приходит в негодность какая-либо вещь из тех, что передаются из поколения в поколение, она служит образцом для изготовления новых,— так что лучше бы его не переделывать.

Распоряжение отменили.

С

Когда первый министр Кога¹, находясь в императорском дворце, пожелал испить воды, *тономодзюкаса*² поднес ему глиняную чашу, однако вельможа распорядился:

— Принеси ковш!— и напился из ковша³.

СИ

Один человек, исполняя обязанности *найбэна*¹ на церемонии возложения полномочий министра², вошел во дворец, не получив на руки высочайшего рескрипта³, находившегося еще у *найки*⁴. Это было неслыханным нарушением традиций, а вернуться за ним было уже нельзя. Пока он ломал себе голову, как быть, *гайки* шестого ранга Ясуцунана⁵ поговорил с облаченной в *кинукадзюки*⁶ фрейлиной, подучил ее взять этот рескрипт и потихоньку передать его *найбэну*. Это было восхитительно!

СИ

Когда Ин-но-дайнагону Мицутада-нюдо¹ было поручено провести обряд изгнания демона², правый министр Тоин³ попросил его рассказать о порядке проведения обряда.

— Нет ничего лучше, как спросить об этом у Матагоро,— ответил Мицутада.

Этот Матагоро, старый стражник, до мелочей помнил порядок всех дворцовых обрядов. Однажды Коноэ-доно⁴, готовя стан⁵, совсем забыл про циновку для сиденья. Он уже вызвал *гайки*⁶, как вдруг Матагоро, зажавший светильники, тайком шепнул ему: «Прежде полагается потребовать циновку»... Это было очень интересно.

СIII

Когда в храм-резиденцию Дайкаку¹, где приближенные экс-императора развлекались, загадывая друг другу загадки, пришел придворный лекарь Тадамори², Кинъакира³, дайнагон из свиты императора, сразу же загадал загадку:

— Тадамори, что кажется не японским?

— Кара-хэйдзи⁴,— ответил кто-то, и все рассмеялись. Лекарь рассвирепел и вышел вон.

СIV

В заброшенной лачуге вдали от людского взора укрывалась от мира женщина. Ее, отдавшую себя во власть скуки, вздумал навестить некий мужчина. Когда, освещенный скудными лучами молодого месяца, он тихонько крался к ограде, громко залаяла собака, и на шум вышла служанка.

— Откуда вы?— спросила она, пропуская посетителя в хижину. Унылая картина, открывшаяся его взору, вызвала щемящее чувство жалости: «Как можно здесь жить?»

Некоторое время гость стоял на грубом дощатом настиле, пока наконец не услышал мелодичный голос молоденькой горничной:

— Сюда, пожалуйста!— и прошел через туго раздвигающиеся двери дальше. Внутренняя часть помещения не казалась столь угнетающе убогой— это была довольно милая комната; правда, светильник в дальнем углу едва мерцал, однако видно было изящное убранство и чувствовалось, что благовония здесь зажгли не наспех: их аромат пропитал покон. Все жилище вызывало ощущение чего-то родного.

— Хорошенько закройте ворота. Может пойти дождь. Экипаж— под ворота, челядь— сюда и вот сюда,— послышались чьи-то слова.

С другой стороны прошептали:

— Кажется, сегодня поспим вдоволь.

Шептали совсем тихо, но где-то рядом, и поэтому кое-что можно было разобрать:

В хижине между тем подробно обсуждались последние новости, и вот уже запели первые петухи. С бывшего разговор перешел на мечты о будущем, но тут в задушевную беседу ворвался новый гам— на этот раз петухи пели вразнос звонкими голосами. Это навело на мысль о том, не светает ли уже, но особой охоты спешить с возвращением,

когда на дворе еще глубокая ночь, не было, и они забылись еще на мгновение. Однако вот уже и щели в дверях побелели; тогда мужчина сказал, что, этого ему не забыть никогда, и вышел.

Стояло исполненное великолепия утро, какое бывает в апреле¹, когда и ветки деревьев, и трава в садике залиты изумрудом свежей зелени. Вспоминая проведенную здесь ночь, он жадно смотрел назад до тех пор, покуда большое коричневое дерево у дома не скрылось из виду.

CV

Нерастаявший снег, что остался за северной стеной дома, крепко подморозило; на оглоблях поставленной здесь повозки, переливаясь, искрился иней. Сколь ни ярко светит предутренняя луна, и при ней нельзя не отыскать укромный уголок.

В галерее стоящего поодаль храма сидит на пороге знатный на вид мужчина и беседует с женщиной. О чем они говорят? Кажется, беседа их никогда не кончится. Очаровательной выглядит ее склоненная головка и силуэт; изумительно, когда вдруг повеет невыразимым благоуханием ее платья. Чарует и шепот, что доносится время от времени.

CVI

Когда святейший Сёку из Коя¹ направлялся однажды в столицу, то на узкой тропинке он повстречал женщину, ехавшую верхом на коне. Служка, что вел под уздцы ее коня, по оплошности столкнул лошадь старца в канаву. Сильно разгневавшись, мудрец принялся бранить его:

— Это неслыханная грубость! Из четырех разрядов учеников Шакьямуни — *бикуни* ниже *бику*, *убасоку* ниже *бикуни*, *убаи* ниже *убасоку*². И *бику* подобным *убаи* повергнут в канаву! Это же неслыханное доселе злодеяние!

Мужчина-проводник отвечал на это:

— Вы, никак, что-то изволите говорить, но мне ничего не понять. И тогда святейший взбесился еще больше:

— Что я сказал, говоришь?! Ах ты невежа и неуч! — выпалил он в гневе, но вдруг с таким смущенным видом, будто произнес самое невозможное ругательство, повернул коня и ускакал обратно.

Можно сказать, это был диспут, достойный уважения.

CVII

Говорят, будто редко встретишь мужчину, который бы сразу и впопад отвечал на вопрос женщины. Во времена экс-императора Камэяма¹ всякий раз, как во дворец приходили молодые люди, шутницы-фрейлины испытывали их вопросом:

— Приходилось вам слышать кукушку?

Какой-то *дайнагон* ответил на это:

— Такой невежда, как я, и не мог сподобиться слышать ее.

А господин внутренний министр Хорикава² изволил сказать так:

— В Ивакура³ как будто слышал...

— Ну, так-то ответить нетрудно,— обсуждали этот ответ дамы,— а насчет невежды уже и слушать надоело.

Говорят, что вообще мужчине надо учиться, чтобы над ним не смеялись женщины. Кто-то рассказывал мне, что прежний регент Дзёдодзи⁴ в юности получал наставления от монахини-императрицы Анки⁵, потому и был искусен в разговоре.

Левый министр Ямасина⁶ признавался, что обращает внимание и очень смущается, даже когда на него смотрит простая служанка.

Если бы не было на свете женщин, никто не стал бы следить ни за одеждой, ни за шляпами, какими бы они ни были.

Можно подумать, что женщина, которая так смущает мужчин,— этакое прелестное существо. Нет, по натуре все женщины испорчены. Они глубоко эгоистичны, чрезвычайно жадны, правильного Пути не знают и очень легко поддаются одним только заблуждениям, а что касается искусства вести разговор, то они не отвечают даже тогда, когда их спрашивают о чем-нибудь незатруднительном.

«Может быть, это из осторожности?» — подумаете вы. Ничуть не бывало: в разговоре они выбалтывают совершенно неожиданные вещи, даже когда их не спрашивают. А если кто-нибудь считает, что их превосходство над мужским умом заключается в мастерстве пускать пыль в глаза, стало быть, он не знает, что все женские уловки обнаруживаются с первого взгляда. Женщина — это существо неискреннее и глупое. Всяческого сожаления достоин тот, кто добивается благосклонности женщины, подчиняясь ее прихотям.

А если это так, зачем же робеть перед женщиной? Если встретится умная женщина, она будет непривлекательна и холодна. Женщина может казаться и изящной и интересной, только когда, ослепленные страстью, вы послушно исполняете ее капризы.

CVIII

Никто не жалеет мгновений¹. Отчего это — от больших познаний или по глупости? Допустим, это происходит по глупости нерадивого; но ведь хотя и ничтожен один сэн, но если его беречь, он сделает богачом бедняка. Поэтому-то и крепка забота торговца сберечь каждый сэн.

Мы не задумываемся над тем, что такое миг, но если миг за мигом проходит не останавливаясь, вдруг наступают и срок, когда кончается жизнь. Поэтому праведный муж² не должен скорбеть о грядущих в далеком будущем днях и лунах. Жалеть следует лишь о том, что текущий миг пролетает впустую.

Если придет к вам человек и известит вас о том, что завтра вы наверняка расстанетесь с жизнью, чего потребуете вы, что совершите, пока не погаснет сегодняшний день? Но почему же сегодняшний день — тот, в котором все мы живем сейчас, — должен отличаться от такого последнего дня?

Ежедневно мы теряем — и не можем не терять — много времени на еду, удобства³, сон, разговоры и ходьбу. А в те немногие минуты, что остаются свободными, мы теряем время, делая бесполезные вещи, говоря о чем-то бесполезном и размышляя о бесполезных предметах; это — самая большая глупость, ибо так уходят дни, текут месяцы и проходит вся жизнь. Несмотря на то что Се Лин-юнь⁴ был переводчиком свитков Хоккэ⁵, Хуэй Юань⁶ не допустил его в Белый лотос⁷, так как тот слишком сильно лелеял в своем сердце мысли о ветре и облаках.

В те минуты, когда человек забывает о мгновениях, как бы эти минуты ни были коротки, он подобен покойнику. Когда же спросят, зачем жалеть мгновения, можно ответить, что, если нет внутри человека тревоги, а извне его не беспокоят мирские дела, решивший порвать с миром — по-рвет, решивший постигнуть Учение — постигнет.

СIX

Некий мужчина, слывший знаменитейшим древолазом, по просьбе своего односельчанина взобрался на высокое дерево, чтобы срезать у него верхушку. Одно время казалось, что он вот-вот сорвется вниз, но тот, что стоял на земле, не проронил ни слова; когда же верхолаз, спускаясь, оказался на уровне карниза дома, товарищ предостерег его:

— Не оступись! Спускайся осторожнее!

Услышав эти слова, я заметил ему:

— Уж с такой-то высоты можно и спрыгнуть. Зачем вы говорите ему это сейчас?

Он отвечал:

— Именно сейчас и нужно. Пока у него кружилась голова и ветки были ненадежными, он и сам остерегался, поэтому я ничего и не говорил. Но сейчас, когда ошибка не так страшна, он бы наверняка допустил ее.

Это говорил человек самого низкого сословия, но в наставлениях своих он равнялся мудрецу.

Вот и в игре — после того как возьмешь мяч из труднейшего положения, непременно пропустишь его там, где удар кажется слабым.

СХ

Когда я спросил однажды у человека, слывшего искусным игроком в *сугороку*¹, о секрете его успеха, он ответил:

— Не следует играть на выигрыш; ходить нужно с мыслью не проиграть. Рассчитай, каким именно способом ты можешь проиграть скорее всего, и не играй так; выбери тот вариант, при котором проиграть можно хотя бы на один ход позднее.

Это наука, как можно познать Путь. Таковы же приемы усмирения плоти и обороны государства.

СXI

В ушах моих до сих пор звучит изречение одного мудреца, показавшееся мне изумительным:

— Тот, кто, увлекшись шахматами и шашками¹, днюет и ночует за ними, совершает, по-моему, грех больший, чем четыре тяжких и пять великих грехов².

СХII

Может ли кто-нибудь человеку, узнавшему, что завтра ему отправляться в дальние страны, назвать дело, которое надлежит совершить спокойно, без спешки?

Человек, появится ли у него вдруг важное дело, впадет ли он в неизбывную печаль, не в состоянии слышать ни о чем постороннем. Он не спросит ни о горестях, ни о радостях другого.

Все скажут: «Не спрашивает», но никто не вознегодует: «А почему?» Поэтому должны быть такими же далекими от тревожений мира людьми те, чьи годы становятся все преклоннее, те, кто скован тяжким недугом, и в еще большей степени те, кто уходит от этого мира ¹.

Нет такого мирского обряда, от которого не хотелось бы уклониться. И если ты следуешь мирской суете потому, что не в силах отвергнуть ее, если считаешь ее неизбежной, желания твои умножаются, плоть делается немощной и нет отдыха душе; всю жизнь тебе мешают ничтожные мелкие привычки, и ты проводишь время впустую.

Вот и день меркнет, но дорога еще далека ², а жизнь-то уже спотыкается. Настало время оборвать все узы. Стоит ли хранить верность, думать об учтивости?

Те, кому не понять этого, назовут тебя сумасшедшим, посчитают оцепеневшим и бесчувственным. Но не страдай от поношений и не слушай похвал!

СХIII

Если человек, которому перевалило за сорок, иногда развратничает украдкой, ничего с ним не поделаешь. Но болтать обо всем, ради потехи разглагольствовать о делах, что бывают между мужчиной и женщиной, ему не подобает. Это отвратительно.

По большей части так же омерзительно слышать и так же противно видеть, когда старик, затесавшись среди молодых людей, болтает, чтобы позабавить их; когда какой-нибудь пустой человечиска рассказывает о почитаемом всеми господине с таким видом, будто ничто их не разделяет, и когда в бедной семье любят выпить и стремятся блеснуть, угощая гостей.

CXIV

Однажды высокородный Имадэгава¹ отправлялся в Сага². При переправе через Арисугава³ его повозка въехала в водный поток, и погонщик Сайомару стал понукать быка. Бык заупрямился, стал рыть копытом, и брызги из-под его ног окатили весь передок экипажа до самого верху. Тогда сидевший на запятках Тамэнори вскричал:

— Ах, какой неотесанный мальчишка⁴! Да разве можно погонять быка в таком месте?

Услышав это, вельможа пришел в дурное расположение духа.

— О том, как заставить повозку двигаться,— сказал он,— ты не можешь знать больше, нежели Сайомару. Неотесанный ты мужлан,— и стукнул его головой о повозку.

Достославный наш Сайомару был слугой господина Удзумаса⁵ и состоял у его высочества скотником. А в доме Удзумаса даже прислуге присвоены были прозвища: то Хидзасати, то Котодзути, то Хобара, то Отоуси⁶.

CXV

В местности, называемой Сюкугахара¹, собралось много *бороборо*². Когда однажды они творили молитву о девяти ступенях возрождения в раю³, в помещение вошел незнакомый *бороборо* и спросил:

— Нет ли случайно среди вас, почтенные, монаха⁴ по имени Ирооси-бо?— На что из толпы ответили:

— Здесь Ирооси. Но кто ты, назвавший меня?

— Меня зовут Сира-бондзи,— последовал ответ,— слышал я, что мой наставник такой-то был убит в восточных землях монахом по имени Ирооси, поэтому я хотел бы встретиться с этим человеком и с вашего позволения отомстить ему. Вот я и ищу его.

— О, как хорошо, что вы нашли меня,— воскликнул Ирооси,— действительно, было такое дело! Но раз уж довелось нам здесь столкнуться, то, дабы не осквернить святого места, давайте лучше последуем к берегу реки, что перед нами, и сойдемся там. Друзья мои! Что бы ни случилось, ни в коем случае не приходите мне на помощь,— условился он с товарищами.— Если мы обеспокоим многих, это может явиться вам помехой для служения Будде!

После этого противники вдвоем вышли на прибрежную

равнину, скрестили мечи и отвели душу, пронзая друг друга, так что вместе и смерть приняли.

Разве могли быть такие *бороборо* в старину? По-моему, только в наше время пошли разные там *борондзи, бондзи, кандзи* ². Делая вид, что стремятся уйти от мира, они бурно кипят мирскими страстями; делая вид, что стремятся к учению Будды, они занимаются поединками. Я считаю, что люди эти своевольны и бесстыдны, но они легко относятся к смерти, ни к чему не привязаны и отважны, потому я и записал эту историю в том виде, как мне рассказал ее один человек.

СХVI

Древние нимало не задумывались над тем, какое название присвоить храмам, святилищам и всему на свете. Все называлось легко, в строгом соответствии с событиями. Нынешние названия так трудны, будто люди мучительно над ними думали, чтобы показать свои таланты. Никчемное занятие также стараться подобрать понеобычное иероглифы для имен.

Говорят ведь, что тяга во всем к редкостному, стремление противоречить есть несомненный признак людей ограниченных.

СХVII

Семь человек плохи как друзья.

Во-первых, человек высокого положения и происхождения; во-вторых, молодой человек; в-третьих, человек никогда не болеющий, крепкого сложения; в-четвертых, любитель выпить; в-пятых, воинственный и жестокий человек; в-шестых, лживый человек; в-седьмых, жадный человек.

Хороших друзей трое.

Во-первых, друг, который делает подарки; во-вторых, лекарь ¹; в-третьих, мудрый друг ².

СХVIII

В тот день, когда мы едим суп из карпа, наши волосы не бывают растрепанны. Это очень липкая рыба — ведь из нее делают клей. Карп очень благороден, так как из всех рыб одного только карпа можно разделять в высочайшем присутствии.

А из птиц фазан не имеет себе равных. Фазан и гриб *мацудаке*¹, даже если они висят над Оюдоно — августейшей купальней², возражений не вызывают³. Все прочее здесь неуместно.

Однажды Китаяма-нюдо⁴ обратил внимание на то, что на полке для снеди⁵ над августейшей купальней в покоях императрицы⁶ виднеется дикий гусь. По возвращении домой он тут же написал письмо, где указывал: «Мы не призывали видеть, чтобы подобные вещи целиком и открыто хранились на августейшей полке. Это неприлично. И все оттого, что у вас нет надежного слуги».

СХІХ

Рыба макрель, что водится в море у Камакура¹, не имеет в этих краях себе равных; в наше время она весьма ценится. Однако камакурские старожилы говорят так: «Еще в дни нашей молодости эту рыбу знатным людям не подавали. Голову ее не ели даже слуги. Ее отрезали и выбрасывали вон».

Однако стоило наступить веку упадка, как даже такие яства стали подавать всем, вплоть до вельмож².

СХХ

Если не считать лекарств, то нехватка китайских изделий едва ли затруднила бы нас. Так как в нашей стране широко распространены китайские сочинения, то и их мы могли бы переписывать сами. То, что множество китайских судов в свой нелегкий путь грузятся одними безделушками и приходят к нам, — глупость чрезвычайная.

Не сказано ли к тому же и в книгах: «Не цени вещей, привезенных издалека»¹ и «Сокровище, которое досталось с трудом, дороже не цени»²?

СХХІ

К числу животных, которых следует держать в хозяйстве, относятся лошади и быки. Очень жаль мучить их на привязи, однако, раз уже это необходимо, чтобы они не потерялись, ничего не поделаешь. Что касается собак, то задачу сторожить дом и охранять имущество они выполняют лучше человека, а посему безусловно необходимы. Однако, так как они есть в каждом доме, может быть и не

стоит держать ее еще и у себя. Во всех прочих животных и птицах никакой надобности нет.

Быстроногие звери запираются в загородки, сажаются на цепь; легкокрылым птицам обрезают крылья, а самих их заключают в клетки. Они же влюблены в облака, грезят дикими горами и долинами, и нет такой минуты, когда бы затихла в них тоска.

Мысль об этом для меня невыносима: не может ведь радоваться этому человек, имеющий сердце! Тот, кто испытывает наслаждение, заставляя страдать живое существо, имеет сердце Цзе и Чжоу¹. Ван Цзы-ю² любил птиц, наблюдал, как они резвятся в бамбуковых рощах, и они стали его друзьями в прогулках. Он никогда не ловил птиц и не доставлял им страданий. К тому же в одном сочинении сказано: «Нельзя держать в стране никаких редкостных птиц и диковинных зверей»³.

СХХII

Дарования человека прежде всего следует употребить на то, чтобы, разбираясь в писаниях, познавать учения мудрецов¹. Далее следует каллиграфия: даже если не отдаваться ей всецело, обучаться ей надобно, потому что она станет твоей опорой в науках. Затем следует обучиться искусству врачевания. Без умения врачевать невозможно ни свою плоть поддержать, ни людям помочь, ни выполнить долг в отношении господина и родителей². После этого идет стрельба из лука и верховая езда, входящие в шесть искусств³. Все это, безусловно, нужно постичь.

Никоим образом нельзя пренебрегать книжной мудростью, военным делом и врачеванием. Если всему этому научишься, никогда не окажешься бесполезным человеком.

Далее: пища — небо человека⁴. Человек, который знает толк в приготовлении блюд, может оказаться очень полезным. Кроме того, мастерство⁵: оно важно в любом деле.

А все остальные занятия... — слишком многих талантов благородный человек стыдится⁶. Быть искусным в поэзии и умелым в музыке превосходно, однако, хотя и говорят, что то и другое высоко ценят государь и подданные, похоже, что в наше время, пользуясь ими, управлять миром становится все бесполезнее. Золото прекрасно, однако в железе, кажется, гораздо больше пользы.

СХХІІІ

Того, кто проводит время в бесполезных занятиях, можно назвать и глупцом, и человеком, совершающим ошибку. Есть множество дел, от которых нельзя уклоняться и которые нужно совершить для страны, для государя. От таких дел совсем не остается свободного времени. Следует подумать об этом.

Для самого человека необходимо следующее: во-первых, еда, во-вторых, одежда, в-третьих, жилье. Основные потребности людей не выходят за пределы перечисленного. Спокойная жизнь без страданий от голода и холода, от ветра и дождя доставляет радость. Однако все люди болеют. Если проникает в тебя болезнь, страдания от нее невыносимы. Ты не можешь забыть о лечении. Тех, кто не в силах обеспечить себя всеми необходимыми, включая сюда лекарство, предметами, считают бедняками. Тех, кто не нуждается в них, считают богатыми. Тех, кто требует себе чего-то сверх перечисленного, называют расточительными. Если человек бережлив, то, кем бы он ни был, вряд ли ему не хватит этого.

СХХІV

Очень привлекателен Дзэхо-хоси¹, который спокойно коротал свой век, от рассвета дотемна вознося молитвы Будде, и не похвалялся ученостью, несмотря на то что никому из секты дзёдо² не уступал в ней.

СХХV

Чтобы совершить обряд сорок девятого дня¹, оставленные в этом мире² пригласили некоего мудреца³. Проповедь была замечательной, и все присутствующие обливались слезами. После того как священнослужитель ушел, слушатели его стали обмениваться впечатлениями. «Сегодня он казался особенно благородным, даже более, чем всегда», — говорили они. И тут один человек заметил:

— Что вы ни говорите, а это, видимо, потому, что он так здорово походит на китайскую собаку!⁴

Все очарование пропало, и всем стало смешно. Разве же это способ хвалить такого проповедника?

А еще он говорил:

— Если, вздумав угостить кого-нибудь вином, ты выпь-

ешь прежде сам, а потом попытаешься заставить пить другого — это то же самое, что пытаться рассечь человека мечом. Меч обоюдоостр, поэтому когда ты, подняв его, прежде отсечешь собственную голову, то уже не сможешь рассечь другого. Коли прежде напьешься и свалишься сам, то не сможешь, вероятно, напоить другого.

Пытался ли он сам-то когда-нибудь рубить мечом? Это очень забавно.

СХХVI

Один человек говорил:

— Не следует играть с тем, кто, вконец проигравшись в азартной игре, хочет поставить на карту все без остатка. Нужно знать, когда наступает время перелома в игре, при котором, продолжая игру, можно победить. Того, кто знает такое время, и называют хорошим игроком.

СХХVII

Лучше не исправлять совсем, чем исправлять без пользы.

СХХVIII

Масафуса-дайнагон¹ был человеком настолько талантливым, умным и приятным, что его намерены были уже возвести в генералы², но тут один из приближенных доложил экс-императору³:

— Только что я наблюдал ужасную сцену.

И августейший спросил его:

— Что именно?

— Через дыру в заборе я видел, как господин Масафуса отрубил живой собаке лапы, чтобы накормить сокола.

Это вызвало негодование и отвращение экс-императора, который сменил прежнее свое высокое благоволение к Масафуса и не изволил допустить его продвижение по службе. Удивительно, конечно, что такой человек⁴ держал сокола, однако рассказ о лапах собаки не имел основания.

Ложь предосудительна, но сердце государя, восплавленное негодованием при сообщении о такой жестокости, достойно глубокого уважения. Вообще говоря, люди, которые развлекаются, убивая, муча и заставляя драться живых существ, подобны зверям, пожирающим друг друга.

Если быть внимательным и присмотреться к всевозможным птицам, животным и даже крохотным насекомым, то окажется, что они заботятся о детенышах, привязаны к родителям, обзаводятся парами, ревнуют, сердятся, кипят страстями, ублажают свою плоть и цепляются за жизнь, — и во всем этом значительно превосходят людей по той причине, что совершенно глупы.

Разве не больно бывает всякий раз, когда им доставляют мучения, когда у них отнимают жизнь? Тот, чье сердце не проникается состраданием при взгляде на любого, кто обладает чувствами⁵, — не человек.

СХХІХ

Янь Хуай¹ ставил целью не причинять людям беспокойства². Вообще говоря, мучить людей и доставлять им несчастье не следует. Даже у людей низкого сословия нельзя отнять волю³. Кроме того, иногда развлекаются тем, что обманывают, запугивают или стыдят малых детей. Взрослый человек к заведомой неправде относится равнодушно, а в младенческое сердце глубоко западают боязливые, стыдливые и мучительные думы, оставляя там действительно тяжелый след. Развлекаться, муча его, — значит не иметь в душе сострадания.

И радость, и гнев, и печаль, и наслаждения взрослого человека — все тщета и заблуждение. Но кто не подвержен влиянию кажущихся реальными призраков!

Причинить человеку душевную боль — значит гораздо более навредить ему, нежели даже изувечив его тело. Болезни наши тоже в большинстве своем проистекают из души. Извне приходящих болезней мало. Необходимо знать следующее: бывает, что, желая вызвать пот, мы принимаем лекарство, но проку от этого нет, однако же стоит нам хоть раз испытать страх или стыд — пот выступит непременно⁴; причина этому — душа. Не обходится и без таких случаев, когда человек стал седым, делая надпись на башне Линъюнь⁵.

СХХХ

Нет ничего лучше, как ни с кем не спорить, как, обуздав себя, согласиться с противником и, отложив свои дела, позаботиться прежде о другом человеке.

Всякая игра сводится к тому, что человек, любящий

состязания, стремится насладиться победой. Известно также, что радость от своего превосходства над противником связана с невозможностью получить удовлетворение от проигрыша. А мысль о том, что, проигрывая сам, ты доставляешь удовольствие противнику, не может дать удовлетворения игрой. Но развлекаться, принося другому разочарование, безнравственно.

Находятся и такие люди, которые, даже играя в дружеской компании, всюю обманывают партнеров и при этом упиваются своим умственным превосходством. Это тоже непорядочно. Поэтому во многих случаях длительная неприязнь начинается с первой совместной пирушки. Это все вред, наносимый пристрастием к спорам.

Если и заботиться о том, чтобы превзойти в чем-то людей, то следует думать лишь о том, чтобы, занявшись науками, превзойти их в мудрости. Потому что когда вы постигнете Учение, то должны будете знать, что не следует похвально добродетелью и ссориться с товарищами. Только сила Учения позволяет нам отказаться от высокого поста и отвергнуть выгоду.

СXXXI

Тот, кто беден, стремится воздавать почесть богатству, тот, кто стар, стремится воздавать почести силе¹. Когда человек, зная свое место, не может достичь цели, следует считать разумным, если он быстро остановится. Не давать ему это сделать — значит совершать ошибку. Не зная своего места, через силу усердствовать — значит совершать ошибку самому.

Если не знает своего места бедный, он ворует; если не знает своего места слабосильный, он заболевает.

СXXXII

Дорога Тоба¹ получила свое название не после того, как был построен дворец Тоба². Это название идет исстари. Говорят, будто еще в «Записках принца Рихо³» сказано, что голос, которым наследный принц Мотоёси⁴ возглашал новогодние приветствия⁵, был преисполнен такой силы, что был слышен от дворца Дайгоку⁶ до дороги Тоба.

СXXXIII

В ночных покоях августейшее изголовье обращено на восток. Конфуций тоже ложился головой на восток¹, потому что, обратив изголовье к востоку, можно почерпнуть животворную силу².

В опочивальнях столь же общепринято обращать изголовье и на юг. Экс-император Сиракава³ почивал головой на север, однако север не пользуется любовью. Кроме того, говорят так: «Провинция Исэ расположена на юге⁴. Как же можно обращать августейшие ступни в сторону храмов Дайдзингу⁵!».

Но в императорском дворце поклонения храмам Дайдзингу совершают, обратясь к юго-востоку, а не к югу.

СXXXIV

Однажды какой-то *рисси*¹ — имени его я не помню — *саммайсо*² из храма Хоккэдо³ экс-императора Такакура⁴, взял зеркало и принялся внимательнейшим образом рассматривать свое лицо. В конце концов, безмерно расстроенный тем, что вид его безобразен и жалок, законоучитель возненавидел даже само зеркало, долго после этого боялся зеркал и никогда уже не брал их в руки. Кроме того, он перестал общаться с людьми и заперся в келье, откуда стал выходить только для исполнения храмовых служб. Услышав эту историю, я подумал, что это очень редкий случай.

Даже мудрейшие люди, умея судить о других, ничего не знают о себе. Но не познав себя, нельзя познать других. Следовательно, того, кто познал себя, можно считать человеком, способным познать суть вещей.

Не сознавая безобразия собственного обличья, не сознавая собственной глупости, не сознавая своего невежества в искусствах, не сознавая ничтожности своего общественного положения, не сознавая того, что годы твои преклонны, не сознавая того, что сам ты полон недугов, не сознавая близости своей смерти, не сознавая, как несовершенно путь, которому ты следуешь, не сознавая собственных своих недостатков, — тем более не постигнешь чужих понятий.

Однако облик свой можно увидеть в зеркале; годы можно узнать, сосчитав. Но когда о своей внешности знают все, а поделать с нею ничего не могут, это все равно как если бы о ней и не знали. О том, чтобы улучшить свою

внешность или уменьшить возраст, не может быть и речи. Но как же можно не отступить от дела, едва только узнаешь о своей непригодности к нему? Как можно не смирить плоть, если узнал ты о своей старости? Как можно не призадуматься, коли узнал ты о том, что глупо ведешь себя?

Вообще-то стыдно навязываться людям, когда тебя никто не любит. Безобразные обличьем и подлые сердцем выходят на люди и занимаются службой; недоумки водятся с талантами; бездарные в искусствах — завсегдатаи у тончайших мастеров; дожившие до белоснежной головы равняются на цветущую молодежь. Хуже того, люди желают недостижимого, убиваются по тому, что невыполнимо; ждут того, что заведомо не явится; боясь кого-то, льстят ему — и это не тот позор, который навлекается посторонними, этим позорят себя сами люди, отдавшие во власть алчной своей души.

А не пресекают они своей алчности лишь потому, что не знают, что великий момент, завершающий жизнь⁵, — уже вот он, приблизился!

СХХХV

Кто-то, кажется Сукэсуэ-дайнагон-нюдо¹, встретившись с советником двора генералом Томоудзи², сказал:

— Если ты³ меня о чем-нибудь спросишь, все равно о чем, я отвечу!

— Да неужели? — усомнился Томоудзи.

— Ну тогда давай поспорим!

— Я ведь серьезным вещам не обучался и не знаю их, так мне и спросить тебя не о чем. Сделай милость, позволь спросить о том, что непонятно мне в каких-нибудь пуस्तках, не стоящих внимания.

Сукэсуэ воскликнул:

— Тем более! Из здешних-то глупых загадок⁴ я тебе любую растолкую в момент!

Собравшиеся вокруг них приближенные императора и фрейлины тут же порешили:

— О, это очень интересный спор! В таких случаях лучше всего спорить пред очами государя. Кто проиграет, должен устроить пирушку.

Когда, приглашенные государем, они встретились у него, Томоудзи сказал:

— Правда, слыхивал я это еще с младенчества, а вот

смысла до сих пор не знаю. Хочу спросить у тебя, объясни, пожалуйста, что это значит, когда говорят: «Ума-но кицурё-кицуниноока, накакуборэирикуруэндо»? ⁵

Преподобный *дайнагон* сразу оторопел и сказал:

— Это до того глупая фраза, что не заслуживает, чтобы на нее тратили слова.

Томоудзи возразил на это:

— Но я с самого начала сказал, что не обладаю познаниями в мудрых учениях и спросить осмелюсь только о какой-нибудь глупости, — после чего *дайнагон-нюдо* был признан проигравшим и, как рассказывают, вынужден был согласно условию устроить отменный пир.

СXXXVI

Однажды во время аудиенции лекаря Ацусигэ ¹ у покойного монаха-государя ² внесли августейшие яства. Увидев их, Ацусигэ почтительно обратился к его величеству со словами:

— Снизойдите спросить меня о иероглифических написаниях названий и питательности всех яств, что находятся на внесенном сейчас столике. Я буду отвечать по памяти, а ваше величество проверять меня по фармацевтическим трактатам. Осмелюсь заметить, что не ошибусь ни разу.

В этот момент к государю вошел ныне покойный министр двора Рокудзё ³.

— Арифуса тоже хотел бы по этому случаю чему-нибудь поучиться, — сказал он и тут же задал вопрос:

— Ну, во-первых, с каким ключом пишется иероглиф «соль» ⁴?

— С вашего позволения, с ключом «земля», — ответил тот.

— О, вы уже блеснули ученостью! На сегодня довольно и этого. Больше вопросов не имею!

За этими словами последовал такой взрыв смеха, что лекарь поспешил скрыться.

СXXXVII

Можно ли любоваться лишь вишнями в разгар цветения и полной луной на безоблачном небе? Тосковать по луне, скрытой пеленой дождя; сидя взаперти, не видеть поступи весны — это тоже глубоко волнует своим очарованием

Многое трогает нас и в веточках, что должны вот-вот распуститься, и в садике, что осыпается и увядает.

В прозаических вступлениях к стихам пишут: «Я пришел любоваться цветами, а они давным-давно осыпались»¹ или «Не пришел любоваться цветами из-за такой-то помехи». Чем это хуже вступления: «Любуясь цветами...»? Мне понятно пристрастие к любованию осыпающимися цветами или луной, что клонится к закату, но подчас встречаются безнадежные глупцы, которые говорят: «Осыпалась эта ветка и та. Нынче уже любоваться нечем».

Все на свете имеет особенную прелесть в своем начале и в завершении. А любовь между мужчиной и женщиной — разве она в том только, чтобы свидеться? Любовь — это когда с горечью думаешь, что время прошло без встречи; когда сожалеешь о пустых клятвах; когда одиноко проводишь долгие ночи; когда думаешь лишь о любимой, далекой, как небо²; когда в пристанище, заросшем вокруг камышом, тоскуешь о былом.

Глубже, чем полная луна на безоблачном небе, что глядится вдаль на тысячи ри, трогает за душу лунный серп, взошедший в предвесье близкого рассвета. Ничто не чарует более, чем бледный луч его, когда он проглядывает сквозь верхушки криптомерий в диких горах или спрятался за быстро бегущую стайку туч, что брызжет на нас миголетным дождем. Когда лунный свет переливается на увлажненной листве буков и дубов, он проникает в сердце, он приносит тоску по душевному другу, по столице.

Но вообще-то луна и цветы заслуживают не только любования. Ведь даже думать о них весной, не выходя из дому, а лунной ночью затворившись в спальне, сладко и привлекательно.

Благовоспитанный человек никогда не покажет, что он страстно увлечен чем-то, у него не заметишь интереса к чему-либо. Но кто бурно изливает чувства по всякому поводу, так это житель глухого селения. Он проталкивается, пролезает под самое дерево, усыпанное цветами; уставившись на цветы, глаз с них не сводит; пьет сакэ, сочиняет *рэнга*, а под конец, ничтоже сумняшеся, ломает для себя самую крупную ветвь. В источник он погрузит руки и ноги; по снегу он непременно пройдет, чтобы оставить следы, — ничем он не может любоваться со стороны.

Очень странное зрелище являют подобного рода люди, когда они наблюдают за празднеством³.

— Зрелище слишком запаздывает, — говорят они, —

и пока нет нужды оставаться на помосте⁴, — после чего идут в помещение, пьют сакэ, закусывают, развлекаются шашками и шахматами, а караулить процессию оставляют на помосте человека, и когда он закричит: «Идет!» — все вскакивают, будто у них раскрошилась печень⁵, и наперегонки, чуть не сбивая друг друга с ног, взлетают на помост, толкаются, колыша бамбуковую штору пред помостом, впиваются в улицу глазами: как бы чего не пропустить! — о каждом посплетничают: кто да что. А когда процессия проходит, говорят: «Теперь до следующей» — и спускаются вниз. Вероятно, главное для них — поглазеть на что-нибудь, и только.

Вельможный житель столицы, напротив того, вид имеет сонный и на это как следует не смотрит. Молодые люди низшего сословия, те, кто является сюда исполнять обязанности, или те, кто сопровождает кого-нибудь, никогда не высунутся до неприличия вперед; никто из них не рвется без толку глазеть на зрелище.

Мальва, которой увешано вокруг все без разбора, прелестна⁶, но, пока еще не наступил рассвет, все сгорают от любопытства: чьи это повозки, что прибывают сюда под покровом темноты; гадают, чья, интересно, та, а чья эта. И вот уже можно распознать и бычников и слуг. Любуясь на то, как прибывают самые разнообразные экипажи и люди — то изящные, то пышные, не заскучаешь.

По мере того как спускаются сумерки, и повозки, выстроенные рядами, и люди, стоящие тесной толпой, начинают куда-то исчезать. Вскоре толпа редет, стройные ряды повозок приходят в беспорядок, и тогда люди разбирают бамбуковые шторы и циновки, а всё, куда хватает глаз, утихает и смолкает. Размышляя над этим, узнавать здесь прообраз мирской суеты и бренности — занятие, в котором тоже тает очарование. Наблюдать за главной дорогой столицы — это наблюдать за праздником. Среди тьмы людей, что ходят взад-вперед перед помостом, встречается такое множество знакомых, что кажется, будто даже во всем мире людей не так много, как их. Но если мы решим, что сами должны будем умереть только после того, как потеряем их всех до одного, то этого нам долго ждать не придется.

Когда, наполнив водой большой сосуд, мы сделаем в нем крохотное отверстие, то, как бы ни скудно капала сквозь него вода, если она будет сочиться непрерывно, в конце концов должна будет иссякнуть. В столице полно

народу, и не бывает дня, когда бы кто-нибудь не умер. И не всегда по одному или по двое в день. В иные дни не только на Торибэно⁷ и Фунаока⁸, но и на другие кладбища⁹ приносят очень много усопших, а таких дней, когда бы никто не умирал, не бывает. Следовательно, не бывает и случаев, когда бы изготовленные гробы остались лежать без спроса.

Смертный час — он приходит неожиданно, невзирая на то что ты молод, что еще полон сил. Поразительно еще, как мы избегали его до сих пор. Разве можно хотя бы на минутку легкомысленно отнестись к этой жизни?

Это похоже на фигуру, называемую *мамакодатэ*¹⁰, которую сооружают из шашек. Пока эти шашки выстраивают в ряд, никто не знает, какую именно взять первой, но как только, отсчитав нужное число, одну из них берут, мы сразу видим и остальные, а отсчитав еще и еще раз, начинаем вытаскивать шашки одну за другой, пока их не останется вовсе.

Когда воин, идущий в сражение, знает, что смерть его близка, он забывает о семье, забывает и о самом себе. Крайне недалек тот, кто, покинув суетный мир, запершись в хижине, сплетенной из травы, и мирно наслаждаясь ручейком и камешками на дне его, считает, что все это обойдет его стороной. Разве не может враг по имени быстротечность, то есть смерть наша, нагрянуть в глубину спокойных гор? Глянуть в лицо смерти отшельник может наравне с воином, не покидающим ратного стана.

СXXXVIII

Один вельможа, считая, что коль скоро праздник¹ прошел, то оставшиеся мальвы никому уже не нужны, приказал убрать все их стебельки, что были развешаны на шторах в его доме. Такие поступки я всегда считал продиктованными безвкусицей, но так как здесь был человек с тонким пониманием, я подумал: «А может быть, так и следует?» Однако Суо-но-найси² писала:

Хоть и висят они,
Но уже бесполезны
Вместе
На шторах
Увядавшие мальвы цветы.
(Хоть и тоскую я,
Это уже бесполезно —
Вместе с любимым

Нам не любоваться [ничем],
День нашей встречи далек³.

Стихи эти, посвященные увядшим лепесткам мальвы, висящей на шторах спальни, вошли в сборник стихов поэтессы. Кроме того, в пояснении к одной старинной песне сказано: «Ее послали, прикрепив к увядшей мальве».

В «Записках у изголовья» написано: «Что мило мне в ушедшей старине⁴, так это увядшая мальва». Мне эти слова кажутся бесконечно близкими. Камо-но Тёмэй⁵ в «Повести о четырех временах года»⁶ также писал:

На яшмовых⁷ шторах остались
От праздника мальвы цветы.

Как же можно без сожаления выбросить вон цветы, которые даже при увядании вызывают такую жалость? Так как говорят, что *кусудамы*⁸, висящие на занавесях в знатных домах, меняют на хризантемы в девятый день девятой луны⁹, то и ирисы следует оставлять до праздника хризантем. После кончины Бива¹⁰ — августейшей супруги — кормилица Бэн¹¹ увидела, что ирисы и *кусудамы* на старинных шторах завяли. Она сказала:

Здесь корни ириса висят,
Не к этому случаю сорванные.

Фрейлина Ко-но-дзидзю¹² в ответ ей сложила такие стихи:

Стебельки ириса
Остаются теми же, что были...¹³

СXXXIX

Деревья, которые хочется иметь возле дома, — это сосна и вишня. Из сосен хорош и пятилистник¹. Цветы² хороши простые. Прежде махровые вишни³ разводились лишь в столице Нара⁴, а в наше время они распространились очень широко. Цветы Ёсино⁵ и вишни сакон⁶ — те и другие — относятся к простым. Махровые вишни принадлежат к особому сорту. Они навязчиво причудливы. Лучше их не сажать. Поздние сорта вишни также лишены интереса: цветы, попорченные гусеницами, неприятны.

Сливы хороши и белые и бледно-алые. Простые сливы рано зацветают, а алые махровые сливы чаруют своим

ароматом. Поздние сливы не пользуются успехом. Они цветут в одно время с вишнями, однако ценятся меньше их, они подавляются цветением вишен; лепестки их держатся на ветках еле-еле. «Простые сливы раньше всех зацветают и осыпаются, им не терпится — и тем они интересны», — сказал Кёгоку-нюдо-тюнагон⁷, сажая возле фасада своего дома еще и простые сливы. У южной стены дома Кёгоку и поныне растут два дерева.

Ивы тоже интересны. А молодой клен где-нибудь в месяце цветка *у*⁸ прекрасен: красотой своей он превосходит все — любые цветы и багряные осенние листья. А если взять апельсиновое или коричное дерево, они хороши, когда стары и велики.

Луговые цветы — это желтая роза, глициния, ирис, гвоздика. В прудах — лотос. Осенние травы — тростник, эвлария, колокольчик, петушечник, валериана, репейник, астра, бедренец, *карукая*⁹, гречавка, хризантема или желтая хризантема, плющ, лоза, вьюнок. Хорошо, когда все они растут на не слишком высокой стене и не густо.

Другие же травы — те, что встречаются редко, чьи названия режут слух непривычными китайскими созвучиями или чье цветение увидеть трудно, — не так интересны. По большей части редкие, необычные цветы, как и все прочее в этом роде, возбуждают крайний интерес лишь у людей с дурным вкусом. Лучше обходиться без таких вещей.

CXL

Оставлять после своей смерти имущество — недостойно мудреца. Накапливать плохие вещи — нелепо, к хорошим же вещам — жаль привязываться. Тем прискорбнее, когда их очень много.

Совершенно непристойно, когда потом у людей вспыхивает перебранка: «Это должен я получить!» Если у вас есть что передать кому-нибудь после своей смерти, лучше всего отдать это еще при жизни. Желательно пользоваться лишь тем, без чего нельзя обойтись каждодневно, и кроме этого ничем себя не обременять.

CXLI

Преосвященный Гёрэн из храма Хидэн¹, мирским именем которого было, кажется, Миура, был непревзойден-

ным воином. Однажды к нему пришел земляк и в разговоре сказал:

— На то, что скажет житель Адзума², можно смело положиться. А столичные жители хороши лишь на посулы, правды от них не жди.

Мудрейший принялся втолковывать ему:

— Вот ты уверен, что это так и есть, а я, прожив долго в столице, по привычке к ним, присмотрелся и теперь вовсе не считаю их хуже других. В душе все они очень мягкосердечны, поэтому им трудно бывает решительно возражать против того, что говорят другие; у них не хватает духу высказаться до конца, и по слабости характера они с тобой соглашаются. Я не думаю, чтобы они хотели кого-то обманывать, но, поскольку это сплошь и рядом люди бедные, невезучие, они часто поступают не так, как хотели бы сами. Жители Адзума — мои земляки. Но уж если сказать по правде, они невежливы, скупы на ласку, да и прямолинейны, поэтому, как скажут с самого начала «нет», то как отрежут. Однако люди они все зажиточные, крепкие и положиться на них можно.

Мудрец этот отличался грубым, просторечным выговором, по каковой причине все полагали, что он, наверное, не очень тверд в тонкостях учения мудрецов³. Однако после одного этого высказывания к нему настолько прониклись уважением, что из многих других монахов выбрали его настоятелем храма. Это навело меня на мысль о том, что такая вот спокойная рассудительность и приносит пользу.

CXLII

Бывает, что человек, который всем кажется бесчувственным, скажет доброе слово. Некий устрашающего вида дикий варвар¹ спросил однажды своего соседа:

— Детишки-то у вас есть?

— Нет, ни одного нету, — ответил тот, и тогда дикарь заметил ему:

— Ну, тогда вряд ли вам дано знать очарование вещей. Я очень опасаясь, что вашими поступками движет бесчувственное сердце. Всякое очарование можно постичь лишь через детей.

И по-видимому, это действительно так. Вряд ли у человека, не знающего душевной привязанности², есть в сердце чувство сострадания. Даже тот, кто сам не испытывал чувства сыновнего долга, начинает познавать думы роди-

телей, едва только он обзаводится детьми. Человек, покинувший мир, ничем на свете не обременен, однако и для него относиться с презрением к тем, кто по рукам и ногам связан обузой, видя в них одну только лень и алчность, неправильно.

Если мы поставим себя на их место, то поймем, что действительно ради любимых родителей, ради жены и детей можно забыть стыд, можно даже украсть. Следовательно, вместо того чтобы хватать воров или судить за дурные поступки, лучше так управлять миром, чтобы люди в нем не терпели голода и холода. Человек, когда он не имеет установленных занятий, бывает лишен и свойственного ему благодушия³. Человек, доведенный до крайности, ворует⁴. Если мир будет плохо управляться и люди будут мучиться от голода и от холода, преступники не переведутся никогда⁵.

Доставляя людям страдания, толкать их на нарушение закона, а затем вменять им это в вину — занятие, достойное сожаления.

Итак, каким, спрашивается, образом сотворить людям благо? Не может быть никаких сомнений в том, что низшим слоям будет на пользу, если высшие прекратят расточительство и излишние расходы, станут жалеть народ и поощрять земледелие. Если же случится, что люди, обеспеченные одеждой и пищей, все-таки будут совершать дурные поступки, — их-то и надобно считать истинными ворами.

CXLIII

Когда слушаешь, как люди рассказывают о том, что вид кончины человека был прекрасен, то испытываешь почтение, если при этом говорят только: «Он был спокоен и невозмутим». Глупцы присовокупляют к этому рассказы о чем-нибудь странном и необычном, станут хвалить и речи, и поступки усопшего, соответственно тому, что нравятся им самим, но всегда в таких случаях чувствуется, что это все не может ладиться с последними помыслами того человека.

Это великое событие¹ невозможно ни определить перевоплотившемуся человеку², ни измерить ученому мужу. Если ты сам не отклонялся от правильной стези, тебе нет дела до того, что видят и слышат другие.

CXLIV

Рассказывают, что однажды высокоумный Тоганоо¹, следуя по дороге, увидел мужчину, который купал в реке коня, приговаривая: «Аси, аси!»² Высокоумный остановился и вопрошил:

— О, как это благородно! Вот человек, развивший добродетели прежнего своего существования. Разве не говорил он сейчас: «А-дзи, А-дзи»³? Кому же принадлежит сей конь? Его хозяин, надо полагать, весьма почтенный господин?

— С вашего позволения, это конь господина Фусё⁴, — ответил мужчина.

— Как это великолепно! Выходит совсем *а-дзи-хон фусё*⁵. Вы, значит, и есть тот, кто наследовал счастливое воздаяние за прошлое! — сказал старец, утирая слезы умиления.

CXLV

Императорский телохранитель Хада-но Сигэми сказал как-то о страже северной стены¹ Симоцукэ-но-ньюдо Сингане:

— Вот человек, чей вид говорит, что он упадет с коня. Будьте очень осторожны!

Никто этому не поверил, тогда как Синган действительно упал с коня и разбился насмерть. И люди решили, что всякое слово того, кто достиг совершенства в науке², божественно. Тогда кто-то спросил телохранителя:

— Что же за вид у него был?

— У него зад был совсем персиком³, и при этом покойный любил норовистых коней, поэтому я и сказал так о его виде. Разве я ошибся? — ответил тот.

CXLVI

Встретив физиономиста, Мёун-дзасу¹ осведомился у него:

— Не пострадаю ли я, случайно, от оружия?

— Действительно, — отвечал физиономист, — такие признаки есть.

— Что же это за признаки?

— В вашем сане не следует опасаться быть раненым, и все же вы, пусть на миг, но задумались об этом и спро-

силы меня. Уже это и является предзнаменованием такой опасности, — услышал он в ответ.

И действительно, он погиб, пораженный стрелой.

CXLVII

В последнее время люди стали говорить, что, так как появилось много следов от лечения прижиганием, разводится грязь на синтоистских празднествах¹. Но ведь об этом ничего не сказано в Законоположениях².

CXLVIII

Если, делая прижигания человеку старше сорока, не прижгут ему коленные впадины¹, у него случаются головокружения. Нужно их непременно прижечь.

CXLIX

Нельзя нюхать панты¹, прикасаясь к ним носом. Говорят, что там есть маленькие насекомые — они вползают через нос и истачивают мозг.

CL

Обычно говорят: «Человек, вознамерившийся приобщиться к искусству, не должен посвящать необдуманно в это других, пока еще не может делать своего дела хорошо. Когда тайком, обучаясь с усердием, добьешься своего и выдвинешься, тебя премного вознесут». Однако же люди, которые так говорят, как правило, не способны обучиться ни одному виду искусства.

Если человек еще с той поры, когда он совершенно неопытен, придет к тем, кто искусен, и, не стыдясь ни поношений, ни насмешек, невозмутимо станет упражняться, совершенствуясь, — то пусть даже и не дано ему врожденного таланта, — когда он проведет годы, день ото дня более искушаясь в своем деле и не проявляя к нему небрежения, в конце концов он достигнет более высокой ступени умения, нежели одаренные, но небрежные, добьется признания как человек высокого достоинства и удостоится несравненного имени.

Даже искуснейшие мастера Поднебесной поначалу и сносили толки о несовершенстве, и страдали немалыми

изъянами. Однако люди эти были неукоснительны в установлениях Пути, почитали их и сдерживали свои прихоти, — вот они стали всемирными учеными и наставниками несметного множества людей. Так бывает всегда, и от выбора стези это не зависит.

СЛИ

Некто сказал так:

— Искусства, в которых мастерство не достигнуто и к пятидесяти годам, следует оставить¹. Тут уже некогда усердно учиться. Правда, над тем, что делает старец, люди смеяться не могут, но навязываться людям тоже неловко и непристойно. Но что благопристойно и заманчиво — это, начисто отказавшись от всяческих занятий, обрести досуг. Тот, кто проводит свою жизнь, обременившись житейской суетой, тот последний глупец. Если что-то вызывает ваше восхищение, нужно бросить это, не входя с головой в постижение предмета, едва только вы узнаете смысл его, вусть даже понаслышке. Но самое лучшее — это бросить занятия с самого начала, когда еще не появилась тяга к предмету.

СЛИИ

У высокомудрого Дзёнэна¹ из храма Сайдайдзи² была согбенная поясница, совершенно седые брови и вид, воистину говорящий об обилии добродетелей. Однажды старца пригласили ко двору. При взгляде на него господин внутренний министр Сайондзи³ воскликнул:

— О, какой благородный у него вид! — и проникся к монаху благоговением.

Заметив это, князь Сукэтомо⁴ сказал:

— Это все из-за его преклонного возраста.

Как-то после этого он притащил лохматую собаку, страшную, тощую и облезлую от старости, и поволок ее к министру, говоря:

— Ну чем у нее не благородный вид?

СЛИИИ

Когда арестовали Тамэканэ-но-дайнагон-нюдо¹ и в оцеплении воинов препровождали в Рокухара², где-то в окрестностях Итидзё это увидел князь Сукэтомо. Он изволил промолвить:

— Завидная участь! Именно такие воспоминания об этом мире хочется иметь³.

CLIV

Однажды, когда этот человек¹ укрывался от дождя в воротах Восточного храма², там собралось много нищих, у которых были уродливо скрючены, искривлены или вывернуты руки и ноги. Увидев людей, все члены которых были неузнаваемо обезображены, он подумал: «Это — диковины, каждая из которых не имеет себе равных. Они достойны всемерного восхищения».

Однако по мере того как вельможа всматривался в калек, исчезал и его интерес к ним, и он, вдруг почувствовав глубокое отвращение, подумал: «Лучше всего, когда люди выглядят обычно, а не кажутся диковинными» — и ушел домой. После этого он потерял интерес и к своим саженцам, решив: «В наше время стараться из любви к садовым деревьям скручивать и надламывать ветки, чтобы придать им причудливые формы и тем тешить свой взор — это все равно, что питать пристрастие к любованию такими вот калекками», и приказал вырвать и выбросить вон все деревца, посаженные в горшках.

И это тоже поступок похвальный.

CLV

Человек, который собирается следовать мирским обычаям, прежде всего должен знать, что такое подходящий случай¹. Дело, предпринятое в неподходящий момент, ушам людей противно, душе их претит и оканчивается ничем. Такие моменты надо уметь угадывать. Подходящего случая нельзя выбрать лишь для болезни, для рождения ребенка и для смерти. Здесь хоть и знаешь, что случай неподходящий, дела не оставишь.

Истинно великие события, знаменующие такие перемены, как рождение, жизнь в этом мире, тяжкий недуг и смерть, подобны бурной реке, что течет, затопляя берега. Они не задерживаются ни на миг, а надвигаются и приходят неотвратимо.

Поэтому, когда ты задумаешь непременно свершить некое дело — духовное или мирское, нельзя говорить о подходящем случае. Здесь не место колебаниям, здесь не годится топтаться в нерешительности.

Никогда не бывает так, чтобы лето наступало после того, как пройдет весна, а осень приходила, когда кончится лето. Весна в своем разгаре уже рождает признаки лета, уже с лета подступает осень, а в разгар осени, когда делается холодно, среди девятой луны наступает бабье лето, зеленеет трава, распускаются сливы.

Так же и с листопадом: почки распускаются не после того, как облетит листва, — лист опадает, лишь выталкиваемый почкой, вылезавшей из-под него. Приветствующие ее силы поддерживают почку изнутри, поэтому ожидаемый черед наступает скоро.

А взаимная смена рождения, старости, болезни и смерти случается и того скорее. У четырех времен года тоже есть свой установившийся черед. Только смерть не ждет своего черед. Спереди смерть никогда не подходит, она всегда насаждает сзади. Люди все знают, что на свете бывает смерть, но приходит она негаданно, когда ее не ожидают так скоро. Сколь ни далека в открытом море сухая отмель, но и ее вдруг скрывает приливная волна, отхлынувшая от берега.

CLVI

Так заведено, что для проведения пиршества по случаю назначения министра испрашивают соответствующее помещение¹. Левый министр из Удзи² устраивал его в Павильоне трех восточных дорог³. Поскольку он обратился с просьбой о том помещении, где находилась резиденция, его величество изволил отбыть в другое место.

Даже если бы здесь и не было такой тесной связи⁴, говорят, существует старинный обычай испрашивать помещение монашествующей императрицы.

CLVII

Когда берешь кисть, хочется что-нибудь написать; когда берешь музыкальный инструмент, хочется извлечь из него звук. Когда берешь рюмку, думаешь о сакэ; когда берешь игральные кости, думаешь, как их бросить. Мысли непременно приходят в соприкосновение с делами. Не следует даже на короткое время предаваться нехорошим забавам.

Если мельком взглянуть на одну какую-нибудь фразу из учения мудрецов¹, то в поле зрения невольно попадает

текст до и после нее. Случается, что из-за этого мы вдруг исправляем многолетнюю ошибку. Разве узнать бы нам о ней, если б мы теперь на минутку не раскрыли этого писания? Следовательно, есть польза от такого соприкосновения.

Пусть даже ничуть не пробуждается твое сердце², но если ты, находясь пред Буддой³, возьмешь четки и сутры, то, как бы нерадив ни был ты, все равно сам по себе настроишься на добрые поступки, как бы смятенна ни была твоя душа, если ты сядешь на веревочное ложе⁴, все равно, не думая ни о чем, должен будешь достигнуть отрешенности⁵.

Восприятие явления и сущность его — это не две абсолютно разные вещи. Если не отклоняешься от Пути во внешних проявлениях, в тебе непременно созревает способность проникновения в истину. Нельзя необоснованно выражать неверия. Надо, уповая на эту закономерность, почитать ее.

CLVIII

— Как вы понимаете «выплескивание со дна бокала»¹? — спросил меня один человек.

— Это называют *гёто* — «сгуститься на дне». Очевидно, имеется в виду выплеснуть то, что сгустилось на дне бокала, — ответил я, но собеседник возразил на это:

— Нет, это не так. Это *гёто* — «рыбий путь»: оставить в бокале немного влаги, чтобы омыть его края, которые прикладывают к губам.

CLIX

— То, что мы называем *минамусуби*¹, зовется так потому, что плетение нитей в нем похоже на раковину *мина*², — сказал мне один знатный человек.

Говорить *нина* неверно.

CLX

Пожалуй, нехорошо, когда вместо «прикреплять на воротах табличку» говорят «прибивать». Чиновник второго ранга — монах Кадэнокодзи¹ говорил «прикреплять табличку».

Нехорошо также, пожалуй, когда говорят «сколотить

помост» для зрелищ. Обычно скажут «сколотить навес», а о помосте следует говорить: «устроить помост».

Плохо также звучит «жечь *гома*»². Лучше сказать «заняться *гома*» или «совершать *гома*».

— Неправильно в слове *гёбо*³ слог *бо* произносить глухо, как *хо*. Он произносится звонко, — говорил настоятель храма Сэйгандзи⁴.

В обыденной речи такого рода ошибок встречается много.

CLXI

Одни говорят, что цветение вишен начинается через сто пятьдесят дней после зимнего солнцестояния, другие — на седьмой день после весеннего равноденствия, однако большей частью оно падает ровно на семьдесят пятый день от начала весны¹.

CLXII

Монах-служка при храме Хэндзёдзи¹ долгое время подкармливал на пруду диких гусей. Однажды, насыпав приманки до внутренних помещений пагоды, он открыл одну из ее дверей и, после того как туда набралось несчетное множество птиц, вошел к ним сам, притворил дверь и бросился ловить и умерщвлять их.

Страшный гвалт, поднятый гусями, услышал мальчик, косивший поблизости траву. Он сообщил об этом людям, и когда из деревни прибежали и ворвались в пагоду крестьяне, они увидели, что в самую гущу отчаянно хлопавших крыльями больших гусей затесался молодой монах, который хватал их и откручивал им головы.

Монаха этого схватили и прямо с места отправили в сыскной департамент. Там его бросили в тюрьму, приказав повесить себе на шею всех убитых птиц.

Это было во времена, когда управляющим департаментом был Мототоси-дайнагон².

CLXIII

Вопрос о том, писать ли иероглиф *тай* из сочетания *тайсё*¹ с точкой или без точки, явился как-то предметом спора между чиновниками из Онъё². Моритика-нюдо³ сказал тогда:

— У Коноэ-но-кампаку⁴ имеются записки, начертанные на обратной стороне гадательного текста кистью самого Ёсихира⁵. Там этот знак написан с точкой.

CLXIV

Люди, когда они встречаются друг с другом, не молчат ни минуты, непременно находят слова. Но если послушаешь их разговоры — большей частью это бесполезная болтовня. Мирские пересуды, похвалы и хула ближнего — и себе и другому приносят много вреда, мало толку. Когда двое болтают вот так, ни тот ни другой в душе своей не подозревают, что это бесполезное занятие.

CLXV

Неприятно, когда жители Адзума¹ смешиваются со столичными, когда столичные жители отправляются в Адзума делать карьеру и еще когда служители Ясного и Тайного², расставшись с исконными храмами, исконными горами, отступают от своих обычаев и смешиваются с мирянами.

CLXVI

Когда я наблюдаю дела, которыми поглощены люди, они напоминают мне статую Будды, вылепленную весенним днем из снега, для которой изготавливают украшения из золота, серебра, жемчуга и яшмы и собираются воздвигнуть пагоду. Можно ль будет благополучно установить эту статую в пагоде, если ждать, пока ее построят?

Человеку кажется, что он живет, между тем как жизнь его, подобно снегу, угасает¹ у самого своего основания, а человек еще ждет успеха, — и так бывает очень часто.

CLXVII

По-моему, это очень плохо, хотя обычно так оно и бывает, что человек, посвятивший себя какому-то определенному виду занятий, наблюдая результаты мастерства в чуждой ему области, говорит или думает про себя: «О, если б это было моей стезей, я б не стал смотреть на это вот так, со стороны!» Если ты с завистью думаешь о неведомом поприще, лучше всего сказать: «Ах, как завидно! И почему я не обучился этому?»

Тот, кто спорит с другими, выставляя напоказ свой ум, подобен рогатому животному, что угрожающе наклоняет рога, и клыкастому хищнику, что обнажает стиснутые клыки. Для человека же добродетелью является не чваниться достоинствами и ни с кем не вздорить. Обладать чем-нибудь, дающим превосходство над другими,— большой порок. Человек, считающий, что он выделяется среди людей тем, что высокороден, или тем, что превосходит их талантами, или тем, что славен предками,— даже если он никогда не говорит об этом вслух,— в душе совершает большую провинность. Нужно следить за собой и забыть об этом. Из-за одной лишь спеси люди часто выглядят дураками, подвергаются поношениям, вовлекаются в беду.

Тот, кто действительно, хотя бы на одном поприще, продвинулся вперед, сам ясно представляет свои недостатки и потому, не чувствуя, как правило, в душе удовлетворения, никогда и никому не станет хвастаться.

CLXVIII

Когда человек преклонного возраста в какой-нибудь области обладает выдающимися талантами, то в том лишь случае можно считать, что он не зря прожил долгую жизнь, если о нем говорят: «У кого же мы будем спрашивать, когда этого человека не станет?»

Но пусть даже это и так, все-таки и он, не имеющий изъянов, кажется глупым, потому что истратил всю свою жизнь на одно-единственное дело. Лучше, когда он говорит: «Что-то я уже позабыл это».

По большей части бывает так: если человек знает много, но без меры болтает об этом, люди считают, что таких, какими он похваляется, талантов у него, пожалуй что, и нет. Да и сам он тогда неизбежно допускает ошибки. А о том, кто говорит: «Я в этом не вполне разбираюсь», всегда думают, что в действительности-то он выдающийся мастер своего дела.

Тем более очень горько, слушая то, что по положению и возрасту своему не допускающий возражения человек с видом знатока говорит о неведомых ему самому вещах, думать: «Но ведь это же не так!»

CLXIX

— «Такая-то церемония»— подобных слов до августейшего правления Госага¹ не произносили. Так стали гово-

рить уже в последнее время,— сказал мне один человек.

Однако Укё², фрейлина монахини-императрицы Кэнрэй³, говоря о том, как после восшествия на престол императора Готоба⁴ она вновь поселилась во дворце, писала: «И хотя ничто не изменилось в церемониях, принятых в свете...»

CLXX

Нехорошо без дела приходиться в чужой дом. Но даже если ты пришел по делу, следует возвращаться к себе тотчас же, как только с ним покончено. Когда засиживаешься, становишься в тягость. Если ты много с человеком болтаешь, то и тело утомляешь, и душе не даешь покоя. Тратить время в ущерб всем делам — это обоим невыгодно.

Нехорошо и разговаривать с неприязненной миной. Если тебе что-то не по душе, сейчас же скажи почему.

Совсем другое дело, когда человек, с которым приятно посидеть, скучает, сказать ему: «Ну, еще немножко. Сегодня не будем торопиться». Каждый может иметь голубые глаза Гэнсэки¹. Очень хорошо, если к тебе без особого дела зайдет приятель, спокойно обо всем переговорит и уйдет.

И еще приятно бывает получить письмо, где всего-то и говорится, что: «Давно вы не давали о себе знать...»

CLXXI

Пока человек, покрывающий ракушки¹, пропускает те, что у него под рукой, и, оглядывая остальные, снует глазами от рукавов к коленям соперника, ракушки, лежащие подле него, покрывает другой. Хороший игрок вроде бы и не особенно тщится достать ракушки противника; кажется, будто он покрывает лишь ближние, и тем не менее он покрывает много.

Когда, расставив по углам шахматной доски фигуры, ты делаешь ход, то не достигнешь цели, если ходишь, видя только фигуры соперника. А если, хорошо видя перед собой, ты сразу сделаешь ход в ближний «глаз мудреца»², то обязательно настигнешь фигуры противника.

В любом деле нельзя ничего добиться, обратясь вовне себя.

Надлежит лишь поставить себя правильно. Как говорил Цин Сянь-гун³, «творя благо, не спрашивай о грядущем воздаянии». Не таков ли и путь управления миром? Если ты небрежен к владениям, легкомыслен, своенравен

и нерассудителен, то дальние провинции непременно взбунтуются и тогда ты впервые обратишься за советом. Получится вроде того, как сказано в медицинском сочинении: «Глуп тот, кто простудился и, лежа в сыром месте, молится об исцелении от недуга».

Когда же следуешь правильному Пути, устраняя страдания ближайших к тебе и даруя им милость, то и не узнать, сколь далеко растекается от этого благотворное влияние. Хотя выступив, Юй и заставил покориться саньмяо, он не добился того успеха, который имел, когда, повернув войско назад, стал распространять добродетель.

CLXXII

Когда человек молод, горячая кровь переполняет его тело, сердце его легко поддается воздействиям и в нем кипят страсти. За него боязно: он может легко расшибиться и этим похож на драгоценный камень, который пустили катиться.

Он любит великолепие, проматывает богатство, потом, бросая его, облачается в отшельничьи одеяния из мха; в расцвете душевной отваги он задирист с людьми, стыдлив и завистлив, его привязанности день ото дня меняются. Отдаваясь весь без остатка любви, переполненный чувствами, он совершает решительные поступки и, желая видеть примером для себя тех, кто губит плоть свою, коей предопределено столетие¹, расстаётся с жизнью. Он совершенно не думает о том, чтобы обеспечить себе долгую жизнь. Всею душой он отдается своим влечениям, и это для многих поколений становится темой разговоров.

Губить себя — это особенность молодого возраста. Пожилой человек усмиряет желания, для него все просто, и он становится равнодушным, и ничем его не растрогать. Когда сердце само по себе успокоится, деяний, идущих во вред себе, не совершишь. Спасая плоть, ты ни о чем не горюешь и тем лишь озабочен, чтобы не тревожили тебя другие.

В старости человек мудрее, чем в юном возрасте, подобно тому как в юности он совершеннее телом.

CLXXIII

Все, что касается Оно-но Комати¹, крайне неопределенно.

Какой она была в пору своего заката, можно увидеть из сочинения под названием «Ювелирная»². Существует мнение, что книгу эту написал Киёюки³, однако она вошла в перечень творений Коя-но-дайси⁴. Дайси скончался в начале годов Дзёва⁵. Расцвет же Комати относится как будто к более позднему времени. Еще одна неясность.

CLXXIV

Говорят, что, если с собакой, великолепной в охоте на мелкую дичь, пойти на крупную, она станет плохо брать мелкую. Вообще бросить малое во имя большого — принцип поистине правильный.

Среди великого множества человеческих занятий ни одно не заключает в себе смысла более глубокого, чем наслаждение Учением. Это воистину великое дело. Так разве не бросит какое угодно занятие тот человек, который, однажды услышав об Учении, вознамерится постичь его? Сможет ли он заняться чем-нибудь еще? Возможно ли, чтобы человек, каким бы глупым он ни был, в душе своей был хуже пусть даже самой умной собаки?

CLXXV

Много есть в мире непонятого. Непонятны, например, причины, по которым находят интерес в том, чтобы по любому поводу первым делом выставить сакэ и принуждать напиваться им.

Лицо пьющего совершенно невыносимо: он страдальчески морщит брови, пытается, обманув надзирающих за ним, выплеснуть сакэ, норовит сбежать, но его хватают, удерживают, не в меру напаивают — и тогда даже сдержанный человек вдруг делается сумасшедшим и выглядит дураком, а совершенно здоровый на глазах превращается в тяжело больного и падает, ничего не соображая.

Так день, когда надобно праздновать, делается отвратительным. У человека до рассвета болит голова, он ничего не ест, лежит, стеная; о вчерашнем ничего не помнит, как будто это было в другом перерождении. Он пренебрегает важнейшими делами — служебными и личными, — и это обращается ему во вред.

Навлекать такое на человека — значит не иметь в душе сострадания и нарушать правила вежливости. Разве же не станет тот, кто столкнется с такой напастью, думать о ней

с горечью и негодованием? Скажи нам, что подобный обычай существует в другой стране, мы должны были бы найти его странным и непостижимым, когда б он не был принят у нас.

Тут больно смотреть даже постороннему человеку. Ведь даже люди, кажущиеся разумными, имеющие благородный вид, выпив, без видимой причины заливаются смехом и шумят, бывают многословны, не обращают внимания на то, что шляпа сбита набок, шнурки на платье развязаны, колени высоко задраны и оголены; в неряшливости своей они и сами на себя не похожи. А женщины, не прячась, откидывают со лба свалившиеся пряди волос, запрокинув бесстыжие лица, оглушительно хохочут, хватают других за руки, держащие бокалы с вином. Презренные типы берут закуску, суют ее другим в рот, жрут сами — это отвратительно.

Омерзительны и те, кто с удовольствием наблюдает, как пьяные что есть мочи голосят, как каждый из них поет и пляшет, а старые монахи, что приглашены на попойку, оголив свои черные грязные тела, безобразно извиваются в танце.

Иные же заставляют своих соседей выслушивать хвастливые рассказы о собственном величии; иные, упившись, плачут; чернь переругивается и ссорится — это гадко и страшно.

Здесь творится лишь постыдное и достойное сожаления. А под конец, хватив лишнего, люди сваливаются с обрывов, падают с коней и повозок, ушибаются. Когда же ехать не на чем, то бредут по дороге, шатаясь из стороны в сторону, потом упираются в земляной вал или подворотню и изрыгают невыразимое; старые монахи с шарфами через плечо, вцепившись в плечо послушника, бредут, пошатываясь и бормоча нечто невнятное, — смотреть на них невозможно.

Ну, будь это занятие таким, которое бы в этой или будущей жизни приносило какую-то пользу, тогда бы делать нечего. Но в этом мире из-за него делают множество ошибок, лишаются богатства, навлекают на себя болезни. Хотя сакэ и называют главным из ста лекарств, все недуги проистекают от него. Хотя и говорят, что из-за него ты забываешь свое горе, но именно пьяный, вспоминая даже прошлое горе, плачет. Если говорить о будущей жизни, то из-за сакэ человек лишается разума, оно, как пламя, сжигает корень добра, увеличивает зло и, ломая всяческие запове-

ди¹, повергает в преисподнюю. Ведь проповедовал же Будда, что «тот, кто, взяв вино, поит другого человека, в течение пятисот перерождений родится безруким существом²».

Но несмотря на то что мы считаем вино таким противным, бывают случаи, когда и самим нам трудно от него отказаться. В лунную ли ночь, или снежным утром, или же при распустившихся цветах, безмятежно разговаривая, достать бокалы — занятие, усугубляющее всякое удовольствие. Если в тот день, когда тебя одолевает скука, к тебе неожиданно приходит друг, то приятно бывает и пирушку устроить.

Очень хорошо, когда в доме, где вы чувствуете себя не совсем удобно, какое-то прелестное существо протягивает вам из-за бамбуковой шторы фрукты и вино. Зимой бывает очаровательно где-нибудь в тесном помещении подогреть на огне сакэ и наедине с задушевными друзьями пить его вволю. А во время путешествия на стоянке где-нибудь в глухих горах неплохо выпить прямо на дерне, говоря: «А что на закуску?» Очень хорошо также выпить для восстановления сил тяжело больному. Особенно приятно, когда знатный человек обращается к тебе: «Ну еще по одной: этого мало!» А еще приятно, когда человек, с которым хочешь сблизиться, — любитель выпить и близко с тобою сходится.

Что ни говори, а пьяница — человек интересный и безгрешный. Когда в комнате, где он спит утром, утомленный попойкой, появляется хозяин, он теряется и с заспанным лицом, с жидким узлом волос на макушке, не успев ничего надеть на себя, бросается наутек, схватив одежду в охапку и волоча ее за собой. Сзади его фигура с задранным подолом, его тощие волосатые ноги забавны и удивительно вяжутся со всей обстановкой.

CLXXVI

Куродо, Черная дверь, — это комната, в которой Комацу-но-микадо¹, уже будучи коронованной особой, обычно занимался собственноручным приготовлением пищи — любимым своим делом, не забытым его величеством еще с тех далеких времен, когда он был просто принцем.

Говорят, что название «Черная дверь» эта комната получила из-за того, что прокоптела от очага.

CLXXVII

Однажды, когда у принца Камакура-но-тюдэ¹ играли в *кэмари*², прошел дождь, после которого во дворике никак не просыхала грязь. Стали обсуждать, как быть. И тут-то Сасаки-но Оки-но-нюдо³ нагрузил в тележку опилок и, поскольку их оказалось достаточно, покрыл ими весь дворик, так что грязь перестала мешать игре. Все решили, что предусмотрительность, благодаря которой опилки оказались под рукой, была редкостной.

Когда один человек рассказал об этом случае, Есида-но-тюнагон⁴ изволил заметить:

— Однако никто не позаботился о сухом песке!— И тому стало совестно. Опилки, которые ему только что казались изумительными, представились никуда не годными.

Ведь говорят, что существует старинное правило: людям, которым поручено следить за порядком во дворике, надо запастись сухим песком.

CLXXVIII

Слуги из одного дома, увидев однажды священные танцы *кагура* в Найсидокоро¹, рассказывали людям:

— А какой-то человек был опоясан священным мечом²!

Услышав этот разговор, одна из придворных дам после по секрету рассказывала:

— При выходе в Отдельном павильоне его величество был с мечом из Полуденных покоев³.

Как это тонко!

Говорят, будто эта дама была старой фрейлиной.

CLXXIX

Догэн-сёнин¹— *шрамана*², ходивший в страну Сун³,— привез свитки «Всех сутр»⁴ и поместил их в местности, называемой Якэно, поблизости от Рокухара⁵. Там он особенно ревностно объяснял сутру *Сюрёгон*⁶, и храм нарекли Нарандадзи⁷. Мудрец сей говорил когда-то:

— Люди, ссылаясь на мнение Косоцу⁸, передают, будто главные ворота в индийском храме Наланда обращены на север, однако этого не видно ни из «Записок о путешествии на запад»⁹, ни из «Биографии Хоккэна»¹⁰. Там нет и намека на это. Я понятия не имею, на каких таких сведениях основывался Косоцу в своих утверждениях. Вот что Храм

Западного Просветления¹¹ в Китае обращен к северу, это бесспорно¹².

CLXXX

Факелы *сагитё*¹ появились оттого, что стали возжигать молоточки, которыми бьют по мячу в первую луну², вынося их из павильона Сингон³ в Парк Священного Источника⁴. Когда же поют: «В Пруд Исполнения Молений»⁵, то имеют в виду не что иное, как пруд в Парке Священного Источника.

CLXXXI

*Фурэ-фурэ, коюки,
Тамба-но коюки!*

Падай-падай, снежок,
Из Тамба¹ снежок! —

поется в детской песенке. Снегопад напоминает просеивание истолченного риса, поэтому и говорят: «снежная крупа».

Говорить *Тамба-но коюки* — «из Тамба снежок» неправильно, нужно говорить: *тамарэ, коюки* — «сугробами навалдай, снежная крупа!»

Один знаток говорил мне:

— Следует далее петь: *каки-я ки-но мата-ни* — «на заборы и развилки дерев».

Возможно, что эта песенка распевается с древнейших времен. В дневнике Сануки-но Сукэ² сказано, что, когда экс-император Тоба был ребенком, он любил напевать ее во время снегопада.

CLXXXII

К высочайшему столу подали сушеного лосося, и один человек сказал по этому поводу:

— Вряд ли августейший вкусит столь презренное блюдо!

Услышав это, вельможный Сидзё-дайнагон Такатика¹ заметил:

— Допустим, что такая рыба, как лосось, и не годится в яства его величеству. Но что худого-то в сушеном лососе? Разве не вкушает августейший сушеной форели?

CLXXXIII

Если бык бодается, ему обрезают рога; если лошадь кусается, ей обрезают уши, и этим отмечают животных. Когда этого не сделали, а кто-то пострадал,— вина хозяина. Если собака кусается, ее не надо держать. Все это вменяется в вину хозяину и запрещено законом.

CLXXXIV

Мать Сагами-но-ками Токиёри¹ звали монахиней Мацусита. Случилось ей однажды пригласить светлейшего к себе в гости, когда черные от копоти *сёдзи*² оказались прорванными. Монахиня принялась собственноручно маленьким ножичком вырезать заплаты и заклеивать дырки. На это ее старший брат Ёсикагэ³, управитель замка, который в тот день помогал ей по дому, заметил:

— Оставь это мне: я распоряжусь, чтобы заклеил такой-то человек. Он в подобных вещах хорошо разбирается.

— Не думаю, чтобы тот человек проделал такую тонкую работу лучше монахини,— ответила она, продолжая кусочек за кусочком клеить дальше.

Ёсикагэ опять обратился к ней:

— Гораздо легче было бы оклеить заново всю поверхность. Неужели тебе приятно смотреть на эту пестроту?

— Я тоже считаю, что как-нибудь потом нужно будет переклеить все целиком, но на сегодня сойдет и так. Я нарочно решила залатать только те места, которые повреждены, чтобы они попали на глаза молодому человеку и он обратил на них внимание,— проговорила женщина.

Это были поистине удивительные слова.

Управляя миром, во главу угла нужно ставить экономию. Мацусита, несмотря на то что была женщиной, по уму годилась в мудрецы. И действительно: разве можно назвать простой смертной ту, что с детства воспитывала человека, ставшего опорой Поднебесной?

CLXXXV

Управитель замка, губернатор провинции Муцу — Ясумори¹ был непревзойденным наездником. Однажды, увидев, как конь, которого ему выводили, подобрал ноги и разом перемахнул через порог, Ясумори сказал:

— О, это слишком горячий скакун! — и велел переложить свое седло на другого.

Но когда этот другой, вытянув ноги, задел ими за порог, он не поехал и на нем, заявив:

— Он глуп, и с ним не миновать неприятностей.

Может ли быть столь осторожным человек, который не знает своего дела?

CLXXXVI

Наездник по фамилии Ёсида говаривал так:

— Надо понять, что всякий конь силен и что силой человеку с ним не справиться. Если вы намерены объездить коня, то прежде всего вам следует хорошенько приглядеться к нему и узнать его сильные и слабые стороны. Далее: если, после того как вы посмотрели, нет ли какой опасности в удилах и сбруе, у вас остаются сомнения, вы не должны скакать на том коне. Тех, кто не забывает об этих предосторожностях, считают настоящими наездниками. Вот и весь секрет.

CLXXXVII

Какое бы поприще мы ни взяли, специалист, пусть даже он будет и не очень искусен, при сравнении с любителем, хотя бы и большим умельцем, всегда выигрывает. Причина этого кроется в том, что первый занимается своим делом усердно, без небрежения и легкомыслия, второй же не бывает поглощен им без остатка. Это относится не только к изящным искусствам — в любом деле, любом занятии трудиться прилежно, невзирая на отсутствие таланта, — основа успеха. Но следовать собственным прихотям, полагаясь на мастерство, — основа неудачи.

CLXXXVIII

Некий господин, отдавая сына в монахи, напутствовал его:

— Занимаясь науками, постигай сущность причины и следствия¹, а читая проповеди, набирайся житейской мудрости.

И сын, чтобы стать, согласно родительскому наказу, проповедником, первым делом принялся обучаться верховой езде. «Когда я прослышу наставником, не имеющим ни паланкина, ни упряжки, — думал он, — будет, должно быть, нехорошо, если за мной пришлют коня, а я буду сидеть на нем, как собака на заборе, и упаду с него». Потом он стал

обучаться стихосложению, решив, что верующие² могут подумать о нем с пренебрежением, — мол, наставник ничего не смыслит в искусствах, — если им случится после службы угостить его вином.

Он все более и более входил во вкус этих двух занятий и, питая надежду стать замечательным мастером, все упрежнялся в них, между тем как для штудирования проповедей времени не оставалось совсем, а годы его стали преклонными.

Это касается не только того монаха — люди в этом мире вообще склонны так поступать. Пока мы молоды, мы преуспеваем во всем, чем бы ни вздумали заняться, а потому, лелея в душе надежду когда-нибудь в отдаленном будущем и великие дела совершить, и к искусству приобщиться, и в науках продвинуться, к жизни своей относимся с крайним легкомыслием, распускаемся, отдаемся прежде всего заботам лишь о самых неотложных делах, что попадают на глаза ежечасно, и вот проходят дни и месяцы, глядь — ты уже и состарился, так и не завершив ни одного дела. В конце концов ты и мастером не стал, и карьеры, о которой некогда мечтал, не сделал; тебя мучит раскаяние, однако тех лет уже не вернуть назад, ты же двигаешься к гибели, как колесо, что, разогнавшись, скатывается по склону холма.

Поэтому-то занятия, которые пришлось тебе по душе, нужно тщательнейшим образом мысленно сравнить между собой и на всю жизнь определить, которое же из них самое достойное, а затем выбрать для себя ближайшую цель и целиком посвятить себя только одному делу, все же прочие навсегда выбросить из головы. Из великого множества дел, что являются нам ежедневно и даже ежечасно, заняться следует именно тем, которое сулит хотя бы на немного, но более пользы, нежели другие, а эти другие отбросить прочь, дабы сейчас же заняться самым главным.

Если ты всей душой привязался ко многим занятиям, так что не в силах оставить их, то не сможешь завершить ни одного дела. В этом мы уподобляемся шахматисту — он не сделает зря ни одного хода: сначала он выигрывает темп, а затем, жертвуя легкую фигуру, взамен получит тяжелую. Пользуясь этим примером, можно сказать, что легко согласиться пожертвовать три фигуры против десяти, но согласиться пожертвовать десять фигур против одиннадцати — трудно. Безусловно, выигрыш за тем, кто имеет перевес хотя бы в одну фигуру, но игроку жаль отдавать

десять фигур, тяжело разменивать их на фигуры, сулящие немного выгоды. Когда у тебя в голове сидит лишь мысль о том, чтобы, не жертвуя одним, заполучить еще и другое,— это верный способ и того не получить; и это потерять.

Если бы столичный житель по какому-то срочному делу пошел в Восточные горы³ и, уже дойдя до цели, вдруг подумал, что, пойдя он в Западные горы, толку, вероятно, было бы гораздо больше, он должен, повернув от ворот⁴, направиться в Западные горы. Иные думают так: «Уж раз я добрался сюда, то первым делом расскажу о своей цели. Ну, и так как срок мне не заказан, то насчет того дела, что в Западных горах, я решу, вернувшись домой». От этих мыслей — минутная распущенность, а стало быть, и распущенность всей жизни. Этого нужно опасаться.

Если задумаешь непременно совершить одно дело, то нечего жалеть, что отвергаешь остальные. Не надо стыдиться и людских насмешек. Не пожертвовав десятую тысячами дел, невозможно совершить одного значительного.

Как-то при большом собрании людей один человек сказал:

— Вот говорят: *масуо-но сусуки* и *масоо-но сусуки* — «красная травка». Которое из названий правильнее, знает со слов своего наставника мудрец из Ватанобэ⁵.

В этот момент шел дождь, и преподобный Торэн⁶, который сидел здесь же, услышав эти слова, проговорил:

— Наверное, у кого-нибудь есть соломенная накидка и широкополая шляпа. Одолжите их мне! Я отправлюсь к мудрецу из Ватанобэ и попрошу научить меня, как называть эту траву *сусуки*.

— К чему такая спешка,— сказали ему,— вот перестанет дождик...— но он заявил в ответ:

— Так вы изволили сказать, что это не к спеху? Но станет ли ждать ведра жизнь человеческая? А если и я умру, и мудрец оставит этот мир, у кого же тогда вы осведомитесь об этом?— И, не теряя времени, он вышел из помещения, отправился к мудрецу и узнал у него все.

Так мне рассказали, и я посчитал это восхитительным и редкостным.

В сочинении, называемом *Лунь юй*, тоже сказано: «Когда человек расторопен, успех ему обеспечен»⁷. Как Торэн, сомневаясь, пожелал узнать о *сусуки*, так же надо стремиться познать причины и возможность достижения просветления.

CLXXXIX

Вы думаете: «Сегодня я займусь таким-то делом», но тут перед вами всплывает какая-то другая неотложная работа, вы начинаете заниматься ею, и с тем проходит весь день. Тому, кого вы ждали, что-то помешало, а человек, которого вы и не думали просить, является; то, что вы надеялись сделать, не делается, зато вы с успехом выполняете работу, о которой и не помышляли. То, за что вы беспокоились более всего, не представило трудности, а дело, которое казалось легче легкого, оказывается очень хлопотным. Занятия, день за днем проходящие перед вами, ни капли не похожи на те, что были задуманы. И так весь год. И точно так же всю жизнь.

Можно подумать, что все наши долгосрочные планы проваливаются, но это не так: кое-что все-таки само по себе делается точно по намеченному заранее плану, однако достоверно установить, что именно, трудно. Непреходящая истина — понять, что все неустойчиво.

СХС

Не годится мужчине обременять себя женой. Отрадно слышать слова вроде: «Он постоянно одинок». А для того чтобы презирать человека, нет ничего хуже, чем услышать о нем: «Такой-то пошел в зятя» или «Взял такую-то в жены, и теперь они живут вместе».

О мужчине часто говорят с пренебрежением: «Ничем не приметную женщину считает, наверное, премиленькой и связал с нею свою судьбу», а если она хорошенькая, обычно судят так: «Эту, должно быть, муж лелеет и дрожит над нею, как над домашним буддой. Да, по правде сказать, оно и похоже».

Еще более печально, когда женщина заправляет всеми делами в доме. Горько видеть, как ребенку, что появляется на свет, она отдает всю свою любовь. А если посмотреть на женщину, которая после смерти мужа постриглась в монахини, постарела, то кажется, что и до смерти мужа она была жалкой.

Как бы хороша ни была женщина, но попробуй жить с нею с глазу на глаз с утра до ночи — и к ней не станет лежать сердце, ты возненавидишь ее. Да и для женщины это ни то ни се. А если жить отдельно, время от времени ненадолго наезжая к ней, то пусть пройдут месяцы и годы, чув-

ство никогда не угаснет. Должно быть, испытываешь редкой силы чувство, когда, заглянув к ней на минутку, остаешься ночевать.

СХСІ

Человек, утверждающий, что с приходом ночи все предметы теряют свой блеск, достоин глубокого сожаления. Блеск, украшения и великолепие всех вещей бывают прекрасными только по ночам. Днем надо выглядеть просто и скромно, а ночью лучше одеваться пышно и ярко.

Фигура человека, если она и так хороша, при ночном освещении во сто крат лучше, а самый обыкновенный голос, если он слышится в сумраке ночи, возбуждает интерес, он прекрасен. И ароматы, и звуки природы по-настоящему прекрасны лишь в ночные часы.

Поистине бесподобно великолепное платье человека, что навещает вас за полночь, даже если ночь самая обыкновенная. Молодежь, то есть люди, которые на все обращают внимание и присматриваются друг к другу, не делает скидок на время суток, и потому даже ночью, когда уж, казалось бы, человек должен быть совсем непринужденным, она стремится строго следить за своей внешностью, не меньше, чем среди бела дня. Красивый мужчина с наступлением сумерек принимается делать прическу, а женщина с приходом глубокой ночи встает с постели, берет в руки зеркало, приводит в порядок лицо и выходит из дому. Это приятно.

СХСІІ

К богам или Будде¹ хорошо приходить ночью по тем числам, когда там нет людей.

СХСІІІ

Невежда любит судить о других и полагает, что он не ниже их по способностям, но куда ему до этого! Дурак, который достиг большого мастерства в одной, например только шахматной, игре, видя, как умный человек беспомощен в этом искусстве, делает вывод, что тому вообще не тягаться с ним. И так в любой отрасли знаний: нет большей ошибки, чем считать, будто ты выше другого, потому лишь, что он не знает тонкостей твоей специальности.

Если монах-книжник и отшельник-созерцатель посмот-

рят друг на друга критически и один о другом подумает, что ему-де до меня далеко, оба они одинаково неправы. Того, что выходит за границы известного тебе, оспаривать нельзя и осуждать не годится.

СХСIV

В оценке, которую дает людям совершенномудрый человек, ни малейшей ошибки быть не может.

Возьмем такой пример: допустим, кто-то перед всем честным народом несет заведомый вздор и обманывает людей. Есть люди, которые легко поддаются на его удочку и охотно верят, что он говорит сущую правду. А некоторые начинают верить ему настолько сильно, что старательнейшим образом раздувают эту ложь еще больше. Есть и такие, которым все безразлично, и они все слухи пропускают мимо ушей. Другие же, заподозрив, что здесь что-то неладно, думают про себя: «Вроде бы и поверить нельзя, и не верить нельзя».

А еще бывают люди, которые, может быть, и не думают, что это похоже на правду, однако заглушают свои сомнения, полагая, что раз уж люди говорят, то вполне может статься, что так оно и есть. Иные же, лишь смутно кое о чем догадываясь, уже делают знающий вид и сумной миной кивают головами, понимаяще ухмыляются, а сами ровным счетом ничего не знают. Кроме того, встречаются люди, которые, строя разного рода предположения, то вдруг думают, что может случиться и такое, то начинают сомневаться: возможно, мол, что это и ошибка.

Случаются и такие, кто, всплеснув руками, рассмеется: «Ну, а что в этом особенного!» А некоторые, несмотря на то что все досконально знают, ни словом об этом не обмолвятся; их не терзают сомнения, но они и не станут издеваться над лгунишкой, а точно так же, как и те, кто ни о чем не подозревает, пойдут его слушать. Иногда попадают люди, которые с самого начала знают истинную цель этой лжи, но не пошевелият и пальцем, чтобы помешать ей, даже наоборот, всей душой сочувствуют тому, кто плетет небылицы, стараются помочь ему в этом.

Когда человек знающий слышит даже шутовские побасенки дурачков, то и по словам его, и по выражению лица можно понять, что он понимает все до мелочей. Более того, можно утверждать, что умудренный человек видит нас, заблудших, так, как видят предметы, лежащие на ладони.

Однако с подобными догадками не годится доходить до критики буддийских повествований.

СХСV

Некий человек, проходя по тракту Кога-наватэ¹, с удивлением обнаружил, что мужчина, одетый в *косодэ*² и широкие шаровары, погрузил в воду рисового поля деревянную статуэтку Дзидзо³ и старательно мыл ее. Тем временем откуда-то появились еще два-три человека, одетых в *каригину*, и с возгласом: «О, да вы здесь!»—увели того незнакомца. Оказалось, что это был сиятельный министр двора Кога⁴.

А во времена душевного равновесия это был человек замечательный, достойный всяческого уважения.

СХСVI

Когда Священную колесницу¹, принадлежавшую храму Тодайдзи, собрались из пагоды Вакамия, что стоит среди храмов Востока², водворить на место, с нею направились вельможи и сановники рода Минамото. И тут этот господин, который был тогда генералом, выехал вперед и принялся криками разгонять толпу перед процессией.

— Может быть, около самого-то храма и не полагается расчищать путь?—заметил ему первый министр Цутими-кадо³.

— Кому как не воину знать обязанности конвоя!—только и ответил на это генерал.

Позже, когда об этом случае зашла речь, он сказал:

— Наш первый министр «Извлечения из Северных гор»⁴ видел, а «Толкование Сайкю»⁵ не знает. Ведь Священная колесница боится сонмища злых демонов и недобрых богов, поэтому есть особые причины расчищать путь перед нею именно при подходе к храму.

СХСVII

Термин «численно определенные» относится не только к храмовым монахам. В «Установлениях годов Энги»¹ встречается формула: «численно определенные *нёдзю*²» Это прозвание относилось прежде ко всем служащим, число которых было строго установлено.

СХСVIII

Достославные имена не ограничиваются *сукэ*¹; к именам достославным принадлежат также и *сакан*. Это есть в «Кратком изложении важнейших принципов управления»².

СХСIX

Гёсэн-хоин¹ из Ёкава² говаривал так:

— Китай — страна мелодии, там нет ритмичной музыки. Япония — страна четкого ритма, где нет мелодичной музыки.

СС

У китайского бамбука лист узкий, у речного — широкий. В окрестностях императорских каналов¹ растет речной бамбук, а поблизости от дворца Нидзю² — китайский.

ССИ

Ступа¹ бывает или «отвлекающей путника», или «спешивающей всадника»: под горой ставится «спешивающая всадника», на горе — «отвлекающая путника».

ССII

Десятую луну называют *каминадзуки* — «безбожный месяц», но нигде не написано, что это оттого, что во время десятой луны нужно избегать праздников. Из священных книг этого тоже не видно. Однако не обязано ли ее название тому, что в десятую луну нет ни одного храмового праздника?

Правда, есть предание о том, что в десятую луну все сонмище богов собирается у храмов Дайдзингу, но оно не основательно. Если бы так было на самом деле, то в Исэ она должна бы быть специально месяцем праздников, но и этого нет. Часты в десятую луну поклонения августейшего в храмах, это верно. Но чаще всего они бывают безуспешными.

ССIII

В наше время никто не знает, как вешался колчан в доме человека, отстраненного высочайшим повелением от должности.

Когда болел государь или повсюду в стране вспыхивала моровая болезнь, колчан подвешивался к алтарю в храме Годзё¹. В Курама² есть святыня, называемая Юги-но мёдзин — Пресветлый бог с колчаном, к нему тоже подвешивали колчаны.

Если колчан, которым в былые времена опоясывался глава департамента дознаний, вывешивали на доме, входить туда воспрещалось. В наше время, когда обычай этот исчез, в таких случаях дом стали печатывать.

ССIV

Когда виновного секут розгами, его подводят к станку для порки и привязывают. В наше время уже никто не разбирается ни в этих станках, ни в том, как привязывать к ним.

ССV

Сочинение под названием «Запись обетов, клятвенно приносимых наставниками» начал писать на горе Хиэй-дзан высокоумудрый Дзиэ¹. Среди законодателей ни о каких «записях обетов» не было и речи. Во времена древних мудрецов управление осуществлялось безо всяких «записей обетов», это вошло в обычай лишь в последнее время.

И еще: в законах говорится, что вода и огонь не бывают грязными, грязным может быть лишь сосуд.

ССVI

Это случилось в те времена, когда его высочество правый министр Токудайдзи¹ стоял во главе департамента дознаний. Однажды во время заседания департамента, происходившего в Средних воротах², бык чиновника Акиканэ выпрыгся, вошел в помещение и, поднявшись на возвышение для управляющего, улегся там, пережевывая свою жвачку.

Присутствующие решили, что это очень дурной знак, и заявили, что быка-де следует препроводить к чиновникам из Онмёрё³. Услышав это, отец Токудайдзи — первый министр⁴ — заметил:

— А для быка нет никакой разницы, хорошо это или плохо. У него есть ноги, и не вольно ли ему взбираться

куда вздумается? Такой непредвиденный случай не причина для того, чтобы у несчастного чиновника отнимали его жалкого быка, на котором он случайно приехал на службу.

Тогда быка вернули владельцу, а циновку, на которой бык лежал, заменили. И как будто решительно никакой беды не стряслось.

Говорят: «Если, встречаясь с бедой, ты не думаешь, что это беда, то она сама по себе исчезнет».

CCVII

Когда стали вынимать землю для строительства дворца Камэяма¹, то обнаружили холм, заполненный клубком из бесчисленного количества огромных сплетенных змей. Признав их за божества сих мест, обратились за благоволением августейшего², и он спросил:

— Как надлежит нам поступить?

На это все отвечали так:

— Ежели существа эти издревле правили здешними землями, то, пожалуй, и не следовало бы просто так откапывать и выбрасывать их вон без особой нужды.

Лишь один только этот министр³ почтительно молвил:

— Могут ли гады, что населяют подвластное августейшему царство, навлечь какое-либо бедствие при возведении императорских покоев? Боги же не ведают зла. Они не должны укорять нас. Их нужно всех откопать и повыбрасывать.

Тогда холм разрушили, а змей бросили в поток реки Ои. И беды опять не случилось.

CCVIII

Когда связывают тесемкой свиток сутры, обычно делают ход тесемкой крест-накрест, а конец продергивают под скрещением, поперек свитка. Если свиток, перевязанный таким способом, попадал на глаза Косюн-содзэ из храма Кэгон¹, он расшнуровывал его и перевязывал заново.

— Это сделано на новый лад, — говорил при этом старец, — очень плохо! Чтобы было красиво, надобно просто обмотать свиток, а конец тесьмы просунуть под завязку сверху вниз.

Он был древним старцем и хорошо в подобных делах разбирался.

ССIX

Некий господин, оспаривавший право на чужое поле, проиграл тяжбу и с досады послал на то поле работников, повелев сжать его, а рис забрать. Жнецы, однако, начали убирать другое поле, лежавшее при дороге. Увидев это, кто-то заметил им:

— Но ведь это поле — не то, которое было предметом тяжбы. Почему же вы так поступаете?

И жнецы ответили:

— Это верно: у нас нет причины жать здесь, но раз уж мы пришли вершить несправедное дело, так не все ли равно, где мы жнем?

Обоснование изумительнейшее!

ССX

Обычно только и говорят, что *ёбуко-дори*¹ — птица весенняя, но нигде в точности не сказано, что это за птица. В одной из книг секты сингон² изложен порядок проведения таинства вызова душ умерших, когда запекает птица *ёбуко*. Но там имеется в виду *нуэ*³. В одной *нагаута*⁴ «Собрания десяти тысяч лепестков»⁵ говорится о *нуэ*, поющей «долгим днем весенним, когда поднимается мгла...»

Образ *нуэ* похож здесь, мне кажется, на образ птицы *ёбуко*.

ССXI

Нельзя требовать всего. Глупцы негодуют и сердятся оттого, что чрезмерно полагаются на что-то. Нельзя полагаться на свое могущество — сильные гибнут прежде других. Нельзя полагаться на то, что обладаешь многими сокровищами, — проходит время, и их легко теряют. Нельзя полагаться на свои таланты — и Конфуций не устоял против времени. Нельзя полагаться на свои добродетели — и Янь Хуай не был счастлив¹. Нельзя добиваться и благосклонности государя — к казни приговорить скоро. Нельзя полагаться на повиновение слуг — ослушаются и сбегут. Нельзя добиваться и благорасположения человека — оно, безусловно, изменчиво. Нельзя полагаться на обещания — в них мало правды. Если ты не требуешь ничего ни от себя, ни от других — то, когда хорошо, радуешься, когда плохо, не ропщешь.

Если пределы широки направо и налево, ничто тебе не мешает. Если пределы далеки вперед и назад, ничто тебя не ограничивает. Когда же тесно, тебя сдавливают и разрушают. Когда душа твоя ограничена узкими и строгими рамками, ты вступаешь в борьбу с другими людьми и бываешь разбит. Когда же она свободна и гармонична, ты не теряешь ни волоска.

Человек — душа вселенной. Вселенная не имеет пределов. Отчего же должны быть отличны от нее свойства человека? Когда ты великодушен и не ограничен пределами, твоим чувствам не мешают ни радость, ни печаль и люди тебе не причиняют вреда.

ССХII

Осенний месяц беспредельно прекрасен. Человек, который считает, что месяц всегда таков, не понимает разницы и вызывает жалость.

ССХIII

Когда добавляют огня в императорскую жаровню, угли щипцами не берут. Их положено перекладывать прямо из глиняного горшка. Поэтому угли следует складывать осторожно, чтобы они не рассыпались.

Во время одного из высочайших выездов в Яхата¹ кто-то из свиты, облаченный в белые одежды для молений, взял раскаленные угли руками. Тут случился один знающий человек, который сказал ему:

— В тот день, когда ты облачен в белые одеяния, пользоваться щипцами не возбраняется.

ССХIV

Название музыкальной мелодии *софурэн*, записываемое иероглифами «думать о мужской любви», вовсе не означает: «женщина любит мужчину». Первоначально оно записывалось иными знаками, означающими: «лотос из резиденции первого министра». Это та самая мелодия, которую наигрывали, когда цзиньский Ван Цзянь¹ (он был в те времена министром) занимался любимым делом — сажал у своего дома лотосы. Отсюда и самого министра стали называть Лотосовой резиденцией.

А мелодия *кайкоцу* — «внезапно кружиться» обознача-

лась теми же знаками, что и страна Кайкоцу². Страна Кайкоцу — это могущественное варварское государство. Тех варваров когда-то покорили ханьцы, потом они сами пришли в Китай и исполняли там эту свою национальную мелодию.

ССХV

Придворный Тайра-но Нобутоки¹, после того как уже состарился, вспоминая старину, рассказывал:

«Однажды вечером Саймёдзи-но-нюдо² пригласил меня в гости.

— Сейчас, — ответил я, но как нарочно никак не мог отыскать своего *хитатарэ*³. Пока я копался, снова пришел посыльный.

— Может быть, у вашей милости нет *хитатарэ* или еще чего? — спросил он. — Так сейчас ночь, и велено передать, чтобы вы одевались как придется. Только поскорее!

Я остался в своем поношенном *хитатарэ*, который носил постоянно, и в таком виде отправился в гости. Хозяин вышел ко мне с бутылкой сакэ и глиняными плошками в руках.

— Пить сакэ одному, — сказал он, — тоскливо и неинтересно, потому я и послал за вами. Только у меня нет закуски. В доме, наверное, все уже спят. Поищите, пожалуйста, где-нибудь: ведь должно найтись что-нибудь подходящее.

Я засветил бумажный фонарик и принялся обшаривать все закоулки, пока на одной из кухонных полок не нашел маленький горшок, в котором было немного *мисо*⁴.

— Мне удалось найти вот что! — воскликнул я.

— О, этого вполне достаточно, — обрадованно ответил Саймёдзи, после чего протянул мне вино, и мы с удовольствием выпили.

— В те времена это делалось так», — добавил при этом старик.

ССХVI

Однажды, возвращаясь после поклонения из храма Цуругаока¹, преподобный Саймёдзи заехал по пути к ушедшему в веру² управляющему монаршими конюшнями Асикага³, выслав предварительно к нему с предупреждением гонца. Угощая гостей, хозяин предложил им на за-

куску: во-первых, сушеные ломтики морского ушка, во-вторых, омаров и, в-третьих, лепешки — и на том кончил. За обедом присутствовали хозяин с супругой и приглашенный к ним в гости Рюбэн-содзэ⁴. И вот Саймёдзи сказал:

— Я беспокоюсь о тех крашенных вещах из Асикага, что вы изволите присылать ко мне ежегодно.

— Все уже приготовлено! — ответил хозяин и в его же присутствии велел служанке сшить из тридцати кусков материи всевозможных расцветок халаты, а потом отправил их в резиденцию Саймёдзи.

Мне рассказывал об этом человек, который видел это своими глазами. Да он и сам до последнего времени был жив.

ССХVII

Один очень богатый человек говорил так: «Человек должен в самую первую очередь добиваться одного лишь богатства. В бедности и жить не к чему. Человеком можно считать лишь богатого. Если ты хочешь стать богачом, то прежде всего должен развивать в себе соответствующие настроения. Только эти настроения, и ничего другого. Живи с мыслью о вечности человеческой жизни и даже временно не смей задумываться о ее быстротечности. Это первая заповедь.

Вторая заповедь: нельзя гнаться за всем на свете. Пока жив человек в этом мире, у него возникает несметное количество желаний и для себя, и для других. Если ты намерен отдаться во власть желаний и подавить волю, то, будь у тебя хоть миллион монет, тебе не прожить с ними и минуты. Желания никогда не истощаются; сокровищам положен предел. Невозможно, обладая имеющими предел сокровищами, подчиняться беспредельным желаниям. Коль скоро желаниям случится пустить ростки в твоём сердце, то придут и дурные стремления, которые могут погубить тебя самого. Лишь неусыпно остерегаясь этого, ты никогда не совершишь проступка, даже самого незначительного.

Заповедь третья: когда ты уподобляешь деньги рабам своим, когда считаешь, что можешь использовать их, то тебе долго не избавиться от нищеты. Боясь и почитая деньги, как государя, как божество, нельзя использовать их по своей прихоти.

Четвертая заповедь: не впадай во гнев и не ропщи, даже когда тебе стыдно из-за денег.

Пятая заповедь: будь честен и строго держись своих обещаний.

Если все эти принципы будет строго блюсти тот, кто добивается богатства, оно впоследствии с такой же неизбежностью, с какою пламя охватывает все сухое, а вода устремляется вниз. Когда у тебя накопится много денег, душа твоя вечно будет пребывать в умиротворении и радости, даже и при том условии, что тебя не увлекут пирушки, развлечения и сладострастие, что не станешь ты разукрашивать своего жилища и не отдашься во власть желаний».

Вообще говоря, человек добивается богатства для того, чтобы исполнить свои желания. Деньги считают богатством потому, что с их помощью удовлетворяют желания. Но тот, кто не удовлетворяет желаний, хотя они и есть у него, ничем не отличается от бедняка. Так в чем же здесь радость? Эти заповеди богача можно истолковать так: отвергая простые человеческие желания, не нужно огорчаться бедности.

Чем радоваться, исполняя свои желания, лучше не иметь богатства. Для того, кто покрыт нарывами и язвами, лучше не болеть совсем, чем радоваться, омывая их водою.

Таким образом, нет никакой разницы между бедностью и богатством. «Проникший в суть вещей» не отличается от «знакомого с принципами»¹. Необъятность желаний подобна отсутствию желаний.

ССХVIII

Лиса — это такое животное, что может укусить человека. Однажды — это было во дворце Хорикава¹ — лиса укусила за ногу спящего слугу. В храме Ниннадзи однажды ночью к служителю низшего ранга, что проходил мимо центрального храма, подскочили три лисы и вцепились в него зубами. Тогда он выхватил меч и, защищаясь, ударил им двух лис. Одну ударом меча убил, а две убежали.

Монах был весь искусан, однако последствий никаких не было.

ССХIX

Однажды Сидзё-но-комон¹ удостоил меня такой речью:

— Тацуаки² — непревзойденный в своем деле мастер. Приходит он на днях ко мне и говорит: «Хотя я глуп и неучтив, но осмелюсь полагать, что пятое отверстие во флейте³ расположено, может быть, самую малость не на месте. Щитовому отверстию должна соответствовать нота *хё*, пятому отверстию — нота *симому*. Между ними располагается нота *сёдзэцу*. Верхнему отверстию соответствует нота *со*, далее следует нота *фусё*, за которой идет вечернее отверстие, дающее ноту *осики*. После этого следует нота *ранкэй*. Среднему отверстию соответствует нота *бансики*, а между средним и шестым отверстиями находится нота *синсэн*.

Если мы внимательно посмотрим весь ряд, то убедимся, что промежуточной ноты нет только между пятым и верхним отверстиями. Однако промежуток между ними оставляют обычный, поэтому в этом месте часто фальшивят. По этой причине, в то время когда нужно дуть в это отверстие, флейту обязательно отнимают от губ. Когда же этого сделать не умеют, не попадают в тон. Редкий человек может хорошо сыграть на флейте!».

— Превосходная мысль! — продолжал Сидзё. — Именно о таком человеке сказано, что предшественник должен опасаться позже родившегося⁴.

В другой раз я разговаривал с Кагэмоти⁵, и он сказал мне:

— Поскольку у *сё*⁶ все тона расположены равномерно, в него просто дуют — и все. А что касается флейты, то при игре на ней характер тона зависит от того, как в нее дуть, поэтому помимо устных наставлений, которые ты получил относительно каждого отверстия, для игры на ней требуется внимание в сочетании с талантом, и это касается не только пятого отверстия. Значит, нельзя ограничиться только тем, чтобы отнимать мундштук от губ. Если играть неумело, то из любого отверстия звук выйдет фальшивым. У большого мастера любой тон вливается в мелодию. Если мелодия не получается, виноват музыкант. Недостатки инструмента здесь ни при чем.

ССХХ

Однажды я сказал музыкантам из храма Небесных Королей¹:

— Что бы мы ни взяли, в провинции все грубо и неотесанно, и только музыку, исполняемую в храме Небесных

Королей во время ритуальных танцев, не стыдно сравнить со столичной.

— Мелодии в том храме, — ответили они, — хорошо сыгрываются по нотам, так что в смысле стройности и красоты звучания инструментов мы даже лучше всех прочих. Секрет же заключается в том, что за образец мы берем сохранившуюся по сю пору ноту времен принца². Ее воспроизводит колокол, что находится перед пагодой Шести времен³. Он звучит как раз в тоне *осики*. В зависимости от похолодания или потепления воздуха тон его может понижаться или повышаться, поэтому за образец мы принимаем тот тон, что бывает во вторую луну в промежутке от собрания Нэхан⁴ до собрания Сёрё⁵. В этом весь секрет. При помощи одного этого тона мы можем подобрать любой звук.

Колокола вообще положено настраивать на тон *осики*. Тон этот символизирует быстротечность. Это — звук колокола из Уголка Быстротечности в Обители Чистоты Священного Сада⁶. Говорят, что колокол для храма Сайондзи⁷ тоже должны были отлить в расчете на тон *осики*, но, сколько его ни переплавляли, никак не могли добиться чистого тона, так что колокол пришлось завозить из дальних стран. Колокол в храме Хоконгоин⁸ звучит также в тоне *осики*.

ССХХI

Старые толкователи законов¹ и теперь еще говорят между собой:

— В годы Кэндзи — Коан² во время праздника³ для украшения *хобэну*⁴ из четырех-пяти кусков необычной темно-синей материи делали коня с фитилями от фонарика вместо хвоста и гривы, набрасывали на коня одежды с нарисованной на них паутиной, и *хобэн* шествовал так, толкая людям смысл старинной песни. Мы всегда смотрели на него и думали: «Как это интересно!»

В наше время в украшениях год от года стремятся все к большей роскоши: на *хобэна* цепляют уйму тяжеловесных предметов, так что он с трудом переводит дыхание и идет, поддерживаемый с обеих сторон под руки, не в состоянии сам даже копьё держать, — очень неприятное зрелище.

ССXXII

Когда Дзэган¹ — бонза из Такэдани² — удостоился однажды навестить в монастыре экс-императрицу Тонидзэ³, она соблаговолила обратиться в нему с вопросом:

— Что более всего способствует упокоению души умершего?

— *Комё сингон, Хокёин дхарани*⁴, — почтительно ответил тот.

После этого ученики Дзэгана спросили у него:

— Отчего вы изволили отвечать так? Почему же вы не сказали, что ничего более важного, нежели *Нэмбуцу*⁵, нет?

— Я приверженец своей секты, — ответил им наставник, — и поэтому хотел было ответить именно так, но вдруг мне пришло в голову: а что я стану отвечать, если императрица изволит задать еще один вопрос: «Где об этом написано?» — ведь я никогда не встречал сутры, где было бы подробно растолковано, что наибольшее упокоение достигается чтением имени Учителя⁶? Тогда я и решил назвать *Сингон* и *Дхарани*, как наиболее авторитетные из сутр.

ССXXIII

Тадзугими — это детское имя¹ светлейшего министра Тадзу². Говорят, будто его прозвали так потому, что он съел журавля³. Так это неправда.

ССXXIV

Аримунэ-но-нюдо¹ из департамента Оммё² по пути из Камакура в столицу попросил позволения зайти ко мне. Не успев войти в хижину, он посоветовал мне:

— Сей дворик не в меру велик, и это нехорошо, так быть не должно. Сажать и взращивать — это долг тех, кто познал Путь. Оставьте здесь лишь узенькую тропку, а все остальное разделайте под садик.

Действительно, оставлять втуне даже крохотный участок земли бессмысленно. Следует всюду посадить съедобные или лекарственные растения.

ССXXV

Преподобный Митинори¹, по свидетельству О-но Хисакэ², выбрав из танцевальных приемов самые интерес-

ные, обучил им женщину по имени Исо-но-дзэндзи. Танец был назван *отокомаи* — «мужской танец», потому что танцовщица поверх белого *суйкэна*³ подпоясывалась коротким мечом *сомаки*, а на голову надевала *эбоси*⁴. Дочь Дзэндзи — Сидзука переняла ее искусство. Отсюда и пошли «танцовщицы в белом»⁵. Во время танца они распевали истории из жизни Будды и богов⁶.

Впоследствии Минамото Мицуюки⁷ сложил много таких песенок. Некоторые складывал и экс-император Готоба⁸. Говорят, что он изволил обучить им Камэгику⁹.

ССХХVI

В правление экс-императора Готоба своей ученостью славился Юкинага¹, бывший губернатор провинции Сина-но. Однажды он в числе других знатоков был приглашен ко двору на диспут об *юэфу*². В разгаре спора Юкинага забыл название двух добродетелей из «Танца семи добродетелей»³, за что его прозвали Молокососом Пяти Добродетелей. Это было очень обидно, и Юкинага, забросив науки, ушел от мира.

Наставник Дзитин⁴ приглашал к себе всех, кто обладал каким-нибудь талантом, даже простолюдинов, и когда принявший сан Юкинага попал в неловкое положение, он предложил ему свое покровительство.

Монах Юкинага создал «Сказание о доме Тайра»⁵ и обучил слепца по имени Сёбуцу рассказывать его. Поэтому особенно красочно описан в том сочинении храм Энрякудзи⁶. Близко зная Куро Хогана⁷, Юкинага описал его жизнь. С Каба-но Кандзя⁸ он, по-видимому, не был так хорошо знаком и многие из его деяний в своем описании упустил.

Сёбуцу был родом из восточных провинций и, в разговорах с воинами узнав многое и о самих ратниках, и о воинском искусстве, помог Юкинага описать все это.

Теперьшние *бива-хоси*⁹ учатся подражать природному голосу Сёбуцу.

ССХХVII

Книга «Славословие Шести времен»¹ создана радением ученика святейшего Хонэна², бонзы по имени Анраку³, который выбрал для нее соответствующие места из сутр. После него бонза из Удзумаса⁴ по имени Дзэнкан⁵ разметил

текст по частям и переложил его на речитатив. Это было самым началом однократного *Нэмбуцу*⁶. Подобный обычай был введен во времена правления императора Госага. С Дзэнкана же началось и исполнение «Славословий в заупокойной службе»⁷.

ССХХVIII

Нэмбуцу в Сэмбонском храме Шакьямуни¹ начал святейший Нёрин² в годы Бунъэй³.

ССХХIX

Говорят, что настоящий резчик всегда работает слегка туповатым резцом. Резец Мёкана¹, например, был не очень острым.

ССХХХ

В императорском дворце Годзё¹ водились оборотни. Как рассказывал вельможный То-дайнагон², однажды, когда в зале Черных дверей³ несколько высокопоставленных особ собрались поиграть в шахматы, кто-то вдруг приподнял бамбуковую штору и посмотрел на них.

— Кто там? — оглянулись придворные.

Из-под шторы, присев на корточки, выглядывала лиса, обернувшаяся человеком.

— Ах! Это же лиса! — зашумели все, и лиса в замешательстве пустилась наутек.

Должно быть, это была неопытная лиса, и перевоплощение ей не удалось как следует.

ССХХХI

Монах Соно-но-бэтто¹ в поварском деле не знал себе равных. Как-то в одном доме подали к столу замечательного карпа, и всем захотелось узнать, а как приготовил бы такую закуску преподобный Бэтто? Однако сказать об этом открыто никто не решался из опасения быть нетактичным. Бэтто-нюдо, как человек проницательный, понял это и сказал:

— Уже в течение ста дней я занимаюсь приготовлением карпа, но как раз сегодня у меня не было рыбы. Мне очень хочется приготовить ее.

С теми словами он и разделал карпа. Этот поступок показался присутствующим весьма подходящим случаю и чрезвычайно любопытным. Когда же кто-то рассказал о нем господину Китаяма-но-дадзэ-нюдо², его светлость заметил:

— Меня лично такие вещи в крайней степени раздражают. Гораздо лучше было бы сказать так: «Так как у вас это блюдо приготовить некому, извольте, я приготовлю». Вряд ли возможно, чтобы он тогда сто дней занимался своими карпами.

— Его слова, — говорил мне один знакомый, передавший этот разговор, — показались мне занимательными.

Они действительно очень занимательны.

Вообще, чем вызывать интерес, всячески изощряясь, лучше не быть интересным, но жить спокойно.

Слов нет, хорошо, когда удачно выбирают случай созвать гостей на угощение, однако лучше всего, когда это делается просто так, без особого предлога. То же самое, когда делают подарок: если не выбирают особого случая, но просто говорят: «Это вам», значит, от чистого сердца.

Неприятно, когда человек ломается и ждет, что его станут упрашивать, или проиграет в споре — и из этого хочет извлечь выгоду.

ССХХХII

Вообще говоря, лучше, когда человек неумен и бездарен. Сын одного уважаемого человека и собою был недурен, и в разговоре — на глазах у папаши — исторические сочинения¹ не преминет, бывало, процитировать, и выглядел весьма толковым, и тем не менее, мне кажется, в присутствии почтенных людей он вел себя не так, как следовало бы.

Однажды к дому одного человека послушать сказания монахов-слепцов² собрался народ. Кто-то из гостей взял в руки *бива*, но тут из инструмента выпал колок.

— Эй, приладьте его! — распорядился хозяин.

В числе присутствующих находился и один молодой мужчина привлекательной внешности.

— Нет ли здесь ручки от старого ковша? — спросил он, и все оглянулись на его голос.

У говорившего на пальцы были надеты длинные когти³, свидетельствующие об увлечении игрой на *бива*. Но в такие вещи, как *бива* слепых музыкантов, ему лучше было бы

не вмешиваться. Со стороны неприятно было смотреть, как он стремится показать, что хорошо в этом деле разбирается. Кто-то заметил ему:

— Ручки от ковшей как будто кипарисовые, а кипарис сюда не годится.

Во всяком поступке молодого человека — пусть самом незначительном — видят хорошее, но замечают в нем и дурное.

ССХХХІІІ

Если вы стремитесь не совершать никаких ошибок, то не должны отступать от правила: во всем быть правдивым, ко всем без исключения относиться с почтением и быть немногословным.

Хорошо, когда любой человек — и мужчина, и женщина, и стар, и млад — следует этому правилу, но особенно неизгладимое впечатление производят молодые, приятной наружности люди, если они продумывают каждое слово.

Всякие ошибки проистекают оттого, что люди строят из себя мастеров, для которых всё — дело привычное, принимают выскомерный вид и ни во что не ставят других.

ССХХХІV

Когда вас о чем-либо спрашивают, нехорошо своим ответом вводить собеседника в заблуждение из-за одного только опасения, что он и сам прекрасно все знает, а ежели ему-де сказать правду, то можно показаться глупым. Бывает, видимо, и так, что, желая лишний раз убедиться в справедливости своего мнения, люди спрашивают о том, что знают. И наконец, разве нет таких, кто знает то, о чем спрашивает, но не наверняка! Если вы расскажете им без обиняков, вас выслушают спокойно.

Если ваш знакомый слыхом не слыхал о деле, которое вам хорошо известно, а вы пишете ему: «Да, плохи дела такого-то» — вам станет неудобно, если в ответ он спросит: «А в чем, собственно, дело?»

Бывает, что человек как-то само собой упускает случай узнать то, что для всех давным-давно устарело. И тогда разве плохо, если ему объяснят все так, что для сомнений не останется места?

Бойтся дать ясный ответ тот, кому недостает житейского опыта.

ССХХХV

Посторонний человек не явится, когда ему захочется, в дом, где есть хозяин. Если же хозяина в доме нет, туда не задумываясь заходит путник, а разные твари, вроде лис и сов¹, коль не отпугивать их людским духом, с торжествующим видом войдут туда и заселят дом, и объявятся там безобразные чудища, вроде духов дерева².

И еще: зеркалу не дано ни своего цвета, ни своей формы, и потому оно отражает любую фигуру, что появляется перед ним. Если б имелись в зеркале цвет и форма, оно, вероятно, ничего не отражало бы. Пустота свободно вмещает разные предметы. И когда к нам в душу произвольно одна за другой наплывают разные думы, это, быть может, случается оттого, что самой души-то в нас и нет. Когда бы в душе у нас был свой хозяин, то не теснилась бы, наверное, грудь от бесконечных забот.

ССХХХVI

В Тамба¹ есть местность под названием Идзумо². По образцу Великого храма³ там была выстроена прекрасная молельня. Владел теми местами некий Сида⁴, который пригласил к себе однажды осенью большую группу людей, и в том числе пресвятого Сёкая⁵.

— Милости прошу, посетите Идзумо, — говорил он, — а я угощу вас лепешками!

Отправившись вместе с хозяином к святым местам, каждый из паломников побывал в святилище, и каждый из них еще глубже укрепился в вере. Святейший же, увидев, что лев и злая собака⁶ перед святыней поставлены друг к другу спиной, несказанно умилился:

— О, это изумительно! Такое взаимоположение животных⁷ очень редко встречается. В этом, надо полагать, есть глубокий смысл! — воскликнул он и со слезами на глазах продолжал:

— Послушайте, друзья мои! Задержались ли ваши взоры на сем похвальном обстоятельстве? Это весьма примечательно.

Тут все взглянули на каменные фигуры и удивились:

— Действительно, сделано не так, как в других местах. Надо будет поделиться впечатлением от этого в столице.

Тогда пресвятому Сёкаю еще больше захотелось узнать, в чем здесь секрет, и он окликнул какого-то внушительного

на вид храмового служителя, который проходил мимо и казался человеком знающим:

— По поводу того, в каких позах поставлены львы перед сим храмом, — обратился старец к служителю, — можно, вероятно, рассказать кое-что поучительное. Ах, если бы вы нам поведали об этом немного!

— Вы насчет этих? Это все проказники-мальчишки натворили. Куда ж такое годится! — сказал в ответ служитель, после чего подошел к изваяниям, поставил их как полагается и удалился.

Чувствительные слезы старца оказались пролитыми зря.

ССXXXVII

Зависит ли то, как кладут предмет на ивовый ящик¹ — вдоль или поперек, от формы самого предмета? Свитки, к примеру, кладутся вдоль ящика; сквозь щели между палочками протягивают бумажный шпагат, которым перевязывают свиток.

Правый министр Сандзё² когда-то говорил:

— Тушечницу тоже кладут вдоль ящика: так не скатываются на пол кисточки.

А каллиграфы из дома Кадэнокодзи³ никогда, даже на короткое время, не клали своих тушечниц вдоль ящика, они обязательно помещали их поперек.

ССXXXVIII

Придворный Тикатомо¹ набросал для самовосхваления заметки из семи пунктов. Все они касаются искусства верховой езды и ничего особенного собой не представляют. По его примеру я тоже приведу здесь семь пунктов самовосхваления.

1. Когда в сопровождении множества людей я отправился однажды любоваться цветами, то, увидев в окрестностях храма Сайсёко² мужчину, который скакал на коне, сказал:

— Обратите внимание: если всадник сейчас хотя бы раз пришпорит коня, конь упадет, и он свалится.

Все остановились, а всадник пустил коня вскачь. Когда же пришло время остановиться, он осадил коня и кубарем полетел в грязь. Свидетели были потрясены безошибочностью моих слов.

2. В то время когда Ныне Царствующий³ был еще

принцем, а его резиденцией служил дворец Мадэ-но-кодзи⁴, я зашел однажды по делу в приемную Хорикава-дайнагона⁵. Развернув свиток с четвертой, пятой и шестой главами *Лунь юя*, *дайнагон* обратился ко мне со словами:

— Только что я навестил его высочество в покоях. Его высочеству захотелось взглянуть на раздел: «Не люблю фиолетовый цвет, потому что он затмевает красный»⁶, но сколько он ни искал его в своей книге, найти так и не смог. Тогда я получил высочайшее повеление: «Ступай, еще раз посмотри и найди!»

— Это же в девятом свитке, в таком-то и таком-то месте, — ответил я.

— Ах, как я рад! — воскликнул *дайнагон* и со свитком в руке бросился к принцу.

Правда, подобные вопросы обычно не представляют трудности даже для ребенка, но в старину люди пользовались для пышного самовосхваления и самой малостью.

— Может быть, это нехорошо, — спросил однажды экс-император Готоба⁷ сиятельного Тэйка⁸ об одном из своих стихотворений, — что в одном и том же месте встречается и слово *содэ* и слово *тамото*⁹?

— Что в этом такого, — отвечал поэт, — ведь писали же так:

Не метелки ли *сусуки*
Колышутся, как чьи-то рукава (*тамото*),
В траве, в осеннем поле?
Но кажется, что это ты
Призывно машешь рукавами (*содэ*)¹⁰.

Излагая этот разговор, поэт напыщенно писал: «То, что я кстати вспомнил нужные стихи, означает, что в искусстве поэзии мне покровительствуют боги и что удел мой счастлив».

Первый министр Кудзэ, князь Корэмита¹¹, в своих челобитных грамотах тоже занимался самовосхвалением, описывая моменты, не представляющие ничего особенного.

3. Надпись на колоколе в храме Дзэдзайко¹² составлена была сановником Ариканэ¹³. Придворный чиновник Юкифуса¹⁴ переписал текст набело и уже приготовился было отдать залить металл в форму, когда монах-литейщик взял черновик с текстом надписи и показал его мне.

В тексте была строфа:

Когда на цветущей окраине
Вечер проводишь,

Звон колокола слышен
За сотню ри.

— Здесь я вижу рифму *сё* и *то*, — сказал я, — не ошибка ли это — «сотня ри»?

— Как хорошо, что я вам показал, ведь в этом будет и моя заслуга! — обрадовался монах и помчался к каллиграфу.

— Да, я ошибся, — ответил тот, — нужно исправить на «много рядов».

Однако, что значит это «много рядов»? Может быть, он имел в виду «много шагов»¹⁵? Я так и не понял.

4. Однажды с большой группой попутчиков я отправился в паломничество к Трем пагодам¹⁶. В храме Дзёгё¹⁷, в Ёкава, мы увидели старинную картину с надписью «Рюгэин»¹⁸. Сторож при храме с важностью объяснил нам:

— Рассказывают, что мнения об авторстве надписи колеблются между Сари¹⁹ и Кодзэй²⁰. Но говорят, что достоверно автор еще не установлен.

— Если это Кодзэй, — заметил я, — на обороте должна быть подпись, если же автор Сари, подписи на обороте быть не должно.

Оборотная сторона картины была покрыта толстым слоем пыли и затянута паутиной. Когда убрали грязь и хорошенько почистили картину, все явственно увидели надпись, указывающую чин и имя Кодзэй и дату.

Все были поражены.

5. Когда высокоумудрый Догэн²¹ читал в храме Наранда²² наставления, он позабыл так называемые «восемь несчастий»²³.

— Не помните ли вы их? — обратился он к присутствующим. Никто из его учеников вспомнить их не мог. Тогда я выглянул из соседней комнаты и сказал: «Наверное, это то-то и то-то», чем вызвал всеобщее восхищение.

6. Как-то мы с *содзё* Кэндзё²⁴ пришли посмотреть церемонию с наговорной водой²⁵. *Содзё*, не дожидаясь окончания церемонии, вернулся домой, а *содзу*, пришедшего вместе с нами, ни в храме, ни возле него не было видно. Монахи, которые были посланы его разыскивать, очень долго не появлялись, а потом вышли из храма и заявили:

— Очень уж много там монахов, и все одинаково одеты. Никак невозможно его отыскать.

— Какая жалость, — воскликнул Кэндзё и обратился ко мне, — поищите, пожалуйста, его вы!

Я вернулся в храм и сейчас же привел *содзу*.

7. В пятнадцатый день второй луны²⁶ была ясная лунная ночь. Было уже совсем поздно, когда я направился к храму Сэмбон²⁷. Войдя в него через черный ход, я расположился в стороне ото всех и, поглубже спрятав лицо в одежды, стал слушать чтение сутр. В это время от молящихся отделилась прекрасная женщина, выделявшаяся своим обликом и благовониями. Она под села ко мне и прислонилась к моим коленям.

«Если на меня перейдет от нее хотя бы запах, — подумал я, — будет неловко» — и тихонько отодвинулся.

Женщина снова придвинулась ко мне, и, когда она попыталась принять ту же позу, я встал.

Некоторое время спустя, одна дама, давно служившая при дворе, говоря со мной о разных пустяках, между прочим, заметила:

— Тут о вас отзывались весьма пренебрежительно, будто вы совершенно бесстрастны. Есть один человек, который невзлюбил вас за бесчувственность.

— Простите, я вас совсем не понимаю, — только и мог ответить я.

Обо всем этом я узнал позже. Оказывается той ночью, когда я пришел послушать сутры, из особого помещения меня заметил один знакомый. Он подослал ко мне сопровождавшую его жену, переодетую неузнаваемо, и наказал ей:

— Если будет подходящая обстановка, попробуй заговорить с ним. Вернешься — расскажешь, как он себя вел. Это интересно.

ССXXXIX

Пятнадцатый день восьмой луны и тринадцатый день девятой луны соответствуют созвездию Овна¹. Небосклон тогда бывает чист и ясен, и поэтому ночь хороша для воспевания луны².

ССXL

Неуютно то место, где растут водоросли, что собирают рыбаки из бухты Синобу¹; немало людей охраняют гору Курабу², но вместе с тем как много незабываемого в глубоких чувствах и проникновенных думах человека, чье сердце полно безрассудной решимости пойти туда!

Очень, должно быть, совестно заручаться согласием родителей и братьев девушки, чтобы навсегда взять ее в свой дом.

Стесненную в средствах женщину, которую в любом мужчине — в безобразном ли старом монахе, в грубом ли дикаре³ — влечет лишь его богатство и которая говорит, что, мол, «был бы поток увлекающий»⁴, — сводник кому угодно представит прекрасной, поэтому не годится вступать в брак с тем, кого не знаешь и кому незнаком. Иначе вам не о чем будет перекинуться словом. Когда же вы станете говорить друг с другом о горестях прожитых лет или о непроходимых зарослях на склоне горы⁵, беседе вашей не будет конца.

Но если все улаживают посторонние, вы неминуемо сталкиваетесь со множеством неприятного. Скажем, жена прекрасна собой, а муж и по происхождению ниже ее, и видом безобразен, и годами уже стар. Тогда он думает: «Ради такого страшилища обрекла она на гибель свою красу», а сам и жену начинает презирать, и, оставшись с нею наедине, стыдится своего вида. Это очень прискорбно.

Человеку, который сам не испытал, что значит недвижно стоять под луной, затянутой облаками, когда ночь благоухает цветением слив, или брести, сбивая росу, по равнине Августейшей Ограды⁶ при полной луне, — не стоит ввязываться ни в какие любовные дела.

ССХLI

Полный месяц ни на один миг не остается круглым, он тут же идет на ущерб. Ненаблюдательный человек, пожалуй, и не заметит, насколько изменились его очертания за ночь.

То же происходит и при тяжелой болезни: жить некогда, уже близится смертный час!

Однако, пока болезнь еще не опасна и не грозит вам смертью, вы привычно считаете, что жизнь неизменна, и думаете, что спокойно ступите на истинный Путь только после того, как многое успеете свершить в своей жизни, а между тем вас настигает болезнь, вы заглядываете в ворота смерти — и тогда вы не исполните уже ни одного из своих желаний.

Напрасно станете вы раскаиваться в нерадиво прожитых годах и лунах. У вас возникнет желание, как только ночь сменится днем, без нерадения свершить и это деяние и

то, если на сей раз недуг отступит и сохранит вам жизнь. Но вам делается все хуже, и вы кончаетесь, метаясь без сознания. Видимо, только так оно и бывает. Именно это люди должны прежде всего и спешно вмести́ть в сердце свое.

Если вы захотите обратиться к Учению на досуге, после того как исполните свои желания, — желаниям этим не суждено исчезнуть. Что же можно сделать за нашу жизнь, подобную призраку? ¹

Вообще, наши желания все суть пустомыслие.

Зная, что, как только в сердце западет желание, беспутное сердце лишь ввергнется в заблуждения, самое лучшее — ничего не делать для его исполнения. Когда вы обращаетесь к Учению, враз отбросив все дела прочь, — исчезают помехи, исчезают заботы, а дух и плоть надолго умиротворяются.

ССХLII

Неустаннне заботы наши о том, что неблагоприятно и что благоприятно, проистекают лишь от отношения к трудностям и удовольствиям.

Все любят удовольствия и никогда не перестают искать их. Доставляет удовольствие, во-первых, слава. Слава бывает двоякого рода. Это — восхваление поступков и восхваление таланта. Во-вторых, доставляет удовольствие вожделение, в третьих, чревоугодие. Со стремлением к этим трем удовольствиям не сравнится ни одно из тьмы желаний. Возникает оно от извращенного взгляда на жизнь и влечет за собой многие бедствия. Лучше всего не искать удовольствий.

ССХLIII

Когда мне было восемь лет, я спросил отца:

— А что такое Будда?

— Буддами становятся люди, — ответил отец.

— А как они делаются буддами?

— Становятся благодаря учению Будды, — ответил отец.

И снова я спрашиваю:

— А того Будду, который обучал будд, кто обучал?

— Он тоже стал Буддой благодаря учению прежнего Будды, — опять ответил отец.

Я снова спросил:

— А вот самый первый Будда, который начал всех обучать, — как он стал Буддой?

И тогда отец рассмеялся:

— Ну, этот либо с неба свалился, либо из земли выскочил.

Потом отец потешался, рассказывая об этом всем:

— До того привяжется, что и ответить не можешь.

КОММЕНТАРИЙ

I, 1. Согласно буддийской доктрине, за грехи, совершенные в прежних рождениях, человек может вновь родиться в образе любого животного, пресмыкающегося и пр., поэтому появиться на свет в образе человека — желание, само по себе достаточно трудно выполнимое.

I, 2. Потомки августейшего, вплоть до самых отдаленных — в тексте сказано букв.: «[вплоть] до последних листов на ветвях бамбукового сада». Образ заимствован из китайской литературы. В *Ши цзи* («Исторических записках») Сыма Цяня (145 г. до н. э.?—87 г. до н. э.), в гл. 58 (разд. «Наследственный дом лянско-го Сяо-вана»), сказано: «Тогда этот Сяо-ван насадил восточный сад площадью 300 с лишним ли». В *Си-цзин цза-цзи* («Разнообразных записках о западной столице»), создание которых приписывается либо Лю Синю (53 г. до н. э.—23 г. н. э.), либо Гэ Хуну (250—330), сказано, что парк этот изобиловал бамбуком, поэтому в просторечии он стал называться Бамбуковым садом лянско-го Сяо-вана. Поскольку лянский Сяо-ван был сыном ханьского императора Вэнь-ди, сочетание «бамбуковый сад» стало нарицательным обозначением принцев крови. «Последние листки на ветвях бамбукового сада» — это самые отдаленные потомки императора. Выражение заимствовано из «Японо-китайской поэтической антологии» (*Вакан ройсю*, 1013 г.).

I, 3. *Тонэри* — придворные чиновники, составлявшие дворцовую гвардию и свиту императоров, принцев крови и важнейшей придворной знати.

I, 4. Сэй-сёнагон — поэтесса и знаменитая писательница конца X — начала XI в. Автор первого в японской литературе эссеистического произведения *Макура-но соси* («Записки у изголовья», см.: XIX, 9). Была дочерью хэйанского поэта Кивэара Мотосукэ (908—990), состояла в свите императрицы Садако.

I, 5. Мудрец Дзёга (917—1003) — ученый-буддист, сын крупного придворного чиновника Татибана Цунэхира, происходил из г. Киото, образование получил в монастыре Энрякудзи, большую часть жизни провел в провинции Ямато. Мудрец (*хидзири*) — почтительное наименование буддийских священнослужителей высшего ранга.

I, 6. Истинные сочинения — имеются в виду сочинения конфуцианского канона, излагающие нормы морали, способы управления государством и пр.: *Сы шу* («Четверокнижие») и *У цзин* («Пятикнижие»).

I, 7. Стихосложение (*сакумон*) — здесь: умение слагать стихи на китайском языке.

I, 8. Не отказываться выпить — в тексте: *гэко нарану*.

Это одно из дискуссионных мест в «Записках от скуки». Слово *ко* может обозначать счет выпитому вину; сочетание *дзёко* означает «человек, пьющий много вина», «питух» (ср. *дан* CLXXV). По аналогии с этим *гэко* объясняется как «непьющий», а *гэко нарану* — «не быть непьющим», «не отказываться выпить».

II, 1. Управление времен древних мудрецов — здесь нет намека на каких-либо определенных лиц; имеется в виду мифический «золотой век» древности, когда страной правили совершенномудрые государи, каковыми в Китае считали легендарных императоров III тысячелетия до н. э. Яо и Шуня, чжоуского У-вана (1122 г. до н. э.) и др., а в Японии — Нинтоку-тэнно (313—399), Дайго-тэнно (898—930) и др. В рассуждениях о способах наилучшего управления государством в целях достижения благоденствия подданных и могущества державы древние и средневековые авторы Дальнего Востока ссылаются обычно на древних государей, имея в виду, как правило, Яо и Шуня.

II, 2. Кудзё — Фудзивара Моросукэ (908—960), министр при дворе императоров Сюдзюку и Мураками. Упомянутое здесь завещание написано им в назидание потомкам.

II, 3. Император Дзюнтоку — правил в 1210—1222 гг. Кэнко-хоси цитирует его сочинение *Кимписё* («Сокровенные извлечения об императорском дворе»), написанное в 1221 г., после отречения от престола.

IV, 1. Не забывать о грядущем перерождении — соблюдать предписания буддийского вероучения, надеясь на воздаяние в следующем рождении.

V, 1. Акимото-но-тюнагон — хэйанский вельможа Минамото Акимото (1000—1047), в 1036 г. постригшийся в монахи и живший сначала в монастыре Энрякудзи, а затем на горе Охара. Монашеское имя — Энсё. Тюнагон — см.: VI, 2.

V, 2. «Захолустья луну без вины я увижу» — в сборнике рассказов XII в. *Сэндзюсё* («Избранное»), приписываемом поэту Сайгё-хоси (1118—1190), в кн. 3, о Минамото Акимото сказано, что он «проливал слезы, мечтая о том, как бы увидеть луну захолустья, не провинившись», т. е. стать отшельником. «Захолустье» — это морское побережье или горы, куда ссылали за провинности.

VI, 1. Прежний принц *тюсё*; *тюсё* — китайский (чжуншу) вариант названия должности главы *накацукаса* — одного из восьми ведомств, учрежденных в результате реформы Тайка (649 г.). Выполняя функции посредника между императором и государственным советом (*дайдзёкан*), *накацукаса* формировалось из представителей старинной родовой знати. Главой этого ведомства, имевшим ранг министра, дважды с годов Тайка (645—650) до конца Камакура (1192—1333) назначался принц крови. Один из них, занимавший этот пост первым, стал впоследствии называться «прежний принц *тюсё* (или *накацукасаке*)». Это — Канэакира (914—987), по прозвищу Мико-садайдзин или Огура-синно, ученый и поэт, писавший по-китайски. Пессимистический взгляд Канэакира на продолжение рода объясняют тем, что один из двух его сыновей, Корэтака, был слабоумным.

VI, 2. Первый министр Кудзё — фаворит императора Сутоку (1124—1141) Фудзивара Корэмита (1093—1165), сделавший в короткий срок головокружительную карьеру. Автор нескольких сочинений. Прозвище получил от названия уезда, где было расположено его поместье. Два его сына отличались слабым здоровьем и рано умерли. Первый министр — глава государственного совета — *дайдзэ-дай-дзин*. Совет состоял кроме первого министра из левого министра (*са-дай-дзин*) — второго по значению чиновника в государстве, правого министра (*удай-дзин*), министра двора, или внутреннего министра (*най-дай-дзин*), четырех советников первого класса (*дайнагон*), нескольких (с XII в. — десяти) советников второго класса (*тюнагон*) и трех младших советников (*сёнагон*).

VI, 3. Левый министр Ханадзоно — Минамото Арихито (1103—1147), внук императора Сиракава (1073—1086), занимавший ряд видных государственных постов. В сборнике исторических повестей *Имакагами* («Зерцало нашего времени», 1170), описывающем события с 1025 по 1170 г., в кн. 8, сказано, что Ханадзоно, увидев однажды сына принца Канзакира, заявил, что лучше совсем не иметь детей, чем иметь недостойных. У самого Ханадзоно была одна дочь. Прозвище дано ему по названию местности, где располагалось его поместье.

VI, 4. Министр Сомэдоно — прозвище основоположника системы регентства рода Фудзивара — Фудзивара Ёсифуса (804—872), зятя императора Сага (810—823) и деда императора Сэйва (859—876). В 859 г. Ёсифуса стал первым министром, затем регентом при малолетнем внуке, сыне его дочери Акико. Ёсифуса, не имевший сына, усыновил своего племянника Мотоцунэ (836—891), впоследствии регента и известного историка. Фудзивара Ёсифуса — автор исторического сочинения *Сёку Нихон коки* («Продолжение записей, следующих за „Аналами Японии“»), описывающего события с 833 по 850 г. (30 книг).

VI, 5. «Рассказы Старца Ёцуги» (*Ёцуги-но окина-но моногатари*) — имеется в виду восьмитомный сборник исторических повествований *Окагами* («Великое зеркало»), написанный в XII в. Фудзивара Тамэнари и содержащий описание правлений 14 императоров, начиная с Монтоку (851 г.) и кончая Гонтидзё (1039 г.). Автор писал его под псевдонимом Старец Ёцуги (Ёцуги-но окина), поэтому сочинение часто называют *Ёцуги моногатари* («Рассказы Ёцуги»). В кн. 2 *Окагами* первому министру Фудзивара Ёсифуса посвящен специальный раздел, однако приводимая здесь фраза в этом разделе отсутствует.

VI, 6. Сётоку — один из самых выдающихся государственных деятелей древней Японии. Будучи наследным принцем, Сётоку увлекся буддизмом и много усилий посвятил пропаганде и насаждению в Японии буддийского вероучения школы махаяна. Итогом его деятельности было появление в стране 46 буддийских храмов с 820 монахами и 560 монахинями. Сётоку направлял в Китай первые посольства, завезшие в 604 г. на родину китайский календарь. Он разработал японский табель о рангах, составил кодекс законов (603 г.) и написал две исторические работы. Умер Сётоку в 622 г. 48 лет от роду, оставив после себя 14 детей — 8 сыновей и 6 дочерей.

VI, 7. «Здесь урежь, там убавь, там убавь, там урежь» — цитата из двухтомного «Жизнеописания Сётоку-тайси» (*Сётоку-тайси дэн*), составленного в 917 г. (?) поэтом и писателем Фудзивара Канэсукэ (877—933) (?). «Здесь урежь, там убавь» — приказ, касающийся размеров либо самой усыпальницы, сооруженной в 619 г., либо четырех дорог, прокладывавшихся к усы-

пальнице для паломников. Мнения по этому поводу разделяются. По нашему мнению, толкование этой части фразы зависит от понимания второй части: «думаю, что потомков не будет». По-видимому, здесь принц имел в виду потомков, которые были бы достойны его самого, или потомков, близких к нему по вере и духовным интересам. В первом случае слово «урезь» может относиться к размерам усыпальницы, в которую считалось нежелательным помещать недостойных отпрысков принца, во втором — к дорогам, которые не понадобятся, так как неблагодарные дети не станут навещать могилу отца. В том и другом случаях легко объясняется желание Сётоку-тайси прекратить свой род.

VII, 1. Равнина Адаси — часть равнины Сага, расположенной в провинции Ямасиро (ныне — часть г. Киото). На Адаси во времена Кэнко-хоси было расположено обширное кладбище, поэтому название это в традиционной поэзии употреблялось как синоним эфемерности, быстротечности земной жизни и служило в качестве постоянного эпитета (*макура-котоба*) для слова *цуо* — «роса».

VII, 2. Торибэ — гора в окрестностях храма Киёмидзу (ныне — в черте г. Киото), у которой в старину располагалось кладбище. Дым над горой Торибэ — дым от кремации трупов — также одно из фигуральных выражений, обозначающих непрочность земного бытия. В традиционной японской поэзии *торибэяма* — постоянный эпитет для слова *кэмури* — «дым».

VII, 3. «Если жизнь длинна, много примешь стыда» — цитата из трактата одного из основоположников даосизма, знаменитого китайского поэта и мыслителя IV в. до н. э. Чжуан Чжоу *Чжуан цзы* (глава «Тяньди»). В первоисточнике эта фраза выглядит полностью так: «Если много детей — много страха; если богат — много дел; если долготелен — много позора. Все эти три обстоятельства отнюдь не способствуют воспитанию добродетелей».

VIII, 1. Отшельник Кумэ — буддийский монах из провинции Ямато, который, по преданию, праведностью и усердными занятиями достиг магической силы и однажды уже вознесся было на небо, но, увидев сверху стирающую женщину, засмотрелся на необыкновенную белизну ее обнаженных ног и, лишившись святости, свалился обратно на землю. Эпизод этот описан в кн. 18 *Гэнкё сякусё* («Буддийские записи годов Гэнкё», 1321—1323) и в нескольких светских сочинениях, в том числе знаменитом сборнике повестей XI в. *Кондзяку моногатари* («Нынешние и древние повествования»), создание которого приписывается Минамото Такакуни (1004—1077).

IX, 1. Шесть скверн — согласно буддийскому учению, корнями и источниками, порождающими пороки и заблуждения среди людей, являются: глаза, уши, нос, язык, плоть и мысль. Их называют «шестью корнями». Объектами, воспринимаемыми этими «шестью корнями» и загрязняющими сердце, являются так называемые «шесть скверн»: цвет (или сладострастные грезы), голос (или любовные песни), аромат (или запах мужского или женского тела), вкус (или чревоугодие), касание (или прикосновение к обнаженному телу) и закон (или всяческие суетные рассуждения). Каждая из этих «шести скверн» может охватить человека мраком страстей и отдалить достижение конечного покоя — погружение в нирвану.

IX, 2. Возненавидеть и отдалить — первая ступень от-
решения при погружении в медитацию.

IX, 3. Это заблуждение — имеется в виду любовная страсть. Но заблуждением считается любое желание, поскольку оно является следствием омраченности вихрем жизни (см.: XVII, 1).

IX, 4. Осенний олень — олень во время осенней течки. Согласно поверью, осенью олень-самец наверняка выходит на звук свистка, изготовленного из женской обуви *асида*. Вся цитата заимствована из заклинания, обращенного к первому из десяти буддийских божеств гнева — Ямантака-дхарани.

X, 1. Хотя оно и считается временным пристанищем — т. е. несмотря на то, что мы живем в своей хижине временно — от рождения до смерти, тогда как перевоплощаемся на пути к нирване бесчисленное количество раз.

X, 2. Готокудайдзи — прозвище Фудзивара Санэсада (1138—1190), или Дзиттэй (китайское чтение имени), известного поэта, одно из стихотворений которого вошло в знаменитую антологию *Хякунин исю* («Антология ста поэтов», 1235). Санэсада занимал в правление императора Тоба (1108—1123) пост левого министра, но в 1190 г., за несколько месяцев до смерти, ушел в отставку, постригся в монахи и взял себе имя Дзээн.

X, 3. Сайгё — знаменитый поэт, монах Сайгё-хоси (1118—1190). Настоящее его имя — Сато Норикйё, литературный псевдоним — Энъи. Автор двухтомного сборника стихов *Санкасю* («Сборник из горной хижины»). Своими стихами снискал благосклонность императора Тоба и получил после отречения последнего должность *хокумэн-но буси* (см.: ХСIV, 2), однако в возрасте 23 лет, оставив семью и службу, принял постриг. Много путешествовал по стране, читая проповеди и свои стихи. Умер в г. Киото.

X, 4. Как передают — приведенный здесь случай описан в кн. 15 (гл. 23) сборника *Коконтё мондзю* («Сборник сведений о старинных и современных авторах») Татибана Нарисуэ (XIII в.), написанного в 1254 г.: «Сайгё-хоси, до того как стать монахом, служил при доме левого министра Токудайдзи. Возвращаясь после многолетних странствий в столицу, он, настроенный самым дружественным образом по отношению к прежнему своему господину, зашел к левому министру Готокудайдзи на подворье. Взглянув от ворот внутрь двора, он увидел, что над особняком протянута веревка. Очень удивившись, Сайгё спросил у человека, что это значит, и услышал в ответ, что это от ястребов. Сказав: „Какое же неудобство [в том, что] есть ястребы?“ — Сайгё повернул назад, негодую».

X, 5. Кодзакадоно (или Косакадоно) — дворец в провинции Ямасиро, принадлежавший императорской фамилии.

X, 6. Ая-но Кодзи — сын императора Камэяма (1260—1274), известный под именем Сёэ-хосинно, принятым при пострижении. Подробные сведения о жизни не сохранились.

XI, 1. *Каннадзуки* (или Каминадзуки) — букв.: «месяц без богов». Причины такого наименования неизвестны (см. *дан* ССII «Записок от скуки»), так как в десятую луну, которая и именовалась в старину *каннадзуки*, синтоистских праздников было не меньше, чем в другие луны. Нунами Такэо, известный исследователь «Записок от

скуки», полагает, что название это должно истолковываться как «месяц без грома», поскольку начиная с ноября (при переводе на европейский календарь десятая луна падает, как правило, на ноябрь) в Японии прекращаются грозы.

XI, 2. Долина Курусу — широко распространенное название, однако здесь, по-видимому, имеется в виду долина Дайго в провинции Ямасиро (в окрестностях г. Киото), называвшаяся в старину Курусу и под этим названием часто встречающаяся в поэзии.

XI, 3. *Акадана* (от санскр. *архья* — дар, подносимый богам или высокопочитаемым лицам). *Ака* (*архья*) — здесь: священная вода, подносимая Будде. *Акадана* — полка перед изображением Будды, на которую ставят ритуальный сосуд с водой и цветы.

XIII, 1. Приглашаешь в друзья людей невидимого мира — т. е. читаешь мысли, запечатленные давно умершими мудрецами в их сочинениях.

XIII, 2. «Литературный сборник» (*Вэньсюань*) — китайский сборник поэтических и прозаических образцов из 60 книг (объединяет произведения 37 поэтических и повествовательных жанров), составленный сыном лянского У-ди (502—550) Чжаомина-тайцзы (501—531).

XIII, 3. «Сборник сочинений господина Бо» (*Бо-ши энцзи*) — обиходное название сборника стихов знаменитого китайского поэта Бо Лэ-тяня (Бо цзюй-и, 772—846) *Бо-ши Чан-цин цзи* («Сборника [годов] Чан-цин господина Бо»).

XIII, 4. Лао цзы — знаменитый китайский философ VI в. до н. э. (годом его рождения по традиции считают 604 г. до н. э.), основоположник даосизма. Был хранителем библиотеки и историографом при дворе императоров династии Чжоу (1122—256 гг. до н. э.). Его идеи оказали большое влияние на формирование мировоззрения Кэнко-хоси.

XIII, 5. «Каноническая книга мудреца из Наньхуа» (*Наньхуацзин*, другое название — *Чжуан цзы*) — трактат Чжуан Чжоу, излагающий основы его учения. Поздние даосы называли автора трактата Наньхуа чжэнжэнем — «Мудрецом из Наньхуа» — по названию хижины Чжуан Чжоу (или Чжуан цзы).

XIV, 1. Цураюки — Ки-но Цураюки (883—946), один из наиболее талантливых поэтов хэйанской Японии, знаменитый каллиграф. Принимал участие в составлении поэтической антологии *Кокинсю* (см.: XIV, 3). Долгое время служил в должности губернатора провинции Тоса. По возвращении в г. Киото написал путевой дневник в прозе *Тоса ники* (935 г.).

XIV, 2. Стихотворение написано по пути из Киото в деревню и вошло в раздел «Песни путешествий» антологии *Кокинсю*.

XIV, 3. «Собрание древних и новых песен» (*Кокинсю*) — поэтическая антология, составленная в 905—922 гг. по указу императора Дайго (898—930) поэтами Ки-но Цураюки, Томонори, Осикоти-но Мицунэ и др. Антология состоит из 20 книг и включает более 1100 стихотворений разных авторов. Полное ее название — *Кокинвакасю* («Собрание древних и новых японских песен»). Это первый сборник серии *Нидзюитидайсю*.

XIV, 4. «Повесть о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*) — знаменитый роман X—XI вв., написанный придворной дамой Мурасаки-сики-

бу (978—1016), поэтессой и писательницей. Роман делится на 54 главы, имеет разветвленный сюжет и является одним из величайших художественных полотен своего времени. Назван по имени главного героя — «блестательного принца Гэндзи».

XIV, 5. «Хоть и не есть» (*Моно-то ва наси-ни*) — начало фразы гл. 47 *Гэндзи моногатари* («Агэмаки»). Здесь перефразировано «*Моно наранакү-ни*» («Хоть и не является») из стихотворения Цураюки. Эта перефразировка не меняет ни размера стиха, ни смысла, но Кэнко-хоси считает, очевидно, что она имеет значение для эмоциональной окраски стихотворения.

XIV, 6. «Новое собрание древних и новых японских песен» (*Синкокинвакасю*, или *Синкокинсю*) — поэтическая антология, составленная по распоряжению экс-императора Готоба (1184—1198) поэтами Минамото Мититомо (1171—1227), Фудзивара Тэйка (1162—1241) и др. в 1205 г., состоит из 20 книг, является восьмым сборником серии *Нидзюшитадайсю*.

XIV, 7. Стихотворение поэтессы Хафурибэ Наринака, помещенное в разделе «Зима» антологии *Синкокинвакасю*. Составлено на поэтическом состязании в 1202 г.

*Фую-но китэ
Яма мо арава-ни
Ко-но ха фури.
Нокору мацу саз
Минэ-ни сабисики.*

Пришла зима,
На горных полянах
Осыпаются листья дерев.
Даже сосна, что [хвою] сохраняет,
На вершине уныло [стоит].

Считается, что для придания стихотворению характера целостности, в заключительной его части следовало бы усилить сопоставление с настроением поэта.

XIV, 8. Иэнага — камакурский поэт Минамото Иэнага, секретарь департамента поэзии (*вакадокуро*), учрежденного в 951 г. и занимавшегося составлением поэтических сборников, организацией поэтических турниров при дворе и т. п. С начала 90-х годов XII в. Иэнага вел дневник (*Иэнага никки*), в котором записывал события в течение 20 лет (в том числе историю составления *Синкокинсю*). Точные даты жизни неизвестны.

XIV, 9. Имеется в виду экс-император Готоба, по распоряжению которого этот турнир и проводился.

XIV, 10. *Эйкёку* — собирательное название песен, в сопровождении которых исполнялись древние ритуальные танцы типа *кагура*, *сайбара*, *фудзokka*, *имаё*.

XIV, 11. *Рёдзинхисё* («Сокровенные извлечения [из песен, от исполнения которых] пыль [облетала] с кровли») — сборник ритуальных песен, синтоистских заклинаний и молитв, исполнявшихся в конце эпохи Хэйан (794—1192). Составлен экс-императором Госиракава (1156—1158). Сборник, согласно преданию, обязан своим названием некоему исполнителю песнопений китайцу Юй Гуну, который имел настолько сильный голос, что, когда он пел, с кровли облетала пыль. До нашего времени дошел только один раздел сборника (см.: Мацуо А., Сёкай Цурэдзургуса, стр. 34).

XV, 1. Укрыться тайком в храме или святилище — т. е. в буддийском или синтоистском храме, расположенном далеко в горах.

XVI, 1. *Кагура* — по японской мифологии, однажды богиня солнца Аматэрасу-омиками, обиженная своим братом, богом грома и молнии Сусаноо-но-микото, укрылась в гроте Ама-но-ивая, после чего на равнине Высокого Неба, в обиталище сонма богов, наступила тьма. Встревоженные боги решили хитростью выманить Аматэрасу из грота. Для этого в числе прочих предметов принесли музыкальные инструменты и принялись наигрывать веселую мелодию, под звуки которой богиня Амэ-но-удзумэ-но-микото пустилась плясать. Любопытная богиня вышла из грота. Мелодия и танец, исполнявшиеся при этом, получили название *кагура*. Впоследствии *кагура* стали исполнять во время ежегодных празднеств на площадках перед синтоистскими храмами Исэ, Камо и др. Существует несколько разновидностей *кагура*, но все они исполняются в масках, в сопровождении оркестра национальных инструментов.

XVI, 2. *Хитирики* — бамбуковая свирель, в древности завезенная из Китая; использовалась при синтоистских обрядах.

XVI, 3. *Бива* — разновидность лютни, завезенная из Китая (через Корею) в эпоху Нара (710—784); за время бытования в Японии несколько видоизменилась. К числу особенностей японской лютни относится то, что на ней играют при помощи плектрона, а не костяного медиатора, как в соседних странах.

XVI, 4. Японская арфа (здесь: *вагон*; называется также *яматогого* или *адзумагого*) — инструмент японский по происхождению, отдаленно напоминает гусли, шесть ее струн поддерживаются колками, корпус изготавливается из павлонии.

XVII, 1. Помраченность — по буддийским представлениям, вихрь жизни, суетного бытия, захватывающий человека и мешающий ему очиститься и погрузиться в вечный покой.

XVIII, 1. Сюй Ю — согласно преданию, китайский отшельник, живший на горе Цзишань. Император Яо (2156 г. до н. э.) предложил ему Поднебесную (свой престол), однако Сюй Ю, гласит предание, отказался и, заявив, что это ужасное предложение осквернило его уши, омыл их в р. Инчуань.

XVIII, 2. Сун Чэнь — в трехтомном собрании биографий знаменитых людей Китая *Мэнцзю*, написанном в 746 г. Ли Ханем, упоминается отшельник Сун Чэнь, происходивший из знатной семьи. Сун Чэнь, говорится там, воспет в стихах; в зимние месяцы он, не имея постели, спал на охалке соломы, которую утром убирал.

XIX, 1. Аромат цветущего апельсина в японской поэзии воспевается как воскрешающий нежные воспоминания о прошедшем.

XIX, 2. Изменчивый облик глициний — эту фразу можно понимать двойко. «Изменчивый» может относиться, во-первых, к форме ее цветков, чрезвычайно разнообразных на одной и той же ветке, и, во-вторых, к тому, что при малейшем дуновении ветерка бутоны глицинии опускаются и весь садик меняет окраску.

XIX, 3. Омовение Будды — храмовая служба и церемония, совершаемая по случаю годовщины со дня рождения Шакьямуни (в домэйзийской Японии — 2-й день четвертой луны, ныне — 8 апреля). Этот день впервые стали отмечать в Японии в правление императрицы

Суйко (593—628). Во время праздника строили маленькие пагодки, их украшали всевозможными цветами, внутрь помещали сосуд с водой, в который ставилась бронзовая фигурка Будды. Прихожане поливали голову Будды ароматной водой пяти сортов, пользуясь маленькими черпачками. Затем эту воду пили.

XIX, 4. Праздник — имеется в виду синтоистский праздник, отмечавшийся в Киото, в храмах Камо на 2-й день четвертой луны (ныне — 15 мая), когда солнце склонялось к западу (см. *даны* XII, CXXXVII и CCXXI).

XIX, 5. Когда в карнизы втыкают ирис — имеется в виду праздник ириса, или праздник мальчиков, проводимый в 5-й день пятой луны, — один из главных синтоистских праздников. В этот день, для того чтобы отогнать от семьи злых духов, в карнизы домов втыкают ирис и чернوبильник так, чтобы получился сплошной ковер. На обед готовят только рисовые клецки, которые подаются на бамбуковых листьях, и рисовые лепешки, завернутые в дубовые листья. Мальчиков облачают в шлемы, воинские доспехи и надевают на них оружие. Перед домами по числу сыновей в доме на высоких шестах вывешивают бумажных карпов (камп — символ смелости и силы, так как, плывя против течения, он преодолевает даже стремнины и водопады), направленных ртом против ветра, чтобы ветер надул их.

XIX, 6. Заклипания шестой луны — синтоистская церемония, совершаемая в последний день шестой луны во всех синтоистских храмах. Прихожане пролезают сквозь бамбуковое кольцо и читают заклинания перед определенным религиозным символом (*митэгура*) для очищения и умиротворения злых божеств.

XIX, 7. Празднование седьмого вечера — один раз в году, 7-й день седьмой луны, звезды Пастух и Ткачиха (Алтаир и Вега), плывя по Небесной Реке (Млечный Путь), встречаются друг с другом. В тот вечер на небо взлетают сороки, которые распластывают крылья и дают Ткачихе пройти по ним к Пастуху, как по мосту. Легенда эта пришла в Японию из Китая. Вечером 7-го дня японцы украшают ворота своих домов ветками криптомерии и бамбука и лентами разноцветной бумаги с написанными на них благопожеланиями. Всеобщим весельем и ликованием благословляется любовь Пастуха и Ткачихи и любовь всех юношей и девушек на земле.

XIX, 8. *Хаги* — многолетний кустарник из семейства бобовых — *Lespedeza bicolor*. С наступлением холодов начинают желтеть нижние листочки *хаги*.

XIX, 9. «Записки у изголовья» (*Макура-но соси*) — первое в японской литературе произведение жанра *дзуйхицу*. Автор — Сэй-сёнагон (см.: I, 4). Время создания — после 1000 г. В зависимости от списка делится на три или пять книг, но имеет хождение и в других вариантах. Наряду с «Повестью о Гэндзи» считается вершиной хэйанской прозы.

XIX, 10. Не высказывать того, что думаешь, — это все равно, что ходить со вспученным животом — выражение заимствовано из предисловия к *Окагами* (см.: VI, 5).

XIX, 11. Имена будд — имеется в виду буддийская церемония, проводившаяся при дворе с 19-го по 21-й день двенадцатой луны (первоначально — с 15-го по 17-й день). Главную храмовую статую Будды передвигают под особый навес, воскуривают перед ней фимиам, вокруг устанавливают складные ширмы с изображением ада и громко перечисляют имена будд трех миров (настоящего, прошедшего и будущего) из *Буддханамасутры*. В Японии церемония проводится с 775 г.

XIX, 12. Выход посыльного пред лотосом — обряд приношения жертвенного риса, собранного со всех провинций страны, гробницам предков императора. Обряд проводился кем-либо из высокопоставленных придворных чиновников, который и назывался Посыльным пред лотосом (лотос — *но* — в древности = ранний рис). В старину обряд этот совершался в 13-й, а затем в специально выбиравшийся «благоприятный» день двенадцатой луны.

XIX, 13. Изгнание демона — пантомима ритуального характера, разыгрывавшаяся при императорском дворе (а затем у всех синтоистских храмов) в ночь под Новый год. Участников пантомимы двое. Один изображает демона болезни, другой — его противника. Оба облачаются в живописные костюмы, лица закрывают масками. К наступлению Нового года демон должен быть изгнан из дворца (храма) через определенные ворота.

XIX, 14. Почитание четырех сторон — церемония, совершаемая императором в час тигра (ныне — в 5 ч. 30 м.) первого дня Нового года. Император выходил на Восточный двор дворца и совершал поклонение своим предкам, богам неба, земли, четырех стран света и глубин гор, моля об избежании зла, обилии в пяти злаках и преумножении богатства в наступающем году.

XIX, 15. Праздник душ — синтоистский праздник встречи с душами усопших предков. До конца XII в. проводился в последний день года, но позднее его стали отмечать в середине седьмой луны. Здесь описывается как раз то время, когда в столице этот праздник уже отмечали летом, а в отдаленных провинциях (Адзума) — зимой.

XIX, 16. Ряды сосенок — имеется в виду обычай *кадомацу*, состоящий в том, что в ночь под Новый год ворота домов украшаются молодыми сосенками (в позднее средневековье в некоторых провинциях вместо сосен стали употреблять бамбук). Согласно поверью, эти украшения угодны богам и предохраняют от болезней (сосна и бамбук — символы долголетия). Восходя к глубокой древности, этот обычай сохранился в Японии до настоящего времени.

XXI, 1. Юань и Сян (Юаньцзян и Сянцзян) — реки в провинции Хунань в Китае.

XXI, 2. Стихотворение взято из китайской поэтической антологии «Танские стихи по трем жанрам» (семисложные четверостишия, семисложные *люйши* и пятисложные *люйши*), составленной в первой половине XIII в. поэтом Чжоу Би (китайское название антологии — *Сань ти Тан ши*). Автор настоящего стихотворения — поэт Дай Шу-лунь (732—789), происходивший из Чжуанчжоу, долгое время служил чиновником в провинции Хунань. В стихотворении трактуется тема тоски по столице.

XXI, 3. Цзи Кан (223—262) — знаменитый китайский поэт эпохи Троецарствия. Один из Семи мудрых бамбуковой рощи. Настоящая фамилия — Си, прозвище — Шу-е. Цзи Каном стал называться после того, как ушел от мира на гору Цициань. Согласно преданию, любил играть на *цине*, изучал сочинения Лао цзы и Чжуан Чжоу.

XXII, 1. *Мотэ агэё, как и агэё* — грамматические конструкции, которые автор считает неправильными только потому, что они стали вытеснять в обиходе привычные уху *мотагэё* и *какагэё*.

XXII, 2. *Ниндзю татэ* — «челядь, стройся!» — команда дворцо-

вым служителям, держащим в руках зажженные сосновые факелы, подаваемая при выходе императора к ночной службе или церемонии.

XXII, 3. *Татиакаси* (или *татэакаси*) — разновидность сосновых факелов.

XXII, 4. *Сайсёко* — церемония, проводимая в императорском дворце Сэйрёдэн в течение пяти дней начиная со специально выбранного «благоприятного» дня пятой луны. Настоятели буддийских храмов Тодайзи, Кёфукудзи, Энрякудзи и Эндзёдзи в эти дни на торжественном соборе читают *Суварнапрабхасотгамараджасутру* в присутствии императора и его приближенных.

XXIII, 1. «Грядущий век упадка» — фраза не происходит из какого-либо конкретного сочинения, а отражает буддийскую и отчасти конфуцианскую концепции неуклонного ухудшения нравов и человеческой природы в целом.

XXIII, 2. *Девятиворотный* — поэтическое название императорского дворца в Киото, имевшего девять ворот (по образцу дворца в Чанъани).

XXIII, 3. *Росистый терем* — открытая беседка с помостом, устроенная между северной стеной дворца Сисиндэн и южной стеной дворца Дзиндзюдэн. Во время празднеств в ней исполнялись ритуальные танцы. Смысл названия: терем, внутренняя часть которого находится под открытым небом.

XXIII, 4. *Трапезная* — комната в западной части дворца Сэйрюдэн, где император завтракал и принимал придворных.

XXIII, 5. *Ставенки* — во дворце Сэйрюдэн, в домах придворных и в храмах набирались из дранки, не пропускающей солнечных лучей.

XXIII, 6. *Малый дощатый настил* — мощный дворик в южной части дворца Сэйрюдэн.

XXIII, 7. *Высокая раздвижная дверь* — дверь в том же дворце, устроенная на манер современных *сёдзи* (раздвигалась вправо и влево от центра).

XXIII, 8. «*Станкночи готовы!*» — команда, отдаваемая дворцовой прислуге во время празднеств. «Стан» (*дзин*) — здесь: место, отведенное на праздниках высшей придворной знати. Команда подается для зажжения факелов, когда наступают сумерки.

XXIII, 9. *Звон священных бубенцов* в зале Найсидокоро — имеются в виду бубенцы, используемые в священных танцах, которые исполнялись во время больших синтоистских празднеств в зале, где хранится один из символов императорской власти — священное зеркало Ята-но микагами (зал называется также Касикодоро).

XXIII, 10. *Первый министр Токудайдзи* — считается, что это Фудзивара Канэмото (1202—1265), однако некоторые исследователи (Сано Ясутаро и др.) склонны приписывать приведенную фразу его сыну Кинтака, который также был первым министром и умер в 1305 г., когда Урабэ Канэёси было 22 года. Токудайдзи — это ветвь фамилии Фудзивара.

XXIV, 1. *Храм на равнине (Но-но мия)* — название синтоистского храма, в котором принцесса крови, прежде чем отправиться на посвящение в храм Исэ по случаю вступления на престол нового

императора, в течение года проходит «очищение». Храм располагается на отвесной скале у р. Арисуми в провинции Ямасиро.

XXIV, 2. Тот, что в центре (*накаго*)— название Будды, происходящее, вероятно, оттого, что статуя Будды ставится часто в специальную нишу. Впервые такое обозначение встречается в многоотомном сочинении Х в. *Энгисики* («Установления годов Энги») (кн. 5).

Цветная бумага— для буддийских сутр в старину использовалась желтая и красная бумага.

XXIV, 3. Храмы богов— т. е. синтоистские храмы.

XXIV, 4. Вековые рощи— синтоистские храмы располагаются, как правило, в живописных местах среди старинных рощ.

XXIV, 5. Нефритовая ограда— поэтическое название ограды, которой бывает обнесен синтоистский храм.

XXIV, 6. Полотнища, висящие на священном дереве *сакаки*— обрядовые очистительные полотнища, сделанные из лубка тутового дерева, которые развешиваются вокруг храма. В современной Японии вместо них употребляют длинные и узкие полосы белой бумаги. *Сакаки*— вечнозеленое дерево *Cleyera ochinasea* [japōnica], почитаемое японцами как священное.

XXIV, 7. Исэ— один из самых крупных синтоистских храмов, расположен в провинции Исэ.

XXIV, 8. Камо— см.: XLI, 1.

XXIV, 9. Касуга— синтоистский храм в г. Нара, древней столице Японии, построен в эпоху Хэйан (IX—XII вв.), первоначально считался фамильным храмом рода Фудзивара.

XXIV, 10. Хэйя— синтоистский храм в г. Киото (прежде— уезд Кадоно провинции Ямасиро).

XXIV, 11. Сумиёси— большой синтоистский храм в уезде Сумиёси провинции Сэтцу (ныне— часть г. Осака).

XXIV, 12. Мива— молитвенное помещение (храма, как такового, нет) на горе Миваяма, в провинции Ямато, построенное в честь бога Омоноуси-но-ками.

XXIV, 13. Кибунэ— синтоистский храм в уезде Отаги провинции Ямасиро, построенный в честь бога Кураоками-но-ками.

XXIV, 14. Есида— фамильный храм рода Фудзивара, затем синтоистский храм, в котором долгое время предки Урабэ Канёси были настоятелями; родина писателя.

XXIV, 15. Охарано— также храм рода Фудзивара, расположен в уезде Отокуни провинции Ямасиро (ныне— в г. Киото).

XXIV, 16. Мацуноо— синтоистский храм в уезде Кадоно провинции Ямасиро.

XXIV, 17. Умэномия— фамильный храм рода Татибана, расположен в селении Умэдзу уезда Кадоно.

XXV, 1. Асукагава— река в уезде Такэти провинции Ямато; примечательна тем, что характер ее течения постоянно меняется, поэтому в традиционной поэзии название ее используется как синоним всего эфемерного, непостоянного. Так, в антологии *Кокинсю* (раздел «Смесь») есть следующее стихотворение неизвестного автора:

Этот мир,
Что в нем постоянно?
Вчерашняя заводь на Асукагава
Стала сегодня стремниной.

Считается, что настоящее сравнение взято Кэнко-хоси из этих стихов.

XXV, 2. Время проходит, следы деяний исчезают, уходят, сменяясь, радость, печаль — фраза заимствована целиком из предисловия к антологии *Кокинвакасю*.

XXV, 3. С кем побеседуешь о старине, если персик и слива не говорят? — смысл фразы заключается в том, что дома не вечны: они разрушаются; если дом и не разрушился, в нем уже не те жители; а персики и сливы, растущие в саду возле дома, остались такими же: они из года в год цветут такими же, как и в старину, цветами. Но деревья не могут ни о чем рассказать.

Мысль заимствована из стихотворения поэта Сугавара Фумитоки (899—981), помещенного в японской антологии стихов на китайском языке *Вакан розэйсю* (раздел «Смесь»), составленной в 1013 г. поэтом Фудзивара Кинто (966—1041):

Персик и слива не говорят,
Много весен прожив.
Дым и туман не имеют следов —
Это то, что жило в старину.

XXV, 4. Кёгоку — резиденция Фудзивара Митинага (966—1027). Дворец неподалеку от Киото. Фудзивара Митинага в 995 г. после смерти своего брата Митиканэ занял пост регента (*кампаку*) и оставался на этом посту в течение 30 лет. Три его дочери были замужем за императорами, и Митинага фактически правил страной вместо своих несовершеннолетних внуков. Во время правления Митинага род Фудзивара находился в зените власти и экономического могущества, дал многих талантливых писателей и ученых.

XXV, 5. Ходзё — буддийский храм в окрестностях Киото (ныне в черте города), в котором Митинага поселился после пострижения в монахи. По названию этого храма Митинага получил свое посмертное имя — Ходзёдоно.

XXV, 6. Желания людей постоянны, деяния же изменчивы — выражение заимствовано из сборника сочинений на китайском языке Хэйан — *Хонтё мондзуй* («Изысканная словесность нашей страны»), составленного ученым-конфуцианцем и поэтом, писавшим по-китайски, Фудзивара Акихира (989—1066). В первоисточнике фраза эта выглядит так: «Радость убывает — беда приходит; воля (желание) остается — дела меняются» (кн. 4).

XXV, 7. Мидодоно, или Мидо-кампаку — «Вельможа из храма» (или «Регент из храма»), так стали называть Фудзивара Митинага, когда он поселился в храме Ходзёдзи.

XXV, 8. Лишь его род останется опекуном императоров и опорой вселенной — система регентства в средневековой Японии пустила глубокие корни. Митинага, например, получил эту должность по наследству, передал ее своему сыну. Естественно, пока в руках Фудзивара находилась высшая государственная власть, представители этого рода занимали все крупные посты, включая военные.

XXV, 9. Большие ворота — имеются в виду храмовые ворота вообще. В храме Ходзё ворота были расположены в южной части, поэтому их называют также Южными воротами.

XXV, 10. Сёва («Справедливый мир») — девиз, под которым правил император Ханадзоно (1308—1318) в 1312—1316 гг.

XXV, 11. Зал Безмерно Долгой Жизни—«безмерно долгая жизнь» (*мурёдзю*)—буквальный перевод санскритского слова Amitabha (Amitayus), имени одного из двух важнейших будд восточного буддизма. Здесь: название одного из павильонов храма Ходзё. В 1331 г. этот павильон сгорел при пожаре.

XXV, 12. Девять будд—девять статуй будды Амитабы, олицетворяющих девять ступеней буддийского рая.

XXV, 13. Дзё и шесть сяку—японские меры длины: дзё—3,79 м, сяку—3,79 см; здесь: высота фигур.

XXV, 14. Кодзэй-дайнагон—прозвище знаменитого каллиграфа эпохи Хэйан Фудзивара Юкинари (972—1027). Юкинари был крупным чиновником и знатоком китайской поэзии.

XXV, 15. Канэюки—Минамото Канэюки, по происхождению феодал из провинции Ямато, известен как художник и каллиграф; годы жизни не установлены.

XXV, 16. Храм Хоккэ—храм буддийской секты гэндай (хоккэ), считающей основой религии так называемую «Лотосовую сутру» (Saddharmapundarikā, яп. *Хоккэкэ*).

XXV, 17. Мир, который не сможешь увидеть—т. е. этот мир, каким он станет после твоей смерти.

XXVI, 1. Цветы сердца человеческого, что блекнут и осыпаются даже и без дуновения ветерка—распространенное в классической поэзии сопоставление цветов, что легко осыпаются при дуновении ветерка, и влюбленного сердца, чувство в котором блекнет и исчезает даже без ветра. Так, в антологии *Кокинсю* (раздел «Весна») есть такой стих Ки-но Цураюки (883—946):

Да, осыпаются с вишни цветы,
Но неверное сердце людское
Изменяется,
Если и ветер не веет.

В той же антологин (раздел «Любовь») этот образ встречается и в стихотворении поэтессы Оно Комати (834—900):

То, что меняет свой цвет
На глазах, —
Это же цветы
Людских сердец.

XXVI, 2. В *Хуайнань-цзы*, сочинении ханьского принца Лю Аня (178?—122 г. до н.э.), в разделе «Шо Линь-сюань» (гл. 17) есть такое место: «Ян-цзы, увидев развилку дороги, заплакал, сказав, что по ней можно поехать и на юг и на север. Мо-цзы, увидев шелковую нить, заплакал, сказав, что ее можно окрасить и в желтый и в черный цвет». Слезы мудрецов были вызваны сознанием непостоянства человеческого сердца.

XXVI, 3. «Сто песен времен экс-императора Хорикава» — имеется в виду сборник, составленный в 1100 г. поэтом Фудзивара Кимидзанэ (1053—1107) из стихотворений 16 поэтов, живших в правление императора Хорикава (1079—1107). Название сборника (неофициальное) объясняется тем, что каждый поэт представлен здесь сотней стихотворений. Другое название сборника — *Таро хякусю*.

XXVI, 4. Стихотворение написано самим Фудзивара Кимидзанэ. «Фиалки, смешанные с тростником» — образ заброшенного, забытого сада, бывшего когда-то местом свиданий.

XXVII, 1. Передача государства — имеется в виду церемония передачи символов императорской власти другому монарху.

XXVII, 2. Меч, яшма и зеркало — в тексте: «меч, драгоценный камень и Найсидокоро» (зал во дворце, где хранится зеркало). Это так называемые *микуса-но кандакара* (или *сансю-но синки*) — три символа императорской власти в Японии. Согласно преданию, их вручила богиня Аматаэрасу-омиками богу Ниниги-но-микото, когда послала его на землю.

XXVII, 3. Новый монах-император — последний из отрёкшихся от престола императоров. К моменту написания «Записок от скуки» последним экс-императором был Ханадзоно, в 1318 г. отрехшийся в пользу своего двоюродного брата Годайго (1318—1338).

XXVIII, 1. Год всеобщего траура — год траура по умершему императору или императрице.

XXVIII, 2. Хижина скорби — временная постройка, в которой на время траура по императору поселялся наследный принц.

XXVIII, 3. На землю положены доски пола — в Хижине скорби пол настилался прямо на земле, чтобы приблизить живых к погребённым.

XXVIII, 4. Шторы из камыша — в обычное время использовались бамбуковые шторы.

XXVIII, 5. Ленты над шторами — во дворце над шторами протягивались ленты из тонкой, раскрашенной в яркие цвета материи. Во время траура на ленты идет грубое полотно мышинного цвета.

XXVIII, 6. Пояса — так называемые «плоские шнуры», в старину использовались для ношения холодного оружия, затем остались в виде украшения. Надевались поверх *хакама*, разрисовывались фигурами птиц и цветами. В знак траура яркие плетеные пояса заменялись темными, одноцветными. То же относится и к одеяниям, и к украшениям для мечей.

XXX, 1. Промежуточная тьма (будд. «семь седмиц») — сорок девять дней после смерти человека, когда он пребывает в состоянии между прежней жизнью и новым перерождением. В течение этого времени, по буддийскому учению, комплекс элементов (*дарм*), образующий личность, находится в состоянии «промежуточного бытия», после чего трансформируется, либо вступая в новый круг вихря бытия, либо, если такова карма покойного, достигая нирваны. На время Промежуточной тьмы близкие родственники умершего выезжают в горные или деревенские храмы, вблизи которых сооружают шалаш или нанимают хижину, где и живут все 49 дней, совершая установленные обряды (*ноти-но вадзадомо*).

XXX, 2. Тем, кто остался — родственникам покойного.

XXX, 3. «День за днем все далее покойный» — цитата из стихотворения в жанре *гуши*, помещенного в гл. 19 *Вэньсюань* (см.: XIII, 2):

С каждым днем все далее покойный,
С каждым днем все ближе нам живые...

XXX, 4. Установленный день — годовщина смерти.

XXX, 5. Эта фраза заимствована из стихотворного сборника *Бо-ши Чан-цин цзи* (см.: XIII, 3), ч. II, гл. 10, раздел 2:

...Какой человек в этой древней могиле? —
Не ведают ни прозвища, ни имени его.
Могилка сделалась обочиной дороги,
Из года в год весной здесь травы вырастают...

XXX, 6. В китайской и японской поэзии сосна — символ долголетия.

XXXIII, 1. Нынешний дворец — долгое время считалось, что это дворец Рэйсэн-банри-коро, восстановленный после пожара 1336 г., однако, как показала Сано Ясутаро (*Цурэдзурэгуса синко*, стр. 110—111), вероятнее всего, здесь имеется в виду дворец Рэйсэн-фукоро, первоначально бывший резиденцией дома Сайондзи, а затем восточной резиденцией императора Ханадзоно. Дворец этот был сожжен по приказу Асикага Такаудзи после бегства Годайго в монастырь на гору Хи-эйдзан.

XXXIII, 2. День переноса резиденции — церемония освящения нового дворца.

XXXIII, 3. Гэнки-монъин — монашеское имя матери императора Фусими (1288—1298), постриглась в 1291 г., умерла в 1329 г. в возрасте 83 лет. Монъин — титул, прибавляемый к имени императрицы-матери, постригшейся в буддийские монахини.

XXXIII, 4. Гребневидный проем — проход в стене дворца, имеющий приспособление для укрепления фонаря. Название происходит оттого, что в эпоху Хэйан этот проход сооружался в форме старинного японского гребня, своей конфигурацией напоминающего ноготь на руке (высота такого гребня превышала его длину). Позднее в верхней части прохода стали делать дополнительный выем овальной формы. Другое название проема — *катогути* — «отверстие для светильника».

XXXIII, 5. Канъиндоно — дворец в Киото, первоначально принадлежавший Фудзивара Фуюцугу (775—826) и его потомкам, а затем ставший резиденцией императора Госандзэ (1069—1072). Несколько раз подвергался перепланировке, неоднократно страдал от пожара. В течение последних 70 лет эпохи Камакура в этом дворце последовательно жили 8 императоров — от Готоба до Камэяма.

XXXIV, 1. *Кайко* — раковина *Lunella coronatus Corrensis*, имеющая своеобразный запах и используемая японцами для приготовления ароматических составов.

XXXIV, 2. *Хорагай* — раковина *Caronia tritonis*. Буддисты-отшельники дуют в отверстие такой раковины, чтобы извлечь звук, якобы настраивающий на благочестивые размышления.

XXXVIII, 1. В сборнике *Бо-ши Чан-цин цзи* (из. 21) помещено стихотворение «Воспевание вина». В этом стихотворении есть фраза: «Чем

после смерти громоздить деньги до Большой Медведицы, лучше при жизни пить вино». В данном случае Кэнко-хоси несколько переименовывает ее.

XXXVIII, 2. Высказывание содержит намек на стихотворение китайского поэта и писателя Фань Лу-гуна (911—964) (настоящее имя — Фань Чжи, второе имя — Вэнь Су, происходил из г. Цзучэна в районе Дамины):

...Отдавшись велению плоти,
Излишне великолепию любить;
Откормленных коней укутав
В покровы легкие из кожи,
Через селенья гордо проносится;
Такому может позавидовать мальчишка;
Ученый человек с презреньем отвернется
И стороной такого обойдет.

XXXVIII, 3. Фраза происходит из трактата *Чжуан цзы* (гл. «Гянь-ди»): «Золото схоронить в горах, драгоценности схоронить в бездне», но непосредственно взята, по-видимому, из сборника *Вэньсюань* (цз. 1): «Золото бросить в горах, сокровища утопить в [морской] бездне».

XXXVIII, 4. В тексте букв.: «имя, которое не погребают [в могилу вместе с телом]». В сборнике стихов Бо Цзюй-и (цз. 21) встречается такая строка: «Кости, которые погребают, и имя, которое не погребают».

XXXVIII, 5. Где появляется мудрость, там и ложь — фраза взята из *Лао цзы* (§ 18): «[Когда] отсутствует Великий Путь, есть человеколюбие; [когда] появляется мудрость, есть [и] ложь; [когда] нет мира среди шести кровных родственников (термин, обозначающий отца, мать, старшего брата, младшего брата, жену и детей. — В. Г.), есть любовь и почитание родителей; [когда] в государстве разброд, [в нем] есть [и] верноподанные». Мысль автора состоит в том, что в древности, когда все люди руководствовались естественными законами, лжи не было. Ложь появилась позднее, когда появилась мудрость.

XXXVIII, 6. Мирская суета (*бонно*) — по буддийским представлениям, всякое явление, пробуждающее в человеке волнение, желание или гнев — три состояния, нарушающие покой и, следовательно, определяющие последующее бытие, т. е. страдание.

XXXVIII, 7. Хорошо и плохо суть одно и то же — даосское положение, взятое Кэнко-хоси из *Чжуан цзы* (гл. «Ци у лунь»): «Однако, что рождается, то умирает; что умирает, то рождается; что хорошо, то [и] плохо; что плохо, то [и] хорошо...»

XXXVIII, 8. Пересказ идеи *Чжуан цзы*, высказанной в гл. «Да цзунши».

XXXVIII, 9. Согласно даосским доктринам, истинный человек, находясь на грани абсолютного, стоит выше различия между мудростью и глупостью, добром и злом. Эта идея проводится *Чжуан цзы* в главе «Сяояо ю».

XXXIX, 1. Хонэн-сэнин — основатель и проповедник секты дзёдо; посмертное его имя — Гэнку, псевдоним — Энко-дайси (1133—1212), происходил из Мимасака.

XXXIX, 2. «Поклоняюсь будде Ами та ба» (*Нэмбуцу* —

сокращенный вариант буддийской молитвенной формулы *Наму Амитадабуцу*, санскр. *Namo'mitābhaya Buddhāya*). Последователи секты дзёдо считают, что кратчайшим путем достижения нирваны является вера в будду Амитаба, который, будучи еще бодисаттвой, поклялся, что не достигнет вечного покоя до тех пор, пока не будет знать, что каждый, кто верит в него, возродится после смерти в его раю — Чистой земле Западного мира (Сукхавати). По учению Хонэна, для достижения этой цели нужно произносить *Нэмбуцу* по 60 000 раз в день.

XL, 1. *Праведник* — здесь: *нюдо* («ступивший на Путь», «принявший учение») — особая категория мирян, принявших постриг и надевших монашеские облачения. В отличие от обычных буддийских монахов они не уходили в монастырь, а продолжали жить в своей семье и исполнять прежние служебные обязанности, посвящая религиозной практике определенное время суток или сезон года (соотв. *басоку* — заимств. из санскрита).

XL, 2. Не может вступить в брак — собственно: «не может показаться на люди». Весь этот пассаж имеет юмористический подтекст. В древних японских медицинских сочинениях говорится о том, что, если наступило время выдавать девушку замуж, а брак почему-либо задерживается, она может впасть в недуг, выражающийся в различных экстравагантных поступках, в «пристрастии к необычным вкусам». Единственным лекарством от такой болезни считался брак. Очевидно, такой случай имел в виду Кэнко-хоси (см.: Нунами Такаэо, Цурэдзургуса кова, стр. 117).

XLI, 1. *Камо* — синтоистский храм в Киото, состоящий из двух частей — Верхнего Камо и Нижнего Камо. Возле Верхнего Камо — храма, выстроенного в честь бога Котоикадзуги-но-микото, — в 5-й день пятой луны (впоследствии — в 5-й день шестой луны) устраивались скачки, носившие ритуальный характер.

XLI, 2. Человек ведь не дерево и не камень — взято из китайской поэзии. В собрании стихов Бо Цзюй-и (цз. 4), в одном из *юэфу*, сказано:

Человек — не дерево и не камень:
Каждый имеет чувства.

В сборнике *Вэньсюань*, в стихотворении Бао Чжао (Бао Цаньцюнь, 421(?)—465(?) гг. н. э., поэт эпохи Лючао, второе имя — Мин Юань, прозвище — Бао Се), есть такие строки:

Человек — не дерево и не камень:
Как он [может жить] без чувств?

XLII, 1. *Карахаси-тюдзё* — Карахаси Масакиё, происходивший из рода Мураками Гэндзи. Потомок императора Мураками в восьмом колене. Тюдзё — воинское звание, позднее соответствующее званию генерал-лейтенанта (или вице-адмирала). Карахаси-тюдзё в 1223 г. постригся в монахи, умер в 1230 г. в возрасте 48 лет.

XLII, 2. *Гёга-содзу* — иерархическая лестница буддийских священнослужителей имеет множество ступеней. Высшие духовные

должности — это *содзэ* (некто вроде епископа), *содзу* (его помощник) и *рисси* (наставник аскетов). Духовные звания, или саны, имеют восемь степеней, из которых перечисленным выше должностям соответствуют: *хоин*, *хогэн* и *хоккё*. Таким образом, Гёга занимал вторую по важности должность в буддийской иерархии и имел сан *хогэн*, очевидно, был лицом известным в свое время, но биографических сведений о нем не сохранилось.

XLII, 3. *Ни-но маи* — один из шуточных танцев *кагура* — «танец двоих». Один из исполнителей надевает маску, изображающую смеющегося мужчину (*эмиомотэ*), другой — маску, изображающую безобразно опухшее женское лицо (*харэомотэ*). Эту последнюю и имеет в виду Кэнко-хоси. Маска *харэомотэ* раскрашивается в красный и черный цвета.

XLIII, 1. Решетки... были полностью опущены — решетчатая дверь, сделанная из узких четырехгранных лучинок, переплетенных по вертикали и горизонтали. Состоит из двух половинок — верхней и нижней. Для того чтобы открыть такую дверь, поднимают верхнюю ее часть: нижняя обычно крепится скобками и кольцами наглухо. В данном случае верхняя половина была опущена до конца, так что снаружи не было видно внутренних помещений.

XLIV, 1. *Каригину* (букв.: «охотничье платье») — одежда из цветного полотна с рисунком. Первоначально она служила для прогулок и охоты (отсюда и название). Позднее — повседневная одежда киotosкой аристократии. В средние века *каригину* стали шить из шелка высшего качества. Расцветка ткани и узор зависели от знатности и возраста владельца (поэтому Кэнко-хоси и упоминает здесь цвет одежды).

XLIV, 2. *Сасинуки* — разновидность *хакама*, старинных японских шаровар. Обычно *сасинуки* расшивались узорами, цветами и т. п. Густо-фиолетовые *сасинуки* носили молодые люди из знатных семейств.

XLIV, 3. *Сидзи* — подставка в форме скамеечки, на которую клали концы скрепленных между собой оглобелей, после того как из повозки выпрягали быков.

XLV, 1. Кинъё — Фудзивара Кинъё, член свиты императора, сын Фудзивара Санэтоси, занимавшего видное место при дворе в середине XIII в. Умер в 1301 г.

XLV, 2. Епископ Рёгаку — настоятель храма Энрякудзи, поэт; годы жизни его не установлены. Епископ (*содзэ*) — см.: XLII, 2.

XLV, 3. *Эноки* — *Cellis sinensis*, лиственное дерево, приносящее мелкие плоды, достигает больших размеров.

XLVI, 1. Янагивара — район Киото, прилегающий к ул. Муромати, по названию которой именуется целый период японской истории. В современном Киото сохранилась улица Янагивара.

XLVI, 2. *Хоин* — санскр. *dharma-uddāna*, высший буддийский сан в Японии (см.: XLII, 2).

XLVII, 1. Киёмидзу — храм буддийской секты хоссосю в Киото; сохранился до нашего времени.

XLVII, 2. *Ама-годза* [н] («сударыня монахиня») — вежливое обращение.

XLVII, 3. Послушник (*тиго*) — мальчик из знатной семьи, состоящий учеником при одном из высших служителей в храме или монастыре (как правило, младший сын в семье). По окончании срока послушничества либо принимал постриг, либо возвращался домой.

XLVII, 4. Хиэ (Хиэнояма, или Хиэйдзан) — гора на северо-востоке г. Киото, на которой расположен большой буддийский храм Энрякудзи.

XLVIII, 1. Сановник Мицутика — фаворит императора Готоба, один из активных противников диктатуры Ходзэ — Фудзивара Мицутика (1176—1221); занимал ряд высших придворных должностей; был убит в провинции Суруга по дороге в Камакура сторонниками второго *сиккэна*, Ходзэ Еситоки (1163—1224).

XLVIII, 2. Экс-император — имеется в виду Готоба, постригшийся в 1198 г., после отречения от престола.

XLVIII, 3. Сайсёко — см.: XXII, 6.

XLIX, 1. Чтобы стать на путь праведный — букв.: «чтобы впервые пойти по Пути», соблюдать буддийское учение.

XLIX, 2. Мудрец — здесь: буддийский священнослужитель высшего ранга (см. также: I, 5).

XLIX, 3. «Десять условий» из Дзэнрина — *Одзэ дзюин* («Десять условий, [необходимых для] возрождения в раю»), сочинение буддийского священника из рода Минамото, Эйкан-рисси (1032—1111), настоятеля храма Дзэнрин.

XLIX, 4. Молиться — первоначально храм Дзэнрин принадлежал секте сингон, но затем сгорел и был восстановлен Эйканом, после чего стал одним из главных центров школы Сэйсан секты дзёдо. Доктрины секты дзёдо предписывали своим последователям неустанно повторять имя будды Амитабы. Это условие поставлено Эйканом в упомянутом здесь сочинении на второе место среди десяти, необходимых для возрождения в раю. Поэтому мы переводим слово *нэмбуцусуру* как «молиться».

XLIX, 5. Синкай — монашеское имя Тайра (Ханадзона) Мунэтика, созерена провинции Ава. В конце XII в., после поражения в войне с Минамото, он постригся в буддийские монахи и вскоре отправился путешествовать по Китаю. Вернувшись на родину, много странствовал по северо-восточным провинциям и вокруг Киото, затем поселился в провинции Ямадзаки, но вскоре снова пустился в странствия.

XLIX, 6. Сидеть в удобной позе — в тексте: *сидзука-ни* — «спокойно», т. е. скрестив ноги.

XLIX, 7. Сидел всегда только на корточках — в кн. 2 буддийского сочинения *Итигон ходан* (см.: XCVIII, 1) сказано: «Высокомудрый Синкай обычно изволил сидеть только на корточках. Когда некто спросил его о причине этого, он ответил: „В трех мирах (степенях приближения к вечному покою: мире желаний, мире чувственного и мире нечувственного. — В. Г.) и шести путях (или сферах, входящих в мир желаний-страстей: в аду, среди демонов голода, среди птиц и

зверей, среди демонов зла, среди людей и среди небожителей. — В. Г.) нет места, [где бы] можно было восседать спокойно». Синкай полагал, что на различных ступенях достижения нирваны он не может заниматься ничем (и тем более заботами об удобствах для своей плоти), кроме молитв.

L, 1. Годы Отё — девиз правления императора Ханадзоно (1311 г.).

L, 2. Из провинции Исэ в столицу дошел слух — в тексте слово «столица» опущено. Понятие выражено глаголом (*агэритари* — «поднялся»).

L, 3. Сиракава — поселок к северо-востоку от Киото, ныне — в черте города.

L, 4. Сайондзи — буддийский храм в селении Кинугаса провинции Ямасиро. Современное название — Каэндзи (в черте г. Киото).

L, 5. Хигасияма — название гряды холмов к востоку от Киото.

L, 6. Агун (Агоин) — буддийский храм в уезде Атаго, возле Киото.

L, 7. Сидзё — улица в Киото.

L, 8. Итидзё и Муромати — название улиц в Киото.

L, 9. Имадэгава — в старину река, протекавшая в Киото с севера на юг со стороны ул. Итидзё; ныне река исчезла.

L, 10. Галерея императорского дворца — место, откуда императоры наблюдали за празднествами у храмов Камо (см.: XLI, 1).

LI, 1. Оигава — горная речка на юго-востоке провинции Ямасиро, берет начало в горах Курама, из Ямасиро течет в провинцию Тамба, где ее называют Ходзугава, и снова возвращается в Ямасиро под названием Оигава. Еще ниже по течению известна как Кацурагава. После слияния с р. Камогава, протекает по провинции Сэцу, где сливается с р. Едогава.

LI, 2. Дворец Камэяма — дворец, на месте которого находится ныне знаменитый буддийский храм Тэнрюдзи (провинция Ямасиро, уезд Кацурано), перестроен императором Госага из храма, к югу от р. Оигава. Название получил от расположенной рядом скалы в юго-восточных отрогах гор Окуяма, по виду напоминающей дракона (Камэяма — «гора Дракона»), а не по имени императора Камэяма. Однако император Камэяма после отречения от престола также жил в этом дворце (с 1274 г.).

LI, 3. Его величество — считается, что это экс-император Госага (отрекся в 1246 г.).

LI, 4. Ои — не название деревни, а наименование местности, прилегающей к Оигава, от истоков до того места, где река начинает называться Ходзугава (уезды Сага и Мацуо в Ямасиро).

LI, 5. Удзи — деревня (ныне — уездный центр), известная в старину искусными плотниками, рубившими плотины.

LII, 1. Ниннадзи — большой буддийский храм в деревне Ханадзоно (уезд Кацурано), ныне — в черте г. Киото; назван по девизу правления императора Коко (885—887), заложившего храм в восьмую

луну 886 г.; другое название храма — Омуро; принадлежит секте сингон.

ЛII, 2. Ивасимидзу — один из крупнейших синтоистских храмов, Ивасимидзу Хатимангу, или Отокояма Хатимангу, расположен в провинции Ямасиро на вершине горы Отокояма рядом с источником, известным прозрачностью воды (Ивасимидзу); посвящен культуре бога Хатимана (имя, под которым обожествлен «император» Одзин, 201—312).

ЛII, 3. Гокурадзи — один из так называемых синтоистско-буддийских храмов, расположенный у подножия горы Отокояма и подчиненный Ивасимидзу; до нашего времени не сохранился.

ЛII, 4. Кора (первоначально — Кавара) — два синтоистских храма (Верхний Кора и Нижний Кора) у подножия Отокояма, так называемые вспомогательные храмы, расположенные поблизости от главного места паломничества, рядом с Гокурадзи.

ЛIII, 1. По случаю пострижения некоего отрока (*варава-но хоси-ни нараму-то суру нагори-то тэ*) — «по случаю разлуки, [означающей, что один] отрок намеревался стать законоучителем (=монахом)». «Отрок» (здесь: *варава* или *варабэ*) — то же, что и *тиго* — «послушник» (см.: XLVII, 3). «Разлука» (*нагори*) — традиционная пирушка, которую устраивают монахи для послушника (прислужника) в ознаменование того, что он окончательно порывает (разлучается) с суетным миром. В число официальных обрядов не входит и осуждается высшим буддийским духовенством.

ЛIII, 2. Ни в книгах читать, ни получать устных наставлений — средневековые японские лекари учились своему искусству по старинным медицинским трактатам (преимущественно китайским) и устным наставлениям, из поколения в поколение передаваемым от наставника к ученику и хранимым в секрете от посторонних.

LIV, 1. Омуро — другое название храма Ниннадзи (см.: ЛII, 1), происходящее оттого, что в старину на том месте, где был построен храм, находились императорские сокровищницы (*омуро*).

LIV, 2. Монахи-музыканты — букв.: «монахи (*хосидо-мо*) — развлекатели, обладающие талантами», группы буддийских монахов (как правило, слепцов), игравших на музыкальных инструментах во время буддийских празднеств.

LIV, 3. *Вариго* — набор вложенных одна в другую лакированных коробочек, предназначенных для хранения пищи.

LIV, 4. *Нараби-но-ока* — тройная гряда холмов, идущая с севера на юг, от улицы Йтидзэ, в Киото, проходит южнее храма Ниннадзи. Среди этих холмов, неподалеку от Ниннадзи, некоторое время жил и сам Кэнко-хоси.

LIV, 5. Ах, нет ли кого здесь «осенние листья разжечь» — т. е. разжечь костер из осенних листьев, чтобы подогреть вино = выпить бы сейчас глоток вина! (сакэ пьют подогретым) — намек на строки из стихотворения Бо Цзюй-и (цз. 14):

[Чтобы] в лесу подогреть вина —
Красные (=осенние) листья разжечь.

[Чтобы] на камне стихи написать —
Зеленый мох разгрести.

LIV, 6. Монахи-чудодеи — т. е. монахи, усердными молитвами и штудированием буддийских сутр добившиеся способности творить сверхъестественное, молитвой вызывать чудеса.

LIV, 7. Сплетать пальцы (для магических жестов) — одна из «тайн» секты сингон, заключающаяся в имитации жестов будд, изображенных на *мандалах* — картинах, изображающих проявления могущества будды Осияния Великого Солнца (Вайрочана) — «всетворяющего источника Вселенной». Наряду с другими религиозными актами (чтением молитв, ритуальными танцами и пр.) предназначена вызывать эти проявления.

LVII, 1. Когда вы рассуждаете о стихах, читать плохие стихи не годится — в тексте употреблено слово *утамоногатари*, означающее: а) произведения, состоящие из перемежающихся прозаических и поэтических отрывков, типа *Исэ моногатари* (см.: LXVI, 7); б) рассказ о том, когда, где, кем и по какому поводу написаны данные стихи (такие краткие вступления часто предпосылались средневековым стихам). В данном случае это слово употреблено во втором смысле. Суть фразы: заслуживают объяснения только хорошие стихи, достойные внимания собеседника.

LVIII, 1. Учение — здесь: буддийское вероучение.

LVIII, 2. Ступил на Путь и ненавидит мирскую суету — т. е. постригся и стал отшельником.

LVIII, 3. У Камо-но Тэмэй в *Ходзэки* сказано: «У кого могуте-ство, тот и жаден...» (см.: Н. И. Конрад, Японская литература в образцах и очерках, стр. 269). Судя по построению фразы, здесь можно предположить намек на это высказывание.

LX, 1. Синдзёин — название части храма Ниннадзи (см.: LII, 1); так называемое *инкэ* — «жилище экс-императора» — отдельная пагода при храме, где жили монахи — экс-императоры или принцы крови.

LX, 2. Дзёсин-содзу — буддийский священнослужитель, годы жизни неизвестны.

LX, 3. Двести связок монет — старинные японские монеты делались с отверстием посередине, для того чтобы их можно было нанизывать на шнур. Первоначально связку (*кан*) составляли 1000 сэн (самая мелкая денежная единица), позднее — 960 сэн (мон).

LX, 4. Хики — денежная единица, равная 10 сэнам.

LX, 5. *Сироурури* — смысл этого слова не ясен, очевидно, это простой набор звуков.

LX, 6. Светильник Закона в секте — наиболее признанный знак буддийского учения своей секты, глава секты (в данном случае — секты сингон).

LX, 7. Почитался во всем храме — имеется в виду храм Ниннадзи.

LXI, 1. Бочонок (*косики*) — круглый деревянный сосуд с плетеным из бамбуковых побегов дном, основание его узкое, верх более широкий. Употребляется для приготовления риса на пару, для чего *косики* ставят на котел с кипящей водой. Обычай, о котором здесь говорится, связан с поверьем, будто для облегчения родов с крыши дома роженицы следует сбросить *косики* и произнести соответствующее заклинание. Возникновение этого обычая можно объяснить тем, что боль в пояснице обозначается словом, омонимичным названию этих бочонков (*коси-ки*). Этому мнению придерживается Д. Сэнсом (*The Tsuredzure gusa*, стр. 46). Другое объяснение: *ко-си-ки* — «плацента», «рубашка» омонимично *косики* (Са но Я с у т а р о, Цурэдзурэгуса синко, стр. 184).

LXI, 2. *Охара* (букв.: «большое поле») — деревня в окрестностях старого Киото. Название деревни звучит так же, как и *охара* — «большой живот». Таким образом, *охара-но косики* значит «бочонок [из деревни] Охара» или «послед».

LXII, 1. Энсэй-монъин (1259—1332) — дочь императора Госага от наложницы из рода Фудзивара, принцесса (с 25 лет) Эцуко. Энсэй — ее монашеское имя.

LXII, 2. Каждый стих рисует внешний вид одного из знаков алфавита *хирагана*, образующих слово *こいしく* — «любовно».

LXIII, 1. Адзари (санскр. *ācārya*) — букв.: «учитель», почетное наименование буддийских служителей высшего ранга; в секте сингон — наставник, посвящающий послушников в таинства службы; здесь: священник, организующий церемонию Госитинити.

LXIII, 2. Последующие семь дней (*госитинити-но мисихо* — вторая неделя Нового года) — буддийская церемония, проводившаяся в императорском дворце монахами секты сингон с 8-го по 14-й день первой луны. Монахи молятся в эти дни за сохранение спокойствия в государстве и за изобилие в пяти злаках (рис, просо, пшеница, ячмень и бобы) на грядущий год.

LXIII, 3. Когда-то во дворец прокрался вор — в сочинении *Сики моногатари* (см.: СХХХVIII, 6) говорится, что во втором году Дайдзи (1127 г.) в разгар церемонии *госитинити* во дворец проник вор, похитивший одеяния *адзари* и буддийскую утварь.

LXIV, 1. Повозка о пяти шнурах — старинные японские повозки, в которые впрягали быков, по сторонам имели ширмы, раздвигающиеся от центра. К этим ширмам прикреплялись кожаные шнуры, количество которых зависело от знатности владельца повозки. Различные виды ширм получали названия по количеству укрепленных на них шнуров. Для краткости так же обозначались и повозки с соответствующими ширмами.

LXVI, 1. Окамото-но-кампаку-доно — принц Фудзивара Иэхира (1282—1324), с 1313 г. — регент.

LXVI, 2. Симоцукэ-но Такэкацу — один из пяти прославленных сокольничих того времени. Годы жизни не выяснены.

LXVI, 3. В старой Японии был обычай прикреплять дичь, посы-

лаемую в подарок, к цветущей ветке определенной длины. Порода дерева выбиралась в зависимости от времени года.

LXVI, 4. Пятилистник — разновидность японской сосны.

LXVI, 5. Японские меры длины: сяку — 30,3 см, бу — 3,03 см.

LXVI, 6. Центральные ворота — в знатных домах ворота, расположенные внутри двора, между опочивальней и внешними воротами, ведущими на улицу.

LXVI, 7. *Исэ моногатари* — одно из самых старинных произведений японской повествовательной литературы (начало X в.); состоит из 125 отрывков, представляющих собой соединение стихов и прозы. Приписывается поэту Ариvara Нарихира (см.: LXVII, 2).

LXVI, 8. Долгая луна — одно из старых наименований девятого месяца лунного календаря.

LXVII, 1. Ивамото и Хасимото — небольшие и малоизвестные синтонские храмы, подчиненные Верхнему Камо (см.: XLI, 1). Ивамото (букв.: «подножие скалы») расположен между двумя скалами, справа от центрального храма, Хасимото (букв.: «основание моста») — на берегу ручья, слева от храма Камо.

LXVII, 2. Нарихира — Ариvara Нарихира (825—880), один из шести знаменитейших поэтов IX в. (*роккасэн*), впоследствии обожествленных потомками (его культу посвящен храм Ивамото), происходил из императорского рода. Он считается автором повести *Исэ моногатари*. Нарихира известен также как художник.

LXVII, 3. Санэката — Фудзивара Санэката, известный в свое время поэт, писавший в жанре *нагаута*. Его стихи составили сборник *Санэката-асон сю*. Культу Санэката посвящен храм Хасимото. В новое время Санэката уже не пользовался большой известностью в Японии. Умер в 998 г.

LXVII, 4. Ручей Омования рук (Митараси) — источник, где паломники совершали омования, протекал вблизи храмов Хасимото и Верхнего Камо.

LXVII, 5. Ёсимидзу-но-касё — прозвище буддийского монаха, поэта Дзиэн (1155—1225); посмертное имя — Дзитин. Прозвище дано ему по названию родового поместья его отца — регента Фудзивара Тадамити (1097—1164) — в Тояма. Касё (букв.: «наставник», «законоучитель») — тюркское слово *khōsha* (ходжа, санскритский эквивалент — *Uṣādhyāya*), пришедшее в Японию из Хотана (тюркское государство на территории нынешнего Синцзяна) через Китай в иероглифической записи 和尚 — в том чтении, какое ему сообщается последователями секты тэндай (Дзиэн был главой этой секты). В других сектах те же иероглифы читают иначе: в секте сингон — *вадзё*, в сектах дзэн и дзёдо — *осё*. Стихи Ёсимидзу-но-касё объединены в сборнике *Дзюосю*.

LXVII, 6. Коноэ (1252—1318) — фрейлина двора императора Камэяма (1260—1274); поэтесса, писавшая по-китайски; в конце жизни — буддийская монахиня.

LXVII, 7. Имадэгава — императрица Ёсико, супруга императора Камэяма. Имеется в виду время после отречения последнего от престола (1305 г.).

LXVII, 8. Предисловия к стихам — здесь: краткие вступления к стихотворениям, писавшиеся по-китайски, имеются в виду стихи на китайском языке (*си*).

LXVIII, 1. Цукуси — старое название о-ва Кюсю.

LXVIII, 2. *Орёси* — провинциальный чиновник, исполнявший полицейские и судейские обязанности одновременно в нескольких уездах. Назначался, как правило, двором из числа местных самураев.

LXIX, 1. Высокомудрый из храма Сёся — прозвище видного буддийского служителя эпохи Хэйан Сёку-сёнина (928—1007), данное ему за то, что, постригшись в монахи, он ушел в горы Сёся (провинции Харима), такие высокие, что до их вершин «не доносились даже голоса птиц». Высокомудрый — так мы переводим слово *сёнин*, обозначающее высший священный сан в японском буддизме (Д. М. Позднеев в своем словаре предлагает эквивалент «архиепископ») или священнослужителя, по своим добродетелям и мудрости превосходящего всех людей.

LXIX, 2. Священная книга «Цветок закона» (Хоккэ-кё) — т. е. *Saddharmapuṇḍarikasūtra*, взятая за основу веры сектами тэндай и нитирэн.

LXIX, 3. Шесть корней суеты — см.: шесть скверн (IX, 2).

LXIX, 4. Согласно преданию, вэйский Вэньди (Цао Пэй), опасаясь, что его может свергнуть с престола младший его брат, Цао Чжи (второе имя — Цзы Цзянь), решил казнить предполагаемого соперника и приказал ему сочинить стихотворение за то время, пока сам Вэньди сделает семь шагов. Невыполнение приказа грозило Цао Чжи смертью, и он исполнил повеление, сложив следующие стихи (есть несколько сходных вариантов):

Варили бобовый суп,
Процедив соленые бобы, сделали подливку;
Под котлом разожгли бобовую ботву.
Заплакали бобы в котле:
«Мы с вами родились от одного корня,
Как это ужасно — варить нас!»

После этого Вэньди растрогался и помиловал брата. История эта под названием «Стихи семи шагов» широко известна в Китае, она записана в «Троецарствии», но дошла до Кэнко-хоси, по-видимому, в устной интерпретации. Этим можно объяснить и несколько вольную ее передачу, и оформление в виде происшествия, случившегося с Сёку-сёнином. Нунами Такэо (*Цурэдзурэгуса кова*, стр. 194—195) считает, что Кэнко в иносказательной форме говорит здесь о современной ему меж-дособной войне.

LXX, 1. Высочайшие развлечения в зале Сэйсёдо. Сэйсёдо — один из девяти залов павильона Буракуин в императорском дворце в Киото. В этом зале один раз за время правления каждого императора — сразу после восшествия на престол — проводилась церемония Ниннамэацури, во время которой освящали хлебные злаки и поклонялись синтоистским богам неба и земли, дарующим государю счастливое царствование. После церемонии новый император приглашал присутствующих на пиршество, а после пиршества — на музыкальный праздник. Весь этот обряд и назывался «высочайшими развлечениями [в зале] Сэйсёдо».

LXX, 2. Гэнъо — девиз правления императора Годайго (1319—1320).

LXX, 3. Гэндзэ — бива, одна из достопримечательностей императорского дворца, национальный струнный инструмент, на котором играли во время дворцовых праздников. В *Кондзюку моногатари*, сборнике повестей, составленном в конце эпохи Хэйан, есть рассказ о том, как *гэндзэ* был похищен чертом, но потом найден и возвращен. Одно время считалось, что инструмент сгорел во время дворцового пожара в 980 г., но после пожара его обнаружили невредимым. В третий раз он был утерян в 1316 г. и найден вновь в конце 1319 г. (вскоре после описанного здесь случая).

LXX, 4. Кикутэй-но-отодо — Фудзивара Канэсуэ (1275—1339), сын принца Сайондзи Санэканэ, государственный деятель, родоначальник фамилии Имадзава. При дворе достиг должности первого министра, а в 1338 г. ушел в монахи, буддийское имя его — Какусэй.

LXX, 5. Бокуба — название другого старинного бива из императорского дворца.

LXX, 6. Церемония подношения богам — имеется в виду первая часть описанного обряда (см.: LXX, 1).

LXX, 7. Кадзюки (*кинукадзюки*) — старинная женская одежда в аристократических семьях, разновидность накидки, закрывающей голову, спину и лицо; надевалась для выхода на улицу.

LXXII, 1. Множество будд в домашнем алтаре — в старину во многих японских домах отводилось специальное место для статуэтки Будды, которого хозяин дома считал своим покровителем.

LXXII, 2. Множество детей в доме — см. *дан VI*.

LXXII, 3. Молитвенные книги — т. е. книги, где верующие записывают свои желания.

LXXII, 4. Благие деяния — таковыми считались: сооружение статуи Будды, сооружение пагоды, усердное чтение сутр, переписывание текста сутр и тому подобные добродетельные поступки, «совершаемые плотью, устами и мыслью».

LXXII, 5. Книжный ящик (букв.: «книжная телега») — передвижной крытый книжный ящик на двух колесах с оглобелями (*фугу-рума*).

LXXIII, 1. Свое дело — *митимити* — «стези», «поприща». Это может быть любой вид занятий: музыка, стихосложение, каллиграфия, столярное мастерство, стрельба из лука, знание буддийского канона и т. д.

LXXIII, 2. Мудрый человек удивительных историй не рассказывает — фраза, очевидно, основывается на положении из *Лунь юй* (раздел «Шуэр», цз. 7, § 21): «Философ не говорил об удивительном, о силе, о беспорядках, о духах».

LXXIII, 3. Будд и богов — имеются в виду буддийские и синтоистские святые.

LXXIII, 4. Перевоплотившиеся — т. е. бодисаттвы, личности, отказавшиеся от заслуженного ими покоя (погружения в нирвану) для того, чтобы помогать очиститься другим; часто принимают облик простых смертных. К ним буддийские проповедники нередко причисляют и высших священнослужителей, жизнеописания которых (например, в *Гэнко сякусэ* — произведении житийной литературы, напи-

санном в 1332 г. одним из представителей «литературы пяти холмов» — Кокан Сирэном) насыщены рассказами о чудесах.

LXXIV, 1. Принцип изменчивости — буддийская наивно-диалектическая концепция. Все в нашем мире меняется, нет ничего вечного. Однажды родившееся должно умереть. «Нечто, возникающее из ничто, неизбежно возвращается в ничто». Конечным может быть только безначальное (на этой идее основано учение о возможности достижения вечного покоя путем избавления от безначального страдания).

LXXV, 1. «Великое созерцание» (*Мака сикан*, кит. *Мокэ чжи-гуань*; *Мака* — транскрипция санскр. *Mañā*) — одна из трех основополагающих книг секты тэндай. Сочинение в 10 цзюанях китайского буддиста конца VI — начала VII в., основателя секты тяньтай (яп. тэндай) — Тяньтай-тайши (настоящее его имя — Чжи Дянь, второе имя — Дэ Ань; прозвище дано по названию горы Тяньтайшань, где Чжи Дянь жил долгое время).

LXXX, 1. Дикарь (*эбису* — «варвар») — так японцы называли айнов. Это же слово киотосцами эпохи Камакура использовалось для презрительного названия самураев — низших дружинников из Канто; в более широком смысле (в устах жителей столицы) — дикий, неотесанный воин; воин-провинциал.

LXXX, 2. *Рэнга* — первоначально японское стихотворение из 31 слога. Делилось на две части, каждая из которых сочинялась разными поэтами. С развитием этого жанра число таких частей стало увеличиваться практически неограниченно, так что возникали пятидесяти-, сто- и тысячестрофные *рэнга* (так называемые «длинные *рэнга*»). Соответственно этому увеличилось и число поэтов, участвующих в составлении одного стихотворения.

Строфы, составленные по строгому принципу (обязательная параллельность в построении стиха, строго определенная образность и т. д.), нанизывались одна на другую, причем каждый участник такого поэтического состязания имел возможность продемонстрировать свое превосходство над всеми остальными в умении пользоваться поэтическим материалом. В эпоху Кэнко-хоси «длинные *рэнга*» были очень модными, однако тогда число участников еще не превышало пяти-шести человек.

LXXX, 3. Если в ста сражениях ты одержишь сто побед — намек на одно из положений китайского военного трактата конца VI — начала V в. до н. э. *Сунь цзы* (гл. III, «Моугун» — «Стратегическое нападение», § 1): «...Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — победить чужую армию, не сражаясь» (пер. акад. Н. И. Конрада. См.: Н. И. Конрад, *Сунь цзы. Трактат о военном искусстве, перевод и исследование*, М.—Л., 1950, стр. 36).

LXXXII, 1. Тонъя — монашеское имя близкого друга Кэнко-хоси, также одного из «четырех небесных королей японской поэзии», Никайдо Садамунэ (1289—1372), ученика известного камакурского поэта Фудзивара Тамэё. Много стихов Тонъя вошло в антологию *Син*

сюсю. Собрание его стихотворений называется *Соансю* («Сборник стихов из травяной хижины»). Известны также сочинения Тонъя по поэтике.

LXXXII, 2. Кою-содзу — буддийский священнослужитель из храма Хэндзэ (провинция Ига), современный Кэнко. Годы жизни и мирское имя не выяснены.

LXXXII, 3. Внутренние и внешние сочинения — по буддийской терминологии «внутренним сводом» называются буддийские сутры, а «внешним сводом» — сочинения конфуцианских классиков.

LXXXIII, 1. Левый министр Тикурин-ин-но-нюдо — монашеское имя государственного деятеля эпохи Камакура Сайондзи Кимихира (1264—1315). Как можно видеть из его титула (*нюдо* — см.: XL, 1), занимая пост левого министра (см.: VI, 3), он был уже пострижен.

LXXXIII, 2. Левый министр Тоин — монашеское имя Фудзивара Санэясу (1269—1327), государственного деятеля и ученого эпохи Камакура. Санэясу принял постриг в чине *дайнагона* и, став правым министром, а затем и левым министром, продолжал носить сан *нюдо* («ступившего на Путь»).

LXXXIII, 3. Премьер — в тексте стоит слово *сёкоку* — так «на китайский манер» назывался первый министр (*дадзэ-дайдзин*).

LXXXIII, 4. «Раскаяние вознесшегося дракона» — среди формул *Ицзина* (одной из книг конфуцианского канона) есть следующая: 亢龍有頽海 (ч. 1, «Цянь» — «Творчество», № 1, VI). Ю. К. Щуцкий переводит ее так: «Возгордившийся дракон.— Будет раскаянье!» (Ю. К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», М., 1960, стр. 163). В комментарии к этому разделу (стр. 200) он пишет: «На этом, собственно, заканчивается творческий процесс. Все дальнейшее является лишь ненужным переразвитием. Раз творчество уже достигло своего полнейшего проявления и больше уже ничего создать нельзя, то тот, кто в этом положении все же захотел бы „творить“ еще дальше, проявил бы лишь свою излишнюю гордость, в результате которой ему пришлось бы раскаяться».

В данном случае мы сочли возможным перевести это выражение не как «возгордившийся дракон», а как «вознесшийся дракон», поскольку этот вариант, включая в себя и понятие, отмеченное Ю. К. Щуцким, обладает большей семантической емкостью и позволяет сохранить идею «движения дракона», заложенную, как нам кажется, в тексте («нырнувший дракон» — «дракон в поле» — «дракон в небе» — «вознесшийся дракон»). Японские комментаторы толкуют это выражение как «поднявшийся», «поднявшийся до предела дракон» («поднявшись до предела, он не имеет другого пути, кроме падения, отсюда — раскаянье»), однако Ю. К. Щуцкий, на наш взгляд, предлагает более верный перевод и комментарий.

LXXXIV, 1. Хоккэн-сандзо — японское произношение имени Фа Сянь-сяньцзана, знаменитого китайского монаха эпохи Цзинь. В 399—414 гг. он совершил путешествие в Индию и на Цейлон, где занимался изучением и переводом на китайский язык буддийских канонических книг. Это путешествие было описано им в книге *Фогоцзи*. *Сандзо* (*сяньцзан*) — 1) три составные части *Трипитаки* (буддийского канона): *кё* — «сутры», *рицу* — «винайи», и *рон* — «шастры»; 2) че-

ловец, постигший премудрости этих трех разделов *Трипитаки* и могущий быть наставником монахов и мирян-буддистов. Слово *сандзо* присоединяется к именам ученых-буддистов как почтительный титул.

LXXXIV, 2. Один человек — из дальнейшего изложения видно, что это не индеец, знавший Фа Сяня лично, а японец — современник Кэнко, слышавший эту историю от других.

LXXXIV, 3. Кою-содзу — см.: LXXXII, 2.

LXXXIV, 4. Трогательным, непохожим на то, что его сделал законоучитель — буддийского священнослужителя не должно трогать ни одно явление этого бренного мира, не должны волновать ни любовь, ни тоска, ни жалость, ни другие чувства.

LXXXV, 1. Свойство крайней глупости измениться не может — несколько измененная фраза из *Лунь юя* (раздел «Янхо», гл. 17, § 2): «Только высшая мудрость и крайняя глупость никогда не меняются [местами друг с другом]».

LXXXV, 2. Скакун — имеется в виду мифический конь, преодолевающий за один день расстояние в тысячу ри, — *сэнри-но ума* (кит. *цян ли ма*); в переносном смысле — талантливый, мудрый человек.

LXXXV, 3. Шунь — легендарный китайский император, знаменитый своей мудростью (XXIII в. до н. э.).

LXXXV, 4. Последние фразы представляют собой повторение и развитие идеи ханьского ученого Ян Сюна (второе имя — Цзы Юнь, происходил из провинции Сычуань), изложенной в сочинении, написанном в подражание *Лунь юю* и называвшемся *Янцзы фаянь* (гл. «Сюэсин», § 25): «Конь, желающий стать *цян ли ма*, сродни *цян ли ма*. Человек, желающий стать Янем, — последователь Яня» (Янь — это Яньюань, старший ученик Конфуция, обладавший, по преданию, большими способностями и незаурядным умом). У Мэн цзы (гл. «Цзиньсинь шан») написано: «Тот, кто встает с постели с петухами и усердно трудится ради блага, — последователь Шуня. Тот, кто встает с петухами и трудится ради прибылей, — последователь разбойника Чжэ» (Чжэ — известный разбойник древности; имя его стало нарицательным).

LXXXVI, 1. Корэцугу-но-тюнагон — Тайра Корэцугу (1266—1343), чин *тюнагона* получил в 1330 г.; с 1335 г. — «доктор стилистики». В 1342 г. постригся в монахи; монашеское имя его — Анги.

LXXXVI, 2. Талант воспевания ветра и луны — т. е. поэтический талант.

LXXXVI, 3. Вся жизнь он сохранял чистоту и читал сутры — под «сохранением чистоты» понимается соблюдение буддийских законов, помогающее остеречься «омраченности» явлениями светного мира. «Читал сутры» — имеется в виду чтение вслух. Обе добродетели — характерная черта примерного монаха, поэтому выражение «всю жизнь» некоторые комментаторы предлагают понимать как «всю свою монашескую жизнь» (см., например: Сано Ясутаро, *Цурэдзурэгуса синко*, стр. 234).

LXXXVI, 4. Храмовой монах (*тэра-хоси*) — так называли монахов храма Миидэра (Эндзёдзи) в отличие от монахов храма Энрякудзи, которых называли обычно «горными монахами» (*яма-хоси*).

LXXXVI, 5. Энъи-содзё — настоятель храма Миидэра, поэт, писавший в жанре *танка*; происходил из рода Фудзивара, годы жизни не установлены.

LXXXVI, 6. Бумпо — девиз правления императоров Ханадзоно и Годайго (1317—1319).

LXXXVII, 1. Удзи — здесь: местность в провинции Ямасиро, лежащая к югу от Киото (см. также: LI, 5).

LXXXVII, 2. Проводник — употребленное в оригинале слово *кутицуки* обозначает «бычник» или «конюх», но в данном случае может быть переведено как «проводник».

LXXXVII, 3. Прицепил к поясу меч — средневековый японский меч *будати* прикреплялся к поясу особым шнуром *обитори* и по виду отличался от самурайских мечей эпохи Токугава. В описываемый здесь период времени ношение меча еще не было признаком принадлежности к воинскому сословию — вооружались тогда все мужчины, независимо от их положения.

LXXXVII, 4. Кобата (читалось также: Кобата) — горное селение к северу от Удзи.

LXXXVII, 5. Повстречали монаха из Нара в сопровождении большого числа воинов — расположенные в древней японской столице буддийские храмы Тодайдзи, Кофукудзи и др. имели собственные вооруженные отряды из монахов, которые принимали участие в сражениях и несли охранную службу.

LXXXVIII, 1. «Сборник японских и китайских песен» (*Вакан рёйсю*) — стихотворный сборник, включающий произведения китайских (Бо Цзюй-и) и японских (Сугавара Фумитоки) поэтов на китайском языке (600 стихотворений) и японских (Ки-но Цураюки, Какиното Хитомаро) поэтов на японском языке (200 стихотворений). Составлен в правление императора Итидзё (987—1011). Относительно составителя сборника существуют различные версии, однако большая часть исследователей считает им поэта Фудзивара Кинто (см прим. 3).

LXXXVIII, 2. Оно-но Тофу (имя читается иногда как Митикадзэ, 896—966) — один из трех знаменитых каллиграфов эпохи Хэйан (двумя другими были Фудзивара Сукэмаса и Фудзивара Юкинари, — см. о нем: XXV, 14).

LXXXVIII, 3. Сидзё-дайнагон — прозвище (дано по названию местности, где было расположено его родовое поместье) хэйанского поэта Фудзивара Кинто (966—1041), писавшего стихи и на китайском и на японском языках, составителя нескольких поэтических сборников. Комичность описанного здесь случая в том, что Сидзё-дайнагон родился в год смерти Оно-то Тофу.

LXXXIX, 1. Кот-оборотень (*некомата*) — согласно поверью, старые кошки (как и некоторые другие животные — лисы, барсуки и др.) делают злыми и обретают способность вредить людям, принимая облик любого существа, в том числе человека. Одним из признаков оборотня является раздвоенный хвост.

LXXXIX, 2. Амида-буцу — здесь приставка к имени буддийского священника секты дзёдо, сочинявшего *рэнга*, носит несколько иронический оттенок (вроде русского «христосик»).

LXXXIX, 3. *Рэнга* — см.: LXXX, 2.

LXXXIX, 4. Гёгандзи (обиходное название — Кодо) — храм

секты тэндай (подчинялся центральному храму этой секты — Энрякудзи) на улице Итидзё в Киото.

ХС, 1. *Дайнагон-хоин* — это мог быть или монах, занимающий официальную должность при дворе (что вполне допустимо), или монах — сын некоего *дайнагона*. *Отодзурумару* — имя послушника.

ХС, 2. *Знал (сиру)* — в средневековых текстах этот глагол помимо прямого своего значения, в котором он употребляется в современном языке, имел значение «быть близким», «поддерживать (или вступать в) связь». Японские комментаторы считают, что в данном случае он употреблен как раз во втором значении (*дансёку канкэй*).

ХСИ, 1. Учение о темном и светлом началах (*онмёдо* или *онгёдо*) — древняя китайская натурфилософия. Темное и светлое начала (кит. *инь* и *ян*) — продукт деления так называемого великого предела — лежат в основе всего сущего, образуя при своем взаимодействии пять первоэлементов (дерево, огонь, земля, вода и металл). Конкретное применение учение о темном и светлом началах нашло в астрологии, изучении календаря и искусства гадания по палочкам. В задачи астрологии в древней и средневековой Японии входило определение по движению Юпитера «благоприятных» и «неблагоприятных» дней (см. прим. 3).

ХСИ, 2. Дни красного языка (*сякудзэцунити*), или Дни красного рта — получили свое наименование по имени так называемых шести божеств красного языка — демонов — стражей Западных ворот, самый жестокий из которых, Расацу, в эти дни заступает на стражу. Дни красного языка считаются неблагоприятными для начинания или завершения каких-либо дел (в первую и седьмую луну это 3-й, 9-й, 15-й, 21-й и 27-й дни; во вторую и восьмую луну — 2-й, 8-й, 14-й, 20-й и 26-й дни и т. д.).

ХСИ, 3. Благоприятный день — согласно традиции всякое дело имеет благоприятные и неблагоприятные для своего свершения дни. Приступая к нему, следует выяснить их и выбрать благоприятный (*кицудзицу*, или *китинити*). В колофонах японских рукописей и ксилографов, до мэйдзийских включительно, вслед за названием месяца часто ставилось «благоприятный день».

ХСИ, 4. Причины этого — имеется в виду зависимость начатого дела от удачно или неудачно избранного дня.

ХСИ, 1. За один миг (*иссэцуна*). *Сэцуна* — искаженное санскритское слово *кṣāṇa*, обозначающее предельно краткий промежуток времени — миг, мгновение ока и т. п. О продолжительности его можно судить по определению из сутры *Ниньокё*: «Мгновение (*итинэн*) содержит девять тысяч мигов (*сэцуна*)» — или по тому, что «за время одного щелчка проходит 65 мигов». В нашем случае имеется в виду миг, который требуется для того, чтобы отпустить тетиву.

ХICV, 1. Первый министр Токиван — прозвище Фудзивара Санэдзи (1194—1269). Фудзивара Санэдзи — придворный, на протяжении правления шести императоров (от Цутимикадо до Гофукакуса) занимавший высокие государственные посты. Первым министром стал в 1246 г. В 1260 г. постригся, монашеское имя его — Дзикку (см. также: CXVIII, 6).

XCIV, 2. Стражник (*хокумэн* [или *китаомотэ*]-но *буси*) — букв.: «воин (или страж) северной стены». Член военной охраны при особе экс-императора. Эта должность учреждена экс-императором Сиракава (отрекся в 1086 г.).

XCIV, 3. Высочайшее послание — поскольку речь идет о *хокумэн-но буси*, здесь, очевидно, имеется в виду послание, написанное рукой экс-императора.

XCv, 1. *Куриката* — два углубления в форме полумесяца, выдалбливаемые по обеим сторонам на крышках японских коробок (шкапулок), к ним обычно прикреплялись завязки.

XCvI, 1. *Мэнамоми* — дикорастущая степная трава семейства хризантем.

XCvII, 1. Для священника — законоучение — японские ученые объясняют это место так: если священник забывает истинный дух буддийских законов, он отдаляется от чистоты, и это вредит ему.

XCvIII, 1. «Немногословные благоуханные беседы» (*Итигон ходан*) — собрание высказываний руководителей буддийской секты дзёдо, составитель неизвестен, как неизвестно точное время создания, однако по именам упомянутых в сочинении буддийских проповедников можно установить, что *Итигон ходан* написано после 1287 г.

XCvIII, 2. Почтенные мудрецы — здесь великие или добродетельные буддийские священнослужители высших рангов.

XCvIII, 3. Грядущий мир (*госэ*); здесь: в смысле «буддийский рай».

XCvIII, 4. Горшок для соуса — горшок для соуса из рисовых отрубей, грубая посуда повседневного пользования.

XCvIII, 5. Статуэтка — здесь: маленькая статуэтка Будды.

XCvIII, 6. Освободившись плотью — т. е. избавившись от ненужных безделушек, драгоценностей, суетных забот, которые привлекают к вихрю бытия (т. е. страдания).

XCIX, 1. Первый министр Хорикава — прозвище Кога (Минамото) Мототоми (1232—1297), занявшего пост первого министра в 1289 г. В 1296 г. принял постриг.

XCIX, 2. Богач — в тексте: *таносики хито* (*таносики*). Существуют самые разные толкования этого слова. Комментаторы позднего средневековья считали, что оно означает «интересный». В наше время одна часть исследователей полагает, что в этом слове опущен слог *мо* и оно должно читаться как *таномосики* — «веселый» (Цукамото Т.), другая отдает предпочтение толкованию его как *таносии* — «богатый». Это последнее толкование имеет наибольшее распространение в последних работах о «Записках от скуки». В пользу него свидетельствует и появление прямой идейно-тематической связи с предыдущим *даном*, пропадающей при других толкованиях.

XCIX, 3. Мототоси (1261—1319) — второй сын Мототоми, был управляющим сыскным департаментом в 1285—1286 гг.; дослужившись до чина *кэн-дайнагона*, ушел в отставку.

ХСІХ, 4. Управляющий сыскным департаментом (*дайри*, или *кэбииси бэтто*) — должность, учрежденная в 839 г., соответствует современной должности начальника полицейского управления.

ХСІХ, 5. Китайский сундук — название особого рода сундуков на шести коротких ножках, с замком. Первоначально они использовались для хранения вещей в дороге, затем как сейфы для бумаг служебного пользования.

С, 1. Кога — прозвище поэта и государственного деятеля Минамото Митимицу (1187—1248).

С, 2. *Тономодзюкаса* — слуга (или служанка), выполняющий различные хозяйственные работы в императорском дворце (отопление, освещение, согревание воды для мытья и т. д.).

С, 3. Этот случай комментаторы объясняют по-разному. По мнению Д. Сэнсома, например, Кога хотел показать, что во дворце все сосуды, и не только глиняные, священны и чисты (*The Tsuredzure gusa*, стр. 65). Нунами Т. видит здесь противопоставление первого министра Кога, любившего простоту, первому министру Хорикава, склонному к роскоши, который упоминался в предыдущем *дане* (*Цурэдзурэгуса кова*, стр. 275—276). Цукамото Т. считает, что это один из рассказов о людях, хорошо разбирающихся в тонкостях древних обычаев (*Цукай Цурэдзурэгуса*, стр. 238). По нашему мнению, этот отрывок с точки зрения композиции всего произведения можно расценивать как переходное звено от группы *данов*, содержащих проповедь некоторых сторон буддийского учения (с осуждением склонности к расточительству в *дане* 99), к серии записей (от *дана* 101 и далее) о придворных обычаях и случаях из жизни императорского двора. Таким образом, Кога-сёкоку являет, как нам кажется, пример совмещения нравственных идеалов буддизма (в части скромности запросов) с образцовым соблюдением придворной (и в данном случае снитоистской) этики. Версия Д. Сэнсома вряд ли может быть принята.

СІ, 1. *Найбэн* — один из двух высших сановников, наблюдающих за ходом церемоний при дворе под началом так называемого *сондзя*.

СІ, 2. Церемония возложения полномочий министра — зачтение императорского рескрипта о назначении нового министра связано со строгим ритуалом. По такому случаю во дворце собираются все чиновники, и после торжественного обряда посвящения виновник торжества угощает присутствующих, всех — от *сондзя* до писцов (так называемое Великое угощение).

СІ, 3. Императорские рескрипты, касающиеся государственных праздников, назначения высших чиновников, проведения придворных церемоний и т. д., писались только по-японски, без употребления китайских слов.

СІ, 4. *Найки* (или *ути-но-сирусу-цукаса*) — один из секретарей ведомства *накацукасасё*, составлявших императорские рескрипты (исторические хроники и различные распоряжения частного характера готовили другие чиновники), в число которых входили и указы о повышении в ранге. Повеление императора через специального сановника передавалось *найки*, составлявшим на его основе текст указа, который тем же путем, но в обратном порядке поступал на утверждение императо-

ру, после чего снова возвращался к *найки*. Утвержденный текст *найки* обязан был передать *найбэну* до начала церемонии.

CI, 5. *Гайки* шестого ранга Ясуцуна — Накахара Ясуцуна (1290—1339). *Гайки* — чиновник высшего императорского совета, выполнявший функции секретаря. На эту должность назначались обычно представители рода Киёхара и Накахара, из которых вышли многие ученые того времени.

CI, 6. *Кинукадзюки* — см.: LXX, 7.

СII, 1. Ин-но-дайнагон Мицутада-нюдо — Минамото Мицутада (1284—1331). *Ин* — сокращение от *дандзёин* (или *тодасацукаса-но ками*) — так назывался начальник *дандзёдай*, ведомства, первоначально исполнявшего функции центрального юридического и полицейского органа, а с 836 г., когда полицейские его функции были переданы в *кэбииси*, — юридического управления при дворе. Слово *нюдо* относится, по-видимому, к последнему отрезку жизни Мицутада, когда он уже носил буддийское имя Кэнтю.

СII, 2. Обряд изгнания демона — см.: XIX, 13.

СII, 3. Правый министр Тоин — см.: LXXXIII, 2.

СII, 4. Коноэ-доно — имя неизвестного придворного. Сано Ясутаро (*Цурэдзурэгуса синко*, стр. 268) предполагает, что здесь имеется в виду Фудзивара Иэхира (см.: LXVI, 1).

СII, 5. Стан — см.: XXIII, 9.

СII, 6. *Гайки* — см.: CI, 5.

СIII, 1. Храм-резиденция Дайкаку — буддийский храм в Сага, где жил экс-император Гоуда (отрекся в 1278 г.).

СIII, 2. Тадамори — потомок древних иммигрантов, ведущих свою родословную от корейского принца Ати-но Оми (III—IV вв.) и получивших в Японии фамилию Тамба. Представители рода Тамба были наследственными придворными лекарями. Фамилия произошла от названия провинции (см.: CCXXXVI).

СIII, 3. Кинъакира — Фудзивара Кинъакира (1281—1336). Он получил чин *дайнагона* в 1336 г., поэтому указание на него в «Записках» считается позднейшей интерполяцией (см.: Хисамацу Сэньити. Нихон бунгаку си, стр. 191).

СIII, 4. *Кара-хэйдзи* — загадка построена на игре слов. Тезка лекаря — Тайра Тадамори (1096—1153) управлял провинциями Харима, Исэ и Бидзэн. Основанная им ветвь дома Тайра стала называться поэтому Исэ-но Тайра или Исэ Хэйдзи. Так же называли часто и самого Тайра Тадамори. В нашем случае название японской провинции заменено старинным названием Китая (Кара). Это намек на иноземное происхождение лекаря. Но сочетание *кара-хэйдзи* уже не воспринимается как «китайский род Тайра», поскольку под этим названием в Японии были широко известны так называемые китайские бутылки — особая разновидность металлических сосудов для хранения уксуса.

СIV, 1. Утро, какое бывает в апреле — в тексте употреблено старинное поэтическое название четвертой луны — *уцуки*. С переходом на европейский календарь эта луна приходится на май — начало июня.

CVI, 1. Святейший Сёку из Коя — Коя-но Сёку-сёнин, буддийский священнослужитель высшего ранга из храма, расположенного на горе Коядзан, неподалеку от Киото. Подробных биографических сведений о нем не сохранилось.

CVI, 2. *Бикунни* ниже *бикку*, *убасоку* ниже *бикунни*, *убаи* ниже *убасоку* — согласно буддийским канонам, все последователи будды Гаутамы делятся на четыре категории: *бикку* (санскр. Bhikṣu) — монахи, *бикунни* (санскр. Bhikṣuṇī) — монахини, *убасоку* (санскр. Upāsaka) — верующие миряне-мужчины и *убаи* (санскр. Upāsikā) — верующие миряне-женщины. Первые две из них уходили из дому в храмы (*сюккэ* — санскр. anāgāra), вторые две жили дома (*дзайкэ* — санскр. sāgāra).

CVII, 1. Во времена экс-императора Камэяма — т. е. в те времена, когда Камэяма был правящим императором (1260—1274).

CVII, 2. Внутренний министр Хорикава — Минамото Томомори (1249—1316); другое прозвище — Ивакура; внутренним министром стал в 1313 г.; старший сын первого министра Минамото Мотомото (см.: XCIX, 1).

CVII, 3. Ивакура — так называлось поместье Томомори в уезде Отаги провинции Ямасиро, к северо-западу от Верхнего Камо (см.: XLI, 1), ныне оно находится в черте г. Киото.

CVII, 4. Прежний регент Дзёдодзи — прозвище, которое в последние годы жизни дали Фудзивара (Кудзё) Моронори (1276?—1320). Нося звание регента, Моронори в 1308 г., с восшествием на престол императора Ханадзоно, был назначен высшим регентом империи (*сэссё*), но в том же году ушел в отставку и поселился в храме Дзёдодзи.

CVII, 5. Монахиня-императрица Анки — Арико (1197—1286), супруга императора Гохорикава. Анки — ее монашеское имя. После пострижения она жила в храме Дзёдодзи.

CVII, 6. Левый министр Ямасина — Фудзивара (Сайондзи) Санзо (1217—1273). Другое прозвище — Доин-садайдзин. В 1261 г. занял должность левого министра, в 1263 г. ушел в отставку, а в 1273 г. — перед самой смертью — постригся в монахи.

CVIII, 1. Никто не жалеет мгновений — имеются в виду мгновения, затраченные впустую.

CVIII, 2. Праведный муж — здесь: человек, который стремится постичь буддийское учение.

CVIII, 3. Удобства (*бэнри*) — Д. Сэнсом почему-то переводит это слово как *drinking* (*The Tsuredzure, gusa*, стр. 70), однако в данном случае это — буддийский термин, который имеет значение «отправление естественных надобностей» (см.: Мацуо А., Сёкай Цурэдзурэгуса, стр. 195).

CVIII, 4. Се Лин-юнь (в японском чтении — Сярэйун, 385—433) — китайский поэт эпохи Шести династий. Другое имя — Се Канлэ. Передают, что он вел расточительный образ жизни, увлекался магией, имел много учеников и слуг, любил путешествовать.

CVIII, 5. *Хоккэ* — см.: LXIX, 2.

CVIII, 6. Хуэй Юань (в японском чтении — Эон, 334—416) — китайский монах, проповедник буддизма и основатель «Общества верующих в учение Будды».

CVIII, 7. Белый лотос (или Община Белого лотоса) — буддийская секта, созданная в Китае в IV в. н. э., объединяла 123 монаха и мирянина. Главный храм — Дунлин. (Правда, О. О. Розенберг считал, что ее нельзя причислять к буддийским сектам, хотя она и «имеет отношение к буддизму». См.: О. О. Розенберг, Проблемы буддийской философии, Пг., 1918, стр. 298.)

CX, 1. *Сугороку* — игра, отдаленно напоминающая шашки. В Японию пришла через Китай из Индии. Древнее название — *сугуроку*. Доска разделена на клетки двенадцатью вертикалями и двенадцатью горизонталями. На доске 30 фигур («каменей») — 15 белых и 15 черных.

CXI, 1. Игра в шахматы (*го*) и шашки (*сугороку*) была очень распространенной в Японии и сама по себе зазорной не считалась.

CXI, 2. Четыре тяжких и пять великих грехов — к числу первых относятся: убийство, воровство, прелюбодеяние и ложь; ко вторым — отцеубийство, убийство матери, убийство архата (человека, достигшего святости в отрешении от мирских забот и вступающего в нирвану), пускание крови из тела Будды и нарушение гармонии среди священнослужителей (грех самый великий из пяти, поскольку следствием его является несоблюдение верующими всех заветов Будды).

CXII, 1. Человек, готовый уйти в потусторонний мир или оставить мирскую суету для самоусовершенствования, не должен вмешиваться в дела других ни участием, ни состраданием, ни другим каким-либо способом и тем уподобляется людям, переживающим потрясение. У таких людей никто не требует внимания.

CXII, 2. День меркнет, но дорога еще далека — фраза, которую, по преданию, сказал Бо Цзюй-и (см.: XIII, 3) в возрасте 71 года.

CXIV, 1. Имадэгава — первый министр, князь Фудзивара Канэсуэ (см.: LXX, 4).

CXIV, 2. Сага — деревня неподалеку от г. Киото.

CXIV, 3. Арисугава — небольшая речка на восток от цепи холмов Фунаока. В настоящее время в районе г. Киото речки с таким названием нет.

CXIV, 4. Неотесанный мальчишка — слово «мальчишка» (*варава*) не относится к возрасту бычника. В старину слуги, ухаживавшие за быками, носили детскую прическу и костюм мальчика.

CXIV, 5. Удзумаса — прозвище регента Фудзивара Нобукиё (1159—1216). Несовпадение по времени жизни Фудзивара Канэсуэ и Фудзивара Нобукиё дает основание полагать, что здесь автор спутал Канэсуэ с его отцом — Сайондзи-дадзё-дайдзином Санэканэ.

CXIV, 6. Хидзаситти и др. — клички, даваемые коровам. Смысл слов не ясен.

CXV, 1. Сюкугахара — название равнины на берегу г. Тамагава в провинции Мусаси.

СХV, 2. *Бороборо* (*борондзи, бондзи, кандзи*)— старые названия нищенствующих монахов (*комусо*). *Бороборо* стригли волосы на голове, носили рубища и были вооружены мечами. Они группами бродили по всей стране, бесчинствовали и доставляли много неприятностей населению.

СХV, 3. Молитва о девяти ступенях возрождения в раю — каждый человек в раю Сукхавати, по буддийским представлениям (секта дзёдо), под руководством Будды проходит девять ступеней очищения, после чего может достигнуть нирваны. *Кухон-но нэмбуцу* — очевидно, молитва, распространенная среди нищенствующих монахов.

СХV, 4. Здесь и дальше словом «монах» мы переводим японское *боро* (*бороборо*).

СХVII, 1. Интересное соображение по поводу этого положения высказал Сано Ясутаро (*Цурэдзурэгуса синко*, стр. 307). Если сопоставить положение о том, что плохим другом считается никогда не болеющий, физически крепкий человек, а хорошим другом — лекарь, пишет он, то можно предположить, что, когда Кэнко-хоси писал этот *дан*, здоровье его не было крепким.

СХVII, 2. Приведенное рассуждение наваяно, очевидно, аналогичным рассуждением Конфуция (*Лунь юй*, гл. XVI, «Цзи-ши», § 4): «Полезных друзей 3 и вредных 3. Полезные друзья — это друг прямой, друг искренний и друг, много слышавший. Вредные друзья — это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтливый (краснобай)». (Цит. по кн.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Перевод с китайского с примечаниями, СПб., 1910, стр. 102.)

СХVIII, 1. *Мацудаке* — род съедобного гриба (*Armillaria edoes*).

СХVIII, 2. Над августейшей купальней (*Оюдоно-но уэ*) — так называлась одна из комнат в северной части императорского Дворца Чистой Прохлады в Киото. Она была расположена рядом с кухней и предназначалась для согревания воды и хранения снеди.

СХVIII, 3. Возражений не вызывают — т. е. не рассматриваются как нарушение этики и могут храниться в императорских кладовых незавернутыми.

СХVIII, 4. *Китаяма-ниюдэ* — Фудзивара Санэджи (см.: ХСIV, 1).

СХVIII, 5. Полка для снеди (*куромидана* — «черная полка») предназначалась также и для хранения посуды.

СХVIII, 6. Принято считать, что здесь имеется в виду вторая дочь Фудзивара Санэджи — Кимико (1232—1304), известная впоследствии под именем Тонидзэ-ин, супруга императора Гофукакуса. Однако не исключена возможность, что это старшая дочь Санэджи — Ёсико (1225—1292), супруга императора Госага и мать императоров Фукакуса и Камэяма.

СХIX, 1. Море у Камакура — залив Сагами в районе провинции Канагава.

СХIX, 2. Этот *дан* написан, вероятно, под впечатлением путешествия на восток страны. На нем современная поэтесса и писательница Ёсано Акико (1877—1941) построила свой рассказ «Макрель» (см.:

Есано Акико хэн, Танка бунгаку дзэнсю, Токио, 1936, стр. 249—253). Рассказ написан в 1931 г.

СХХ, 1. «Не цени вещей, привезенных издалека» — цитата из конфуцианской канонической книги исторических преданий *Шу цзина* (гл. VII): «Если не ценить вещей, издалека [привезенных], то далекие [от тебя] люди [сами] придут [служить к тебе]».

СХХ, 2. «Сокровище, которое досталось с трудом, дороже не цени» — имеется в виду фраза из *Лао цзы* (гл. «Бушан сянью»): «Не цени таких товаров, которые трудно достать. Тогда народ не будет грабить».

СХХI, 1. Цзе и Чжоу — мифические тираны древности, чьи имена стали синонимами жестокости. Цзе — последний император династии Ся, Чжоу — последний император династии Шан-Инь. Жили во II тысячелетии до н. э.

СХХI, 2. Ван Цзы-ю — прозвище китайского каллиграфа Ван Хуэй-чжи (конец IV — начало V в.), славившегося любовью к бамбуку.

СХХI, 3. Имеется в виду фраза из *Шу цзина* (гл. VII): «Редкие птицы и диковинные звери не разводятся в государстве».

СХХII, 1. Под «учениями мудрецов» здесь имеются в виду концепции конфуцианских классиков.

СХХII, 2. Долг в отношении господина и родителей — «долг верноподданничества и почитания родителей», являющийся одной из важнейших добродетелей по конфуцианским канонам.

СХХII, 3. Шесть искусств — согласно конфуцианским доктринам, шесть главнейших предметов, которыми должен овладеть благородный человек: правилами вежливости, музыкой, стрельбой из лука, управлением экипажем (или верховой ездой), каллиграфией и арифметикой.

СХХII, 4. Пища — небо человека — положение, вытекающее из древнекитайской философии, считающей, что небо породило человека. В танском сочинении, описывающем образцы, которым должны следовать монархи в управлении подданными, — *Дифань* (цз. 4, гл. «У-нун», § 10) сказано: «Пища — небо человека; земледелие — основа управления». В «Исторических записках» Сыма Цяня («Биография Ли Ши-цзи») есть такое место: «Народ — небо для государя, а пища — небо для народа». Слово «жизнь», которым в некоторых старых изданиях «Записок от скуки» заменено слово «небо», является, по-видимому, позднейшей вставкой.

СХХII, 5. Мастерство — здесь имеются в виду прикладные занятия — столярное, камнерезное и тому подобные ремесла.

СХХII, 6. Слишком многих талантов благородный человек стыдится — намек на следующее место из *Лунь юя* (гл. IX, «Цзы-хань», § 6): «Один президент палаты чинов спросил у Цзы-гуна: ведь философ мудрец? Как много у него талантов. Цзы-гун сказал: верно, небо щедро одарило его, приблизив к святости, и еще даровало ему много талантов. Конфуций, услышав об этом, сказал: президент палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много вульгарных (низких) профес-

сий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 48).

СХХIV, 1. Дзэхо-хоси — монах, современник Кэнко-хоси, поэт. Подробных биографических сведений не сохранилось. Его стихи вошли в антологию серии *Нидзюитидайсю: Син сэндзай вакасю* и *Син госяю вакасю* (XIV в.).

СХХIV, 2. Дзёдо — буддийская секта, основанная в 1175 г. Энко-дайси, или Хонэн-сёнином (см.: XXXIX, 1). Основой веры в ней считаются сутры: *Мурёдзюкё* (*Sukhāvatīvyūha-sūtra*), *Буссэцу мурёдзюкё* и *Амидакё* (*Amita-sūtra*). Ее последователи отвергают самостоятельное достижение нирваны. Главным путем к спасению считают веру в будду Амитаба (см. также: XXXIX, 2).

СХХV, 1. Обряд сорок девятого дня — буддийская служба и церемония, проводимая на 49-й день после смерти человека, в так называемый «последний день промежуточной тьмы» (см.: XXX, 1 и 2).

СХХV, 2. Оставленные в этом мире — т. е. те, у кого умер родственник.

СХХV, 3. Некогого мудреца — т. е. буддийского священнослужителя.

СХХV, 4. Мацуо Акира (*Сёкай Цурэдзурэгуса*, стр. 216—217) объясняет это высказывание так. В те времена в Японии высоко ценилось все китайское. В «Записках экс-императора Ханадзоно» есть упоминание о том, что в Японию ввозились китайские собаки, которые здесь высоко ценились. Очевидно, представление о чем-то редкостном, ценном у говорившего ассоциировалось с китайской собакой, и ход его мысли можно представить такой схемой: «кажется благородным» → «то, что высоко ценится» → «китайская собака» ← «лицо священнослужителя».

СХХVIII, 1. Масафуса-дайнагон — Минамото Масафуса (1262—1302), крупный чиновник, старший сын первого министра Минамото Садасанэ.

СХХVIII, 2. Намерены были уже возвести в генералы — перевод слова *тайсё* русским «генерал», конечно, условен, поскольку в тексте имеется в виду конкретная должность, *коноэ-но тайсё* — начальника дворцовой охраны, однако отдельно взятое слово *тайсё* обозначает не должность, а воинское звание, и в приведенной фразе оно дается именно в этой форме.

СХХVIII, 3. Экс-император — по мнению большинства исследователей, это — Гоуда, однако Татибана Дзюньити (*Цурэдзурэгуса*, стр. 8) отвергает эту версию в пользу Гофусими.

СХХVIII, 4. Такой человек — человек, обладающий перечисленными выше достоинствами. Сокол как существо живое не должен, по буддийским представлениям, содержаться в неволе. (См. также: СХХI.)

СХХVIII, 5. Кто обладает чувствами — будд. «живое существо».

СХХІХ, 1. Янь Хуай (Янь Юань, второе имя — Цзы-гун, 521—490 гг. до н. э.) — китайский философ эпохи Чунцю, происходил из княжества Лу. Старший из учеников Конфуция, славившийся добродетельными поступками.

СХХІХ, 2. Не причинять людям беспокойства — имеется в виду фраза из *Лунь юя* (гл. 5, *Гун янь чан*, § 25): 顏淵曰 願無代義無施勞。 П. С. Попов («Изречения Конфуция», стр. 29) переводит ее так: «Янь-юань сказал: Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». На наш взгляд, последнюю часть фразы точнее было бы перевести так: «...и не причинять [другим] беспокойства (хлопот, неудобств, затруднений)». Как это видно из дальнейшего, Кэнко-хоши понимал 勞 как «душевные муки», «боль». Начальная фраза играет здесь роль отправного пункта рассуждения. Поэтому нам представляется не вполне точной трактовка ее некоторыми японскими исследователями как «не заставлять людей делать то, что представляет трудность для самого себя» (см., например: Цукамото Т., Цусяку Цурэдзургуса, стр. 296). Сходная с подобной трактовкой мысль выражена в гл. 5 (§ 11) *Лунь юя*.

СХХІХ, 3. Даже у людей низкого сословия нельзя отнять волю — немного измененная фраза из *Лунь юя* (гл. IX, § 25): «Конфуций сказал: у многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, а у обыкновенного человека (у Кэнко: человека низкого сословия. — В. Г.) нельзя отнять его воли» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 52).

СХХІХ, 4. В сборнике *Вэньсюань* (см.: XIII, 2), в разделе, посвященном Ян Шэну (один из Семи мудрых бамбуковой рощи), помещено следующее рассуждение: «Принимают лекарства с целью вспотеть. Иногда это не получается. Но стоит лишь испытать стыд — и пот выступает и течет струями».

СХХІХ, 5. Стал седым, делая надпись на башне Линъюнь — в сборнике важнейших образцов китайской каллиграфии — *Фа шу яо лу* описан следующий случай, происшедший со знаменитым каллиграфом Вэй Данем из удела Вэй. Когда вэйский Минди выстроил башню Линъюньгуань, то оказалось, что на специальной балке у ее вершины забыли сделать надпись из четырех знаков. Чтобы исправить это упущение, на вершину башни, на высоту 25 чжаней (около 65 м), в корзине с помощью блоков и длинной веревки был поднят луншэньский Дань, который сделал надпись, признанную впоследствии образцом уставного письма. Окончив писать, каллиграф посмотрел вниз и поседел от ужаса перед высотой.

СХХХІ, 1. Тот, кто беден, стремится воздавать почесть богатству — несколько измененная и усеченная фраза из книги чжоуского ритуала *Лицзи* (одной из составных частей конфуцианского «Пятикнижия»): «Тот, кто беден, не должен почитать богатство; тот, кто стар, не должен почитать силу».

СХХХІІ, 1. Дорога Тоба — сохранившаяся до настоящего времени дорога в юго-западной части г. Киото, соединяет древнюю столицу с г. Тоба.

СХХХІІ, 2. Дворец Тоба — построен императором Сиракава в 1086 г. в южной части столицы в качестве резиденции для экс-императоров; впоследствии был разрушен.

СХХХII, 3. Принц Рихо — прозвище сына императора Дайго — принца Сигэакира (906—954). Сигэакира занимал пост церемониймейстера двора (*сикибукэ*). Подведомственный ему отдел назывался «по-китайски» Рибу или Рихо, отсюда и пошло прозвище принца. «Записки Рихо», написанные по-китайски, полностью до нас не дошли.

СХХХII, 4. Наследный принц Мотоёси (890—943) — сын императора Ёдзэй, поэт.

СХХХII, 5. Новогодние приветствия — особые молитвословия, которые произносятся в императорском дворце согласно синтоистскому ритуалу дважды: в 4 и в 8 часов первого утра Нового года, причем возглашающий поочередно обращается ко всем четырем странам света.

СХХХII, 6. Дворец Дайгоку — резиденция императора во Дворце восьми коллегий в Киото.

СХХХIII, 1. Конфуций тоже ложился головой на восток — здесь имеется в виду следующее место из *Лунь юя* (гл. 10, «Сян дан», § 13): «Во время болезни, когда государь навещал его (Конфуция. — В. Г.), то он обращал голову на восток и покрывался парадным платьем, разложив на нем пояс» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 58).

СХХХIII, 2. Обратив изголовье к востоку, можно получить животворную силу (*ёки*) — восток и юг в китайской натурфилософии считались воплощением *ян* — положительного, светлого, мужского начала, источником силы и жизни, а запад и север — воплощением *инь* — отрицательного, темного, женского начала.

СХХХIII, 3. Император Сиракава (1073—1086) был известен как благочестивый буддист. Передают, что он спал в позе Шакьямуни — на правом боку, головой на север, лицом на запад.

СХХХIII, 4. В провинции Исэ, расположенной к югу от Киото, находятся древнейшие в Японии синтоистские храмы.

СХХХIII, 5. Храмы Дайдзингу — группа синтоистских храмов в Исэ, посвященная культу богини солнца Аматэрасу-омиками. Спать ногами в сторону этих храмов означало навлечь на себя гнев божественных предков, поэтому Кэнко и замечает далее, что храмы Дайдзингу считаются расположенными не к югу, а к юго-востоку от императорского дворца.

СХХХIV, 1. *Рисси* — буддийская духовная должность (см.: XLII, 2).

СХХХIV, 2. *Саммайсо* (санскр. *Samādhe*) — аскет, ставящий целью абсолютное отрешение от мирской суеты и упорное самоуглубление.

СХХХIV, 3. Хоккэдо — см.: XXV, 16. Однако в данном случае это другой храм (см.: СХХХIV, 4.).

СХХХIV, 4. Такакура был императором в 1169—1180 гг. Похоронен в храме Сэйкандзи (провинция Ямасиро), принадлежавшем секте хоккэ. Таким образом, здесь «храм Хоккэдо» означает «храм секты хоккэ» — Сэйкандзи (храм Чистого Покоя), в котором погребали многих представителей знатных семей. В настоящее время от него почти не осталось следов.

СХХХIV, 5. Великий момент, завершающий жизнь — по буддийским представлениям, человеческая жизнь содержит три «великих момента»: рождение, жизненный процесс и смерть.

СХХХV, 1. Сукэсуэ-дайнагон-нюдо — поэт Фудзивара Сукэсуэ (1207—1289), постригся в 1268 г., буддийское имя — Рёсин, однако более известен был как *дайнагон-нюдо*.

СХХХV, 2. Советник двора генерал Томоудзи — Минамото Томоудзи (1232—1275?), придворный чиновник. *Сайсё* не означает «премьер-министр», как полагает Д. Сэнсом (стр. 83). В эпоху Камакура — это высший чиновник из Дайдзёкан, присутствовавший на совещаниях министров с правом совещательного голоса (равнозначно *санги*).

СХХХV, 3. Ты (*вануси, вага нуси* — «мой хозяин») — фамильярное обращение к равному или нижестоящему.

СХХХV, 4. Из здешних-то глупых загадок — т. е. из японских (не связанных со знанием индийской и китайской учености) нехитрых (узких, ограниченных) вопросов.

СХХХV, 5. *Ума-но кицурё...* — древняя формула, ставшая залинанием, произносимым для исцеления заболевшей лошади (Сано Ясутаро, Цурэдзурэгуса синко, стр. 343; Нунами Такэо, Цурэдзурэгуса кова, стр. 363—364; Д. Сэнсом, *The Tsuredzure gusa*, стр. 84); позднее — детская скороговорка, смысл которой окончательно утерян (Нунами Т., там же). В эпоху Хэйан (794—1192 гг.) это была попросту одна из головоломных загадок распространённого в то время типа. Разгадывается она следующим образом: 1) *уманокицу* — «конь пропадает (удаляется)», т. е. эти пять слогов во внимание не принимаются; 2) *рёкицунинюока* — «холм доброй лисы» (согласно старой притче, умирающая лиса ложится головой в сторону того холма, где вырыта ее нора. Это одна из фигур для обозначения тоски по родине). Эта часть сама по себе непонятна без следующей — 3) *накакуборэцири* — «середина изымается». Она относится к предыдущей части и означает, что в ней остаются только первая и последняя графемы: *ри* и *ка*; 4) *курэндо* — «перевернуть!» Это означает, что слоги, оставшиеся от сокращения второй части, для получения разгадки следует поменять местами. Таким образом, разгадкой является слово *кари* — «дикий гусь» (Сано Ясутаро, там же; Нунами Такэо, там же; Цукамото Тэцудзо, Цуяку Цурэдзурэгуса, стр. 310; Фудзимура Саку, Моногатари Нихон бунгаку, стр. 115).

СХХХVI, 1. Ацусигэ — во всех старых списках это имя записано каной и исследователями не идентифицировано.

СХХХVI, 2. У покойного монаха-государя — *кохоно*. Часть исследователей считает, что здесь имеется в виду император Ханадзано (Нунами Т., Цукамото Т.), другая часть полагает, что это — Гоуда (Ёсидзава Ё., Мацуо А., Сано Я., Татибана Д., Фудзимура С.).

СХХХVI, 3. Рокудзё — Минамото Арифуса (1251—1319), каллиграф и поэт. Министр двора — здесь: *найфу* — китайский вариант названия должности *найдайзин*.

СХХХVI, 4. Иероглиф, обозначающий понятие «соль», имеет два варианта написания — правильный, полный вариант с детерминативом «тарелка» и более сокращённый, так называемый вульгарный вариант — с детерминативом «земля».

СХХХVII, 1. «Я пришел любоваться цветами, а они давным-давно осыпались» — часть прозаического вступления к стихотворению из раздела «Весна» антологии *Синкокинсю*.

СХХХVII, 2. Любимой, далекой, как небо — букв. «далеким облачным колодецем». Здесь «облачный колодец» (иногда «облачная обитель») = «небо» = «далекие края» = «края, где живет любимая» = «любимая, которая живет в краях, далеких, как небо».

СХХХVII, 3. Имеется в виду праздник у храмов Камо.

СХХХVII, 4. На помосте — т. е. на особом рода дощатом настиле перед домом, который устраивался специально для наблюдения за праздником.

СХХХVII, 5. Будто у них раскрошилась печень — образное выражение, означающее «с перепугу», «с переполоху», «суматошно».

СХХХVII, 6. Листья мальвы, прикрепленные к веткам коричневого дерева — отличительный признак празднества у храмов Камо. (См. также: СХХХVIII.)

СХХХVII, 7. Торибэно — здесь: то же, что и Торибэяма (см.: VII, 2).

СХХХVII, 8. Фунаока — небольшой холм к югу от Киото (ныне — в черте города), на котором в старину производилась кремация трупов. Позднее здесь был выстроен синтоистский храм, посвященный культуре Ода Нобунага (1534—1582).

СХХХVII, 9. Другие кладбища — в тексте: *сарану нояма*, т. е. «прочие долины (вроде Торибэно) и горы (вроде Фунаока-но яма)».

СХХХVII, 10. *Мамакодатэ* (*макодатэ*) — старинная японская игра. Из 30 шашек (15 белых и 15 черных) выкладывают параллелепипед, причем белые и черные шашки располагаются в строго установленном порядке. Затем, отсчитывая от третьей справа в нижнем ряду шашки (черной) определенное число, одну за другой извлекают из параллелепипеда все шашки, так что в конце концов остается лишь одна из них — белая шашка, расположенная в левом верхнем углу. Шашки те же, что и в *сугороку*.

СХХХVIII, 1. Праздник — здесь: празднества в Камо.

СХХХVIII, 2. Суо-но-найси — придворная поэтесса середины XI в. Отец ее — Тайра Мунэнака был губернатором провинции Суо, отсюда произошло прозвище поэтессы; настоящее ее имя Накако. Найси — один из придворных женских титулов (*найсидзукаса*, *найси-но-дзэ*). Приведенные здесь стихи в поэтической сборник Суо-но-найси не входят; по-видимому, Кэнко-хоси располагал списком более полным, чем тот, что сохранился до наших дней.

СХХХVIII, 3. В скобках приведен второй смысл стихотворения, основанный на игре слов и многозначности отдельных выражений.

СХХХVIII, 4. В ушедшей старине — у Кэнко: *косиката*, тогда как первоисточник дает *сугисиката*.

СХХХVIII, 5. Камо-но Тёмэй (1153—1216) — выдающийся японский писатель и поэт эпохи Камакура; впоследствии — буддийский монах-отшельник; монашеское имя его — Рэннин, прозвище — Кикугао. Самое выдающееся его произведение — «Записки из кельи» (*Ходзёки*, 1212), написанные в жанре *дзуйхицу*.

СХХХVIII, 6. «Повесть о четырех временах года» (*Сики моногатари*) — повествование в одной книге, написанное Тёмэй после ухода от мира на горе Охараяма. Описывает изменения в явлениях природы от начала года до конца, а в связи с этим — обычаи, обряды и церемонии, а также некоторые события, свидетелем которых был автор.

СХХХVIII, 7. Яшмовые — поэтическая метафора штор. Все это стихотворение помещено в четвертом разделе (четвертая луна) указанного произведения.

СХХХVIII, 8. *Кусудам* — букет цветов, связанный в виде шара при помощи разноцветных шелковых ниток, свободно свисающих с одной стороны. Составляется, как правило, из ириса и чернобыльника. В праздник мальчиков (5-й день пятой луны) *кусудам* из ириса развешиваются на шторах и специальных шестах. Согласно поверью, их вид вселяет в сердца смелость.

СХХХVIII, 9. Девятый день девятой луны — девятка — число, выражающее *ян*, положительное начало. Двойная девятка, как символ самого светлого, избрана для знаменитого Праздника хризантем.

СХХХVIII, 10. Бива — Фудзивара Кадзуко (993—1027), дочь принца Митинага, бывшая замужем за императором Сандзё (1012—1016).

СХХХVIII, 11. Кормилица Бэн — Бэн-но Мэното, воспитательница детей императора Сандзё, дочь губернатора провинции Бива, поэтесса.

СХХХVIII, 12. Фрейлина Ко-но-дзидзю (некоторые исследователи считают, что ее имя нужно читать, как Э-но-дзидзю) — поэтесса, дочь министра Акасоммэмона. Состояла в свите императрицы Бива.

СХХХVIII, 13. Оба эти стихотворения, снабженные обширным вступительным описанием, за указанными здесь подписями помещены в разделе «Скорбные песни» поэтической антологии *Сэндзай вакасю* («Собрание японских песен за тысячу лет», 7-й сборник серии *Нидзюитидзю*). Эта антология состоит из 20 *маки*. Она составлена по указанию экс-императора Госиракава (рескрипт 1183 г.) поэтом Фудзивара Тосинари (1114—1204) и включает в себя избранные стихотворения разных авторов, написанные в течение двухсот лет, начиная со времени правления императора Итидзё (987—1011).

СХХХIX, 1. Пятилистник — разновидность сосны — *Pinus parviflora* (*pentaphylla*), произрастает на юге о-ва Хонсю и о-вах Сикоку и Кюсю.

СХХХIX, 2. Цветы — имеются в виду цветы вишни.

СХХХIX, 3. Махровые вишни — особый сорт сложнопетальных *сакура*, так называемые горные (или пионовые) вишни; период цветения их более поздний, чем простых, цветы бледно-розовые или ярко-красные.

СХХХIX, 4. Нара (провинция Ямато) — столица Японии в 710—784 г., основана императрицей Гэмэй. Ассоциирование махровых *сакура* с названием древней столицы ведет, по-видимому, начало от предисловия к *танка* в разделе «Весна» стихотворной антологии XII в. *Сика вакасю* («Собрание прекраснословных японских песен», 6-й сборник серии *Нидзюитидзю*), составленной по распоряжению экс-императора Сутоку (отрекся в 1141 г.) поэтом Фудзивара Акисукэ (1090—1155).

СХХХIX, 5. Цветы Ёсино — вишни с горы Ёсино (провинция Ямато), знаменитые своей красотой. Особенность их в том, что цветение этих вишен начинается одновременно с распусканьем почек.

СХХХIX, 6. Вишни сакон — вишни, растущие в южном дворике дворца Сисиндэн, у левого его крыла. Возле правого крыла этого

дворца росло апельсиновое дерево (*citrus nobilis*), называвшееся Укон-но татибана. В старину эти деревья имели ритуальное значение.

СXXXIX, 7. Кёгоку-нюдо-тюнагон — монашеское прозвище выдающегося поэта эпохи Камакура Фудзивара Тэйка (Садаиэ) (1162—1241), составителя стихотворной антологии *Хякунин иссю* («Антология ста поэтов»), одного из составителей *Синкокинсю* и других сборников, основоположника японской поэтики и элементарной филологии. В 1233 г., через год после получения чина *тюнагона*, Фудзивара Тэйка постригся.

СXXXIX, 8. Месяц цветка *у* — древнее поэтическое название четвертого месяца по лунному календарю.

СXXXIX, 9. *Карукая* — вид степной травы (*Anthistiria arguens*).

СXLI, 1. Хидэн — буддийский храм на западном берегу р. Камогава, являвшийся чем-то вроде богадельни для нищих, увечных и т. п. Ныне на его месте стоит храм Дайодзи. Биография Гёрэна не выяснена.

СXLI, 2. Адзума — в древней и средневековой Японии общее наименование восточных провинций о-ва Хонсю. Иногда это название употреблялось как антоним слова *мияко* — «столица».

СXLI, 3. Учение мудрецов — здесь: буддийское вероучение, книги буддийского канона.

СXLII, 1. Дикий варвар — подразумевается низший дружинник из северо-восточных районов о-ва Хонсю (см. также: LXXX, 1).

СXLII, 2. Душевная привязанность (*оннай*, конф.) — естественное чувство родительской, сыновней, супружеской или братской любви.

СXLII, 3. Фраза заимствована из *Мэн цзы* (гл. 1, «Лян Хуэй-ван», ч. 1, ст. VII, § 19). П. С. Попов («Китайский философ Мэн цзы», СПб., 1904, стр. 16) переводит ее в полном виде так: «Тогда Мэн цзы сказал: „Только ученые могут быть постоянными, не имея постоянного (недвижимого) имущества и занятия. Что же касается простолюдина, то, если у него нет постоянного имущества и занятия, у него нет и постоянства и он делается распущенным, безнравственным, расточительным и способным на всякое дурное дело...“».

СXLII, 4. Человек, доведенный до крайности, воет — положение, которое неоднократно встречается в сочинениях конфуцианских классиков. Так, например, в *Лунь юй* (гл. XV, «Вэй Лин-гун», § 1) сказано «...подлый, находясь в стесненном положении, делается распущенным (т. е. способным на всякие беззакония)» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 92). В *Кун цзы цзяюй* (гл. «Янь-хуэй») есть такое рассуждение: «Если птица доведена до крайности, она клюет; если зверь доведен до крайности, он хватает; если человек доведен до крайности, он обманывает; если лошадь доведена до крайности, она ленится».

СXLII, 5. Если... люди будут мучиться от голода и от холода, преступники не переведутся никогда — эта фраза перекликается с положением из *Цянь Хань шу* («История Ранней Хань», гл. 24, «Шихо», ч. 1): «Ведь те, кто страдает от голода и холода, никогда в жизни не станут заботиться об осмотрительности» (пер. В. М. Штейна в кн.: «Гуань-цзы», М., 1959, стр. 346).

CXLIII, 1. Великое событие — здесь: смерть.

CXLIII, 2. Перевоплотившийся человек — Будда или бодисаттва, временно принявший облик человека для спасения людей.

CXLIV, 1. Высокомудрый Тоганоо — распространенное среди мирян прозвище буддийского священнослужителя Миёэ-сёнина (1173—1232), главы секты кэгон, происходившего из провинции Кии, из рода Ито. Прозвище его восходит к названию горы в окрестностях деревни Умэгахата (уезд Кадоно), на котором стоял храм Косандзи, где Миёэ начинал монашескую жизнь.

CXLIV, 2. *Аси, аси* — «Ногу! Ногу!» команда, подаваемая слугой коню. Нунами Такэо (*Цурэдзурэгуса кова*, стр. 395) высказывает, однако, мнение (никем, правда, не разделяемое), что это толкование ошибочно и что слова эти соответствуют современному «*оси-оси*» — возгласу покаяния.

CXLIV, 3. *А-дзи, А-дзи* — священник, недослышав, принял возгласы слуги за кличку коня и истолковал ее по-своему. *А-дзи* («знак А») — первый знак санскритского и японского (*годзюон*) алфавитов и означает в толковании буддистов секты сингон «ничто».

CXLIV, 4. *Фусё* — один из низших чинов средневекового императорского правительства.

CXLIV, 5. *А-дзи-хон Фусё*. *Фусё* — название чина, омонимично *фусё* — «не рождается». Таким образом, в толковании Тоганоо сочетание клички коня с именем его хозяина составляет сокращенный вариант буддийской формулы: *А-дзи-хон фусё фумэцу* — «ничто не рождается и не уничтожается».

CXLV, 1. Страж северной стены (*хокумэн [-но-буси]*) — см.: стражник, XCIV, 2. Как это видно из имени стражника, он был монахом, происходившим из провинции Симоцукэ.

CXLV, 2. Наука (*мити*) — здесь: физиономистика.

CXLV, 3. Зад был совсем персиком — фигуральный оборот, примерно соответствующий русскому «[сидит], как собака на заборе» (говорится только о всадниках).

CXLVI, 1. Мёун-дзасу — Мэйун-дзасу (1115—1183), знаменитый буддийский священнослужитель, происходивший из рода Минамото. *Дзасу* (или *тэндай-дзасу*) — сан, который принимал настоятель храма Энрякудзи.

CXLVII, 1. Разводится грязь на синтоистских празднествах — в тексте: *канвадза (дзиндза, синдзи)* — *ни кэгарэ ари* — место, на наш взгляд, очень темное, комментаторы не объясняют его по существу никак, а приводят лишь следующее его толкование: «Поскольку тело грязное (от следов лечения прижиганием), стесняются принимать участие в синтоистских празднествах». Сано Я. (*Цурэдзурэгуса синко*, стр. 386) присовокупляет к такому толкованию цитату из *Сёкуэ мондо* (свода действий, явлений, вещей и т. д., которых не должно быть во время синтоистских обрядов): «Вопрос: „А как грязь от прижигания?“ Ответ: „До трех следов от прижигания в храме Дайдзингу не стесняются. Если доходит до четырех следов — стесняются“».

В нашем случае речь, очевидно, идет о нарушении благоприличия на церемониях из-за увлечения прижиганиями (мокса), поэтому, исходя из текста самого источника, мы отдали бы предпочтение такому толкованию: «На синтоистских празднествах имеет место [излишняя] грязь».

CXLVII, 2. Законоположения (*каккусикито*) — общее название изданных в эпоху Хэйан сводов законов (*какю*) и установленных правил проведения синтоистских церемоний (*сикки*), называвшихся по девизам правлений императоров. Наиболее известной из дошедших до нашего времени книг такого характера является *Энгисики*.

CXLVIII, 1. Коленные впадины — в тексте: *санри* — специальный термин для обозначения впадин под коленной чашечкой как мест для прижигания.

CXLIX, 1. Нюхать панты (по другой версии — олени потроха) считалось средством продления жизни.

CLI, 1. В *Лунь юе* (гл. IX «Цзы-хань», § 22) есть следующее положение: «Конфуций сказал: на молодежь (досл. «позже рожденных». — В. Г.) следует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим. Но тот, кто в 40—50 лет не приобрел известности, уже не заслуживает уважения» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 51). Эта мысль и дала, вероятно, пищу Кэнко-хоси для приведенного рассуждения.

CLII, 1. Высокоумудрый Дзёэнэн — кто здесь имеется в виду, достоверно не установлено.

CLII, 2. Сайдайдзи — один из семи крупнейших буддийских храмов на юге о-ва Хонсю, расположен в уезде Соэками провинции Ямато.

CLII, 3. Внутренний министр Сайондзи — здесь имеется в виду Минамото Санэхира, сын Сайондзи Кимихира (см.: LXXXIII, 1), который в 1324 г. стал *найдайdziном*, умер в 1326 г. в возрасте 36 лет.

CLII, 4. Князь Сукэтомо — Фудзивара Сукэтомо, по прозвищу Хино-тюнагон, приближенный императора Годайго; в 1330 г. в возрасте 42 лет погиб от руки Сюго Хомма.

CLIII, 1. Тамэканэ-но-дайнагон-нюдо — Фудзивара Тамэканэ (1254—1332), приверженец Гоуда и Годайго, поэт, составитель «Сборника яшмовых лепестков» (*Гёкубасю*), занимал ряд придворных должностей, в 1314 г. постригся в монахи, буддийское имя его — Рэнкаку. Описанный здесь случай относят к 1316 г.

CLIII, 2. Рокухара — район в Киото, где были расположены официальные учреждения *сиккэнов* дома Ходзё.

CLIII, 3. Сукэтомо намекает, по-видимому, на то, что Тамэканэ грозила смертная казнь за участие в антисёгунских группировках.

CLIV, 1. Этот человек — имеется в виду Сукэтомо.

CLIV, 2. Восточный храм — Тодзи, сохранившийся до нашего времени буддийский храм в Киото. При основании в этом городе императором Камму (782—805) столицы для «охраны» новой резиденции было выстроено два храма — Левый (или Восточный) и Правый (или Западный). Оба храма неоднократно страдали от пожаров, но всякий раз восстанавливались.

CLV, 1. Подходящий случай (*кигэн*) — буддийский термин, в разное время наполнявшийся разным содержанием. Буквально обозначает то, что порицается людьми, что вызывает нелюбовь. В переносном смысле познание путем наблюдения того, что может вызвать недовольство других. В эпоху Камакура слово *кигэн* употреблялось в значении «случай», «стечение обстоятельств». Так, намереваясь предпринять какое-либо дело, человек прежде всего должен был определить, благоприятствует или не благоприятствует его замыслу случай (*кигэн*). В таком смысле оно употреблено и здесь.

CLVI, 1. Такие пиршества (*дайкё*) устраивались обычно в одном из помещений императорского дворца, поэтому для их проведения испрашивалось разрешение императора.

CLVI, 2. Левый министр из Удзи — прозвище придворного Фудзивара Ёринага, получившего должность левого министра в 1149 г. В 1156 г. в возрасте 36 лет, он погиб под г. Нара, куда был направлен для подавления мятежа.

CLVI, 3. Павильон трех восточных дорог — один из императорских дворцов в Киото, первоначально предназначавшийся для жительства вдовствующих императриц, происходивших из рода Фудзивара. Позднее в этот дворец неоднократно переносилась резиденция императора.

CLVI, 4. Имеется в виду родственная связь нового министра с жившей во дворце монашествующей императрицей Фудзивара Акико.

CLVII, 1. Учение мудрецов — здесь книги буддийского канона.

CLVII, 2. Пусть... не пробуждается твое сердце — если в душе у тебя совсем нет веры в буддийское учение.

CLVII, 3. Находясь пред Буддой — т. е. перед статуэткой Будды.

CLVII, 4. Веревоочное ложе — грубое сиденье, сплетенное из веревок или пеньки, находясь в котсром отшельник предается созерцанию.

CLVII, 5. Отрешенность — *дзэндзё*, *Дзэн* — сокращенное от *дзэмма* (санскр. *dhyāna*) — состояние транса, отрешенности от мирских страстей, «пресечения процесса бытия» путем созерцания. *Дзё* (санскр. *samādhi*) — «прозрение». В состоянии отрешенности буддист озаряется пониманием ненужности волнений, «омраченности» и проникается неизбежностью наступления вечного покоя.

CLVIII, 1. Выплескивание со дна бокала — когда во время пиршества совершают ответное подношение саке, то наливают его в свой бокал. Для этого, выпивая налитое туда перед тем саке,

немного оставляют его на доньшке, чтобы, выплеснув этот остаток, омыть края бокала, которых касаются губами, и затем наполняют бокал заново.

CLIX, 1. *Минамусуби* — название шнура особого плетения, наделавшегося придворной знатью в виде украшения на парадные шаровары, а представителями буддийского духовенства — на *кэса* — шарфы, которые они носят через плечо.

CLIX, 2. *Мина* — (совр. *нина*, или *кавинана*) — спиралевидная пресноводная ракушка черного цвета, достигает 3 см в длину, повсеместно распространена в реках и озерах Японии.

CLX, 1. *Кадэнокодзи* — прозвище Фудзивара Цунэтада (конец XIII — начало XIV в.), потомка знаменитого хэйанского каллиграфа и литератора Фудзивара Юкинари. Цунэтада был придворным 2-го ранга (с 1301 г.), но в 1310 г. постригся в монахи и принял имя Дзякуин. Он был известен как потомственный каллиграф и стилист. Прозвище Кадэнокодзи перешло к нему от отца.

CLX, 2. *Гома* (санскр. *Носта*) — «возжигание». Один из обрядов эзотерического буддизма, заключающийся в сотворении молитвы Будде во время возжигания перед алтарем кедровых палок, символизирующего сожжение козней дьявола. Выражение «жечь *гома*» понимается автором, по-видимому, как тавтология.

CLX, 3. *Гёбо* — совокупность магических обрядов, принятых в буддизме. Всего таких видов обрядов четыре.

CLX, 4. *Сэйгандзи* — буддийский храм секты сингон, расположенный в Киото, к югу от храма Киёмидзу (см.: XLVII, 1). Настоятелем его во времена Кэнко был некий Дога, упоминания о котором встречаются в стихах Кэнко-хоси (см.: Мацуо А., Сёкай Цурэдзурэгуса, стр. 281).

CLXI, 1. Началом весны в старой Японии считался 4-й день второй луны по лунному календарю.

CLXII, 1. *Хэндзёдзи* — буддийский храм в Киото, построенный на северо-западном берегу большого пруда Сага.

CLXII, 2. *Мототоси-дайнагон* — сын Кога Мототомо (см. *дан* XCIX), был управляющим сыскным департаментом в 1285—1286 гг. (см.: XCIX, 3).

CLXIII, 1. *Тайсё* — употреблявшееся в гадательных книгах название девятой луны.

CLXIII, 2. *Онъё* — имеется в виду Онъёрё — Ведомство светлого и темного начал, основанное в эпоху Хэйан на принципах китайского учения об *инь* и *ян*. Ведомство состояло при императорском дворе, чиновники его (*онъёдзи* или *оммёдзи*) занимались астрологией, изучением календаря, гаданием и прорицательством.

CLXIII, 3. *Моритика-нюдо* — по предположению проф. Ямада Есио, придворный императора Гофусими (1288—1336) Фудзивара Моритика, постригшийся в монахи после смерти Гофусими (см.: Мацуо А., Сёкай Цурэдзурэгуса, стр. 284).

CLXIII, 4. Коноэ-но-кампаку — так называли современники Кэнко регентов из дома Фудзивара. Некоторые исследователи (Сано Я., Цукамото Т., Нунами Т., Фудзимура С.) считают, что здесь речь идет о Фудзивара Иэхира (1282—1324), другие (Мацуо А.) — что о Фудзивара Цунэтада, бывшем регентом в 1330 г.

CLXIII, 5. Ёсихира — потомственный астролог Абэ Ёсихира, сын известного в X в. астролога Абэ Кагэаки, жил в конце X— начале XI в.

CLXV, 1. Адзума — см.: CXLI, 2.

CLXV, 2. Служители Ясного и Тайного — в переносном смысле служители любой из буддийских сект. Буддисты секты сингон называют свою секту «тайным учением» (санскр. *mantra*), в отличие от «ясного учения», к которому они причисляют остальные секты — тэндай, дзэн, дзёдо и др. Название это обязано той большой роли, которую играет в учении этой секты мистика.

CLXVI, 1. В оригинале употреблен глагол *киэру*, который может значить и «гаснуть», «таять».

CLXIX, 1. Госага (1243—1246) — 88-й император Японии, собственное его имя — Кунихито, умер в 1272 г.

CLXIX, 2. Укё — поэтесса, известная под именем Кэнрэй-монъин Укё-но-дайбу, придворная дама, дочь сановника Фудзивара Корёюки; автор сборника, состоящего из 280 стихотворений и прозаических отрывков. Настоящее имя и годы жизни ее неизвестны, однако по косвенным признакам можно отнести их к XII—XIII вв.

CLXIX, 3. Кэнрэй (Кэнрэй-монъин) — младшая дочь крупного государственного деятеля Тайра Киёмори (1118—1181), супруга императора Такакура (1169—1180), мать Антоку-тэнно (1181—1183), в семилетнем возрасте погибшего в море во время битвы при Данноура в 1185 г. Собственное имя императрицы Кэнрэй — Токуко, умерла в 1213 г. в возрасте 56 (?) лет.

CLXIX, 4. Готоба — 82-й император Японии, брат Антоку, занявший престол в возрасте четырех лет («правил» в 1184—1198), собственное его имя — Такахира.

CLXX, 1. Каждый может иметь голубые глаза Гэнсэки — каждый может порадоваться хорошему другу. Гэнсэки — японское произношение имени китайского поэта Юань Цзе (210—263), по прозвищу Сы Цзун, одного из Семи мудрых бамбуковой рощи — группы поэтов-отшельников III—IV вв., проповедовавших уход от мира и воспевание природы. Передают, что, когда к Юань Цзе приходил друг, он встречал его «голубыми глазами», т. е. с радостью, когда же его навещал нелюбимый гость, поэт встречал его «белыми глазами», т. е. недружелюбно.

CLXXI, 1. Имеется в виду старинная японская игра *каиои* (*каиавасэ*): 360 ракушек делят на левую и правую половины, после чего участники игры поочередно закрывают одними ракушками другие согласно

правилам. Выигравшим считается тот, кто совместит большее число ракушек.

CLXXI, 2. «Глаз мудреца» — название девяти черных клеток, расположенных по углам и в центре японской шахматной доски, которые игроки стремятся занять в первую очередь.

CLXXI, 3. Цин Сянь-гун — посмертное имя крупного китайского чиновника XI в. Чжао Бяня, происходившего из г. Сиань.

CLXXI, 4. Юй — мифический китайский император, основатель династии Ся (2205—2197 гг. до н. э.). В старинной китайской книге исторических преданий — второй книге конфуцианского канона — *Шу цзинь*, в главе «Предначертания великого Юя», рассказывается, что он еще до восшествия на престол был послан императором Яо (2357—2255 гг. до н. э.) во главе войска на покорение варварских племен саньмяо. Встретив со стороны этих племен решительный отпор, Юй отослал войско назад в столицу и принялся «расстилать добродетель» среди непокорных племен, чем и сумел подчинить их Китаю.

CLXXII, 1. Плоть, коей предопределено столетие — образ заимствован из «Новых юэфу» сборника *Бо-ши взъсюань*.

CLXXIII, 1. Оно-но Комати (834—900) — знаменитая японская поэтесса эпохи Хэйан. Один из шести наиболее известных поэтов IX в. (*роккасэн*). 61 стихотворение ее вошло в различные поэтические антологии, начиная с *Кокинсю*. Кроме того, до нашего времени дошел отдельный сборник ее стихов.

CLXXIII, 2. «Ювелирная» (*Тамацукури Комати сосуйбуми* — «Описание великолепия и угасания ювелирной Комати») — поэтическое произведение, созданное на китайском языке в подражание творениям Бо Цзюй-и неизвестным буддийским монахом (?).

CLXXIII, 3. Киёюки — имеется в виду Мики Киёюки (или Киёцура, 847—918), ученый-стилист и крупный чиновник эпохи Хэйан.

CLXXIII, 4. Коя-но-дайси — прозвище Кобо-дайси (774—835), известного ученого и каллиграфа, высшего буддийского сановника, основателя секты сингон, изобретателя фонетической системы письма *хирагана* и автора стихотворения Ироха-ута, содержащего все 47 силлаб японского алфавита без единого повторения. Светское его имя — Саэки Мао; буддийское — Кукай. Кобо-дайси — его посмертное имя; происходил из провинции Сануки.

CLXXIII, 5. Годы Дзёва — 834—847 гг. по европейскому летоисчислению.

CLXXV, 1. Всяческие заповеди — имеются в виду буддийские пять заповедей для мирян: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не суесловь, не пьянствуй — и десять заповедей для принимающих сан: не ешь мяса, не будь жестоким, не разрушай, не клеветничай, не обманывай, не говори ошибочного и греховного, не похваляйся и не вреди другим, не завидуй, не злись, не поноси три сокровища (Будду, закон и священников).

CLXXV, 2. Безруким существом — т. е. животным, намек на раздел «Запрет к питию вина» из сутры *Бомбокё*.

CLXXVI, 1. Комацу-но-микадо — так посмертно именовали императора Коко (885—887), погребенного в усыпальнице Комацу.

CLXXVII, 1. Принц Камакура-но-тюдосё (1242—1274) — второй сын императора Госага (1243—1246), принц Мунэтака, живший в г. Камакура и носивший титул «великого полководца, покорителя варваров», в конце жизни — монах по имени Косё. Тюсё — китайский вариант названия должности *накацукаса*, которую принц занимал в 1265—1266 гг.

CLXXVII, 2. *Кэмари* — старинная японская игра, напоминающая футбол.

CLXXVII, 3. Сасаки-но Оки-но-нюдо — Сасаки Масаёси (1208—1290), племянник знаменитого полководца эпохи Камакура — Сасаки Такацуна, служил при сёгунском правительстве, но в 1250 г. постригся в монахи; монашеское имя — Синган.

CLXXVII, 4. Ёсида-но-тюнагон — Фудзивара Фудзифуса, приближенный императора Годайго, известен под псевдонимами Мадэнокодзи-тюнагон и Ёсида-но-тюнагон. В 1334 г. постригся в монахи.

CLXXVIII, 1. Найсидокоро — помещение в императорском дворце, где совершались поклонения одному из трех символов императорской власти — священному зеркалу (*ята-но кагами*) и исполнялись ритуальные танцы; называлось также Отдельным павильоном.

CLXXVIII, 2. Священный меч (*кусанаги-но цуруги*) — также один из трех символов императорской власти в Японии. Согласно мифам, передается из поколения в поколение от бога Сусаноо-но-микото.

CLXXVIII, 3. Полуденные покои — место, где хранился меч, надевавшийся императором при обычных выходах. *Кусанаги-но цуруги* хранился в Ночных покоях.

CLXXIX, 1. Догэн-сёнин — высший буддийский священнослужитель, годы жизни неизвестны (см. также: ССXXXVIII).

CLXXIX, 2. *Шрамана* (японское произношение — *сямон*) — «борющийся со злом и развивающий добро»; буддийский монах-проповедник.

CLXXIX, 3. Сун — название средневековой китайской династии (960—1279). Здесь: Китай.

CLXXIX, 4. «Все сутры» (*Иссайкё*, или *Дайдзокё*) — то же, что *Сандзо* (см.: XXXIV, 1), *Трипитака*.

CLXXIX, 5. Рокухара — см.: CLIII, 2.

CLXXIX, 6. *Сюрёгон* (*Sūrangama*) — десятиглавая сутра, входящая в *Трипитаку*. В 705 г. сутра была переведена на китайский язык индийским монахом, сс слов которого записана китайским буддистом Фан Юном. Это одна из основных сутр секты дзэн.

CLXXIX, 7. Храм нарекли Наранда-дзи — одно из названий сутры *Сюрёгон* — *Тю Индо Наранда дайдодзёкё* — «Сутра о великом пути [из храма] Наланда в Центральной Индии». По преданию, храм Наланда (в японском произношении — Наранда) построен вскоре после смерти Шакьямуни.

CLXXIX, 8. Косоцу — прозвище Оэ Тадафуса (1041—1111), поэта и историка, писавшего *камбуном*, главы провинциального правительства на о-ве Кюсю, в конце жизни — буддийского монаха.

CLXXIX, 9. «Записки о путешествии на Запад» —

Сюойцзи, путевые записки танского монаха-проповедника буддизма Сюань-цзана (600—664) о путешествии в Индию.

CLXXIX, 10. «Биография Хоккэна» — путевые записки о путешествии в Индию Фа Сяня (см.: LXXXIV, 1).

CLXXIX, 11. Храм Западного Просветления — буддийский храм в Чанъани, построенный в правление танского императора Гао-цзуна (650 г.) по образцу индийских храмов.

CLXXIX, 12. Обычно главные ворота буддийских храмов бываюот обращены на юг.

CLXXX, 1. *Сагитё* — факел, сделанный из трех палок молодого бамбука с привязанными к нему веером, «благоприятными письменами» и другими предметами; возжигался в 15-й и 18-й день первой луны в присутствии императора в восточном дворике дворца.

CLXXX, 2. Молоточки, которыми бьют по мячу в первую луну (*ситё*) — деревянные колотушки, которыми били по деревянному мячу во время новогодних игр. Рукоятки таких колотушек украшались пучками разноцветных ниток.

CLXXX, 3. Павильон Сингон — принадлежавшее секте сингон помещение, расположенное к западу от главной резиденции императора. Здесь кроме всего проводились новогодние представления. Павильон сгорел в 1177 г. и был восстановлен лишь в 1429 г.

CLXXX, 4. Парк Священного Источника — парк по соседству с императорским дворцом, место прогулок императора. В парке был большой пруд с островком посередине.

CLXXX, 5. «В пруду Исполнения Молений» — слова из обрядовой песни, исполнявшейся во время возжигания факелов *сагитё*.

CLXXXI, 1. Тамба — название провинции, расположенной к северо-западу от Киото.

CLXXXI, 2. Сануки-но Сукэ — фрейлина при дворе императора Хорикава (1087—1107). Ее дневник обнимает время с пятой луны 1107 г. до десятой луны 1108 г., когда на престол вступил император Тоба (1108—1123).

CLXXXII, 1. Сидзё-дайнагон Такатика — прозвище придворного Фудзивара Такатика (1203—1279).

CLXXXIV, 1. Сагами-но-ками Токиёри — титул Ходзё Токиёри (1226—1263), пятого камакурского *сиккэна*. Ходзё Токиёри, по преданию, много ездил по стране инкогнито с целью ближе узнать жизнь народа и состояние экономики.

CLXXXIV, 2. *Сёдзи* — раздвижные перегородки в японском доме.

CLXXXIV, 3. Ёсикагэ — Адати Ёсикагэ (1210—1253), управитель замка Акида в провинции Дэва, затем правительственный чиновник в Киото и, наконец, буддийский монах.

CLXXXV, 1. Ясумори — третий сын Адати Ёсикагэ (см.: CLXXXIV, 3), наследственный управитель замка Акида, погиб в 1285 г.

CLXXXVIII, 1. Сущность причины и следствия — имеется в виду буддийское учение о воздаянии в будущей жизни за добрые и дурные поступки, совершенные в прежнем рождении.

CLXXXVIII, 2. Верующие — в тексте: *данна* (санскр. *Dānara-ti*) — так буддийские священнослужители называют мирян, раздавших свои богатства нуждающимся.

CLXXXVIII, 3. Восточные и Западные горы — горные цепи к востоку и к западу от Киото.

CLXXXVIII, 4. Повернув от ворот — т. е. дойдя до самой цели.

CLXXXVIII, 5. Ватанобэ (или Ватанабэ) — местность в окрестностях нынешнего г. Осака.

CLXXXVIII, 6. Торэн — поэт, стихотворения которого вошли в несколько поэтических антологий, начиная с *Сика вакасю* (1144 г.). Биографические сведения не сохранились.

CLXXXVIII, 7. Имеется в виду следующее место из гл. XVII («Янь-хо») *Лунь юя*: «Цзы-чжан спросил относительно гуманности. Конфуций сказал: кто в состоянии исполнить 5 [требований], тот будет гуманным повсюду. Позволю спросить, что это такое? Конфуций сказал: почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек великодушен, то он привлекает к себе всех, если он честен, то люди полагаются на него, если он сметлив (умен), то он будет иметь заслуги [успех], если он милостив, то он в состоянии будет распоряжаться людьми» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 107).

СХСII, 1. К богам или Будде — т. е. в синтоистские или буддийские храмы.

СХСV, 1. Кога-наватэ — дорога, проходившая через деревню Кога, на западном берегу р. Кацурагава, неподалеку от Киото. Дорога соединяла столицу с провинцией Ямадзаки.

СХСV, 2. *Косодэ* — шелковый халат с короткими рукавами, носившийся придворными под верхней одеждой.

СХСV, 3. Дзидзо (Кшитигарбха) — бодисаттва из числа *дхьяни*, покровитель путешественников (поэтому его изваяния часто устанавливаются вдоль дорог) и женского труда.

СХСV, 4. Кога — прозвище государственного и военного деятеля эпохи Камакура Минамото Митимото (1240—1308).

СХСVI, 1. Священная колесница — статуя бога Хатимана (Хатиман — обожествленный синтоистами «император» Одзин, живший, по преданию, в 201—312 гг.), покровителя рода Минамото. Считалась охранительницей храма Тодайдзи, одного из так называемых семи великих храмов Нара. Эту статую перевезли было в Киото, в храм Вакамия, но затем вернули назад. Здесь описывается ее возвращение.

СХСVI, 2. Храмы Востока — название группы храмов в Киото, охраняемых, по поверью, богом Хатиманом. Главный храм этой группы назывался Вакамия-Хатиман-гу.

СХСVI, 3. Первый министр Цутимикадо — Минамото Садазанэ (1241—1306), крупный правительственный чиновник; с 1302 г. — буддийский монах.

СХСХVI, 4. «Извлечения из Северных гор» (*Хокудзансё*) — сочинение Фудзивара Кинто (966—1041), описывающее придворные церемонии; состоит из 10 частей. Название сочинения обязано своим происхождением долине Нагатани в горах к северу от столицы, где автор в конце жизни исполнял обязанности одного из высших синтоистских жрецов.

СХСХVI, 5. Сайкю (или Сэйкю) — прозвище Минамото Такаакира (914—982) — семнадцатого сына императора Дайго (898—930). Такаакира написал два сочинения, посвященных древним обрядам и церемониям, — *Сайкюки* (20 *маки*) и сокращенный его вариант — *Сайкюсё*. Здесь, очевидно, подразумевается первое из них.

СХСХVII, 1. «Установления годов Энги» (*Энгисики*) — сборник (50 книг), описывающий обряды, обычаи, дворцовые церемонии, официальные приемы и т. п. Написан в 927 г. (годы Энги). Авторы — Фудзивара Токихира (871—909) и его брат, Тадахира (880—949), продолживший работу Токихира после его смерти.

СХСХVII, 2. *Нёдзю* — один из низших рангов женской прислуги, занимавшейся зажиганием светильников и уборкой помещений.

СХСХVIII, 1. Все государственные чиновники в старой Японии делились на четыре большие группы. Соответственно с этим делением к именам высших чиновников, занимавших посты в центральном правительстве или служивших губернаторами провинций, присоединялось слово *ками*, далее по нисходящей следовали: *сукэ*, *дзё* и *сакан*.

СХСХVIII, 2. «Краткое изложение важнейших принципов управления» (*Сэйдзи ёряку*) — сочинение, написанное в годы правления императора Итидзё (987—1011) законоводителем Корэмунэ-но Масасукэ и представляющее собой сборник законов, изданных в Японии с древнейших времен. Первоначально оно состояло из 130 *маки*, но до нашего времени дошло только 9 из них.

СХСХIX, 1. Гёсэн-хоин — монах, по некоторым данным, старший современник Кэнко. Подробных биографических сведений не сохранилось.

СХСХIX, 2. *Ёкава* — название одной из трех пагод Хиёдзан, расположенной в четырех километрах к северу от центрального храма.

СС, 1. Императорские каналы — каналы, прорытые на территории императорского дворца.

СС, 2. Нидзю (или Дзидзю) — один из флигелей императорского дворца в Киото.

ССI, 1. *Ступа* (санскр.) — буддийская часовенка, в которой хранится какая-либо реликвия. В другом значении — придорожный каменный или деревянный указательный столб в форме пагоды.

ССIII, 1. Годзё — синтоистский храм Тэнси в Киото, место поклонения богам Сукунахикона-но-микото и Онамудзи-но-микото, исцеляющим, согласно синтоистским поверьям, от недугов.

ССIII, 2. Курама — название буддийского храма, расположенного на горе Курама, в трех ри к северу от Кното. На территории этого храма есть синтоистская кумирня — место поклонения богу Онамудзи-но-микото.

ССV, 1. Дзиэ — посмертное имя настоятеля храма Энрякудзи (с 966 г.) — Рёгэна (910—983).

ССVI, 1. Правый министр Токудайдзи — предполагают, что здесь имеется в виду Фудзивара Кинтака (1253—1305). В некоторых изданиях «Записок от скуки» вместо «правый министр» значится «покойный министр». Мацуо А. (*Сёкай Цурэдзурэгуса*, стр. 369) объясняет это расхождение сходством скорописных форм иероглифов, означающих «правый» и «покойный».

ССVI, 2. Средние ворота — ворота, расположенные между внешними, ведущими из дворца в город, и внутренними, ведущими в императорскую опочивальню. Они вели в полицейский департамент.

ССVI, 3. Онмёрё — см.: CLXIII, 2 (Онъё).

ССVI, 4. Отец Токудайдзи — первый министр — Фудзивара Садамото (см. *дан* LXXXIII).

ССVII, 1. Дворец Камэяма — см.: LI, 2.

ССVII, 2. Речь идет об императоре Госага.

ССVII, 3. Этот министр — Фудзивара Садамото.

ССVIII, 1. Храм Кэгон — один из павильонов храма Ниннадзи. Косюн — современник Кэнко-хоси; происходил из рода Кудзё. Подробных биографических сведений не сохранилось.

ССX, 1. *Ёбуко-дори* — букв.: «свисток-птица», разновидность кукушки.

ССX, 2. Секта сингон была основана в 806 г. Кукаем (774—835).

ССX, 3. *Нуэ* — мифический зверь с головой обезьяны, телом барсука, хвостом змеи, лапами тигра и голосом совы.

ССX, 4. *Нагаута* («длинная песня») — одна из традиционных форм древней японской поэзии. Стихотворение основано на чередовании пяти- и семисложных строф. Всего в стихотворении более семи строф.

ССX, 5. «Собрание десяти тысяч лепестков» (*Манъёсю*) — другое толкование названия: «Собрание песен, передающихся через десять тысяч поколений» — древнейшая из дошедших до нас поэтических антологий на японском языке, включает 20 книг, 4500 стихотворений. Составлена ок. 760 г.

ССXI, 1. Янь Хуай — см.: СХХIX, 1. В гл. VI (§ 2) *Лунь юя* есть следующее место: «Ай-гун спросил Конфуция: кто из ваших учеников любит учиться? Тот отвечал: был Янь-хуй, который любил учиться, не переносил гнева на других и не повторял ошибок. К не-

счастью, его жизнь была коротка, умер он...» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 30). Очевидно, Кэнко-хоси намекает на этот ответ Конфуция.

ССХIII, 1. Имеются в виду паломничества императора или экс-императора к синтоистскому храму Яхата группы Ивасимидзу.

ССХIV, 1. Цзиньский Ван Цзянь — китайский государственный деятель V в. (эпохи Восточная Цзинь); служил сначала династии Сун (420—479), а затем — Ци (479—501); умер в возрасте 37 лет; посмертное имя его — Вэнь Сянь.

ССХIV, 2. Кай коцу — японское чтение иероглифов, обозначающих название предков современных уйгур.

ССХV, 1. Тайра-но Нобутоки — чиновник из рода Ходзэ, постригшийся затем в буддийские монахи (1238—1323).

ССХV, 2. Саймёдзи — монашеское имя Ходзэ Токиэри (см.: СLXXXIV, 1).

ССХV, 3. Хитатарэ — халат для повседневной носки, лишенный специальных украшений, широко распространенная одежда в средневековой Японии.

ССХV, 4. Мисо (слово корейского происхождения) — густая масса, приготовляемая из бобов, риса и ячменя, которые распаривают, толкут, добавляя туда закваски и соли и дают перебродить в специальном горшке или бочонке.

ССХVI 1. Цуругаока — синтоистский храм в честь бога Хатимана в окрестностях Камакура.

ССХVI, 2. Ушедший в веру — принявший монашеский сан.

ССХVI, 3. Управляющий монаршими конюшнями Асикага — Асикага Ёсиудзи (1189—1254), подавивший в 1213 г. мятеж Вада Ёсимори против гегемонии дома Ходзэ. В последние годы службы при дворе Асикага стоял во главе ведомства, занимавшегося содержанием и использованием на работах лошадей из императорских конюшен (*сама-но-ками*). В 1241 г. постригся в монахи. Ёсиудзи имел в наследственном владении красивую в г. Асикага уезда Тотики, издления которой, как видно, ежегодно презентовал представителям дома Ходзэ, с которыми был связан родственными узами по материнской линии.

ССХVI, 4. Рюбэн-содзэ (1208—1283) — настоятель храма Цуругаока.

ССХVII, 1. Согласно доктринам буддийской секты тэндай, мирянин, становясь отшельником, на пути к познанию истины проходит «шесть восхождений». Первое из них — знакомство с принципами буддизма, высшее — проникновение в сущность вещей.

ССХVIII, 1. Дворец Хорикава — резиденция первого министра Кога Мототомо (см.: ХСIX, 1) и его сына Мототоси.

ССХХ, 1. Сидзё-но-комон — имеется в виду последователь императора Годайго — Фудзивара (Сидзё) Такасуке (1293—1352). *Комон* — китайский вариант названия чина *тюнагон*. Этот чин Такасуке получил в 1330 г.

ССХХ, 2. Тацуаки — потомственный музыкант Тоёхара Тацуаки (1292—1364), славившийся игрой на *сё* (см.: ССХХ, 6). Был наставником по музыке первых императоров обеих — Северной и Южной — династий.

ССХХ, 3. Пятое отверстие во флейте — японская флейта имеет на корпусе шесть последовательно расположенных отверстий, каждому из которых соответствует определенный тон. Отверстия эти носят следующие названия: «щитовое», «пятое», «верхнее», «вечернее», «среднее» и «шестое». Четыре промежуточных тона расположены между этими шестью основными.

ССХХ, 4. Предшественник должен опасаться позже родившегося — имеется в виду выдержка из *Лунь юя*: «Позже родившегося следует остерегаться. Как можно знать, что безвестный ныне, он не прославится в будущем?»

ССХХ, 5. Кагэмоти (1292—1376) — музыкант из рода Ога, славившийся игрой на флейте.

ССХХ, 6. *Сё* — духовой инструмент, изготавливавшийся из бамбука; завезен в Японию из Китая.

ССХХ, 1. Храм Небесных королей — сохранившийся до наших дней буддийский храм в восточной части г. Осака. Построен на вершине холма принцем Сётоку-тайси (см.: VI, 6).

ССХХ, 2. Имеется в виду Сётоку-тайси.

ССХХ, 3. Пагода Шести времен была построена посреди пруда на территории храма Небесных королей. Перед этой пагодой в старину висел колокол, который бил шесть раз в сутки, возвещая наступление утра, полудня, захода солнца, наступление ночи, полночь и конец ночи. Впоследствии колокол сгорел при пожаре.

ССХХ, 4. Собрание Нэхан — буддийский обряд в честь годовщины достижения буддой Гаутамой нирваны. Отмечается в 15-й день второй луны. *Нэхан* — японское произношение санскритского слова «нирвана».

ССХХ, 5. Собрание Сёрё — храмовый обряд поминовения Сётоку-тайси. Проводится в 20-й день второй луны.

ССХХ, 6. Обитель Чистоты Священного Сада — буддийский храм в Центральной Индии, где, по преданию, читал свои проповеди Шакьямуни. Построен на рубеже VI и V вв. до н. э.; северо-западная его часть называется Уголком Быстротечности.

ССХХ, 7. Храм Сайондзи — буддийский храм в деревне Кинугаса уезда Кадоно провинции Ямасиро.

ССХХ, 8. Храм Хоконгоин расположен в уезде Кадоно, к юго-востоку от Нараби-но-ока, где долгое время жил Кэнко-хоси.

ССХХ, 1. Толкователь законов — одна из высших должностей в департаменте дознаний.

ССХХ, 2. Годы Кэндзи — Коан — девизы правления императора Гоуда (1275—1287).

ССХХ, 3. Праздник — имеется в виду праздник в храмах Камо, отмечаемый в четвертую луну.

ССХХI, 4. *Хобэн* — чиновник сыского департамента, ведавший освобождением преступников. Здесь: персонаж праздничного представления.

ССХХII, 1. *Дзёган* (1168—1251) — буддийский священник секты дзёдо.

ССХХII, 2. *Такэдани* — местность в провинции Ямасиро, к юго-востоку от храма Киёмидзу.

ССХХII, 3. *Тонидзё* — монашеское имя жены императора Гофукакуса (ум. в 1304 г. 62 лет), посмертное имя ее — Кимико.

ССХХII, 4. *Комё сингон* и *Хокёин дхарани* — названия буддийских сутр.

ССХХII, 5. *Нэмбуцу* — см.: XXXIX, 2.

ССХХII, 6. Имеется в виду будда Амитаба.

ССХХIII, 1. Детское имя — имя, которое присваивалось ребенку на шестые сутки после рождения и заменялось «настоящим именем» при достижении пятнадцатилетнего возраста.

ССХХIII, 2. *Тадзу* — крупный правительственный чиновник и поэт, один из составителей поэтической антологии *Сёку кокинсю*, Фудзивара Мотоэ (1203—1280).

ССХХIII, 3. В просторечии человека, съевшего журавля, называли Тадзу (старояпонск. «журавль»).

ССХХIV, 1. *Армунэ-но-нюдэ* — потомок хэйанского астролога Абэ Кагэаки — Абэ Аримунэ. Биография не установлена.

ССХХIV, 2. Департамент *Оммё* — см.: CLXIII, 2 («Онъё»).

ССХХV, 1. *Преподобный Митинори* — Фудзивара Митинори, чиновник. В 1144 г. получил чин *сёнагона*, вскоре после этого принял постриг; монашеское имя его — Синсай; убит в 1159 г.

ССХХV, 2. *О-но Хисасукэ* (1214—1295) — известный в свое время музыкант.

ССХХV, 3. *Суйкэн* — средневековое платье, разновидность *каригину*.

ССХХV, 4. *Эбоси* — старинный головной убор, форма и окраска его зависела от положения владельца.

ССХХV, 5. «Танцовщицы в белом» (*сирабёси*) — определенная группа профессиональных певиц-танцовщиц.

ССХХV, 6. Имеются в виду боги синтоистского пантеона.

ССХХV, 7. *Минамото Мицуюки* — знаменитый поэт XIII в. составитель 14 поэтических антологий, ученый-филолог, известен исследованиями *Гэндзи моногатари*.

ССХХV, 8. *Готоба* — император, правил в 1184—1198 гг.

ССХХV, 9. *Камэгику* — танцовщица и певица, фаворитка императора Готоба.

ССХХVI, 1. *Юкинага* — чиновник из провинции Синано; биография и годы жизни не установлены. Существует версия, согласно которой Юкинага был сыном губернатора провинции Синано — Накаяма Юкитака.

ССXXVI, 2. *Юэфу* — название китайского народного поэтического жанра, возникшего в III в. до н. э.

ССXXVI, 3. «Танец семи добродетелей» — сборник стихотворений в жанре *юэфу*. В него вошли авторские произведения, начиная с эпохи Тан (618—907) и до эпохи Пяти династий (907—959). Сборник посвящен воспеванию добродетелей, которыми должен обладать государь.

ССXXVI, 4. Дзитин — прозвище Ёсимидзу-но-касё (см.: LXVII, 5).

ССXXVI, 5. «Сказание о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*) — известный исторический роман-хроника (военно-феодалная эпопея), написанный в конце XII в. Автором его считается монах Юкинага, однако на этот счет существует и несколько других версий.

ССXXVI, 6. Энрякудзи — буддийский храм (см.: ССV, 1). В XII в. он был одним из центров политической борьбы между феодальными домами Тайра и Минамото.

ССXXVI, 7. Куро Хоган — прозвище Минамото Ёсидзунэ (1159—1189), младшего сына виднейшего политического деятеля XII в. Минамото Ёситомо. После пострижения поселился в храме Курамадэра.

ССXXVI, 8. Каба (или Гама) -но Кандзя — Минамото Норйёри (1156—1193), один из активнейших участников войны против дома Тайра.

ССXXVI, 9. *Бива-хоси* — слепые певцы-монахи, бродившие по стране и распевавшие под аккомпанемент *бива* отрывки из *Хэйкэ моногатари*; они назывались также *бива-бодзу*.

ССXXVII, 1. «Славословие Шести времен» — книга, в которой собраны панегирики в честь будды Гаутамы, читавшиеся в монастырях речитативом шесть раз в сутки, вместе с ударами колокола, возвещающими наступление определенного времени суток (см.: ССXX, 3).

ССXXVII, 2. Хонэн — см.: XXXIX, 1.

ССXXVII, 3. Анраку — монах, родом из Киото; основал в столице буддийское Общество Шести сроков восхваления Будды. Основная деятельность падает на первую четверть XIII в.

ССXXVII, 4. Удзумаса — буддийский храм в провинции Ямасиро.

ССXXVII, 5. Дзэнкан — монах, биография и настоящее имя не выяснены.

ССXXVII, 6. Однократный *Нэмбуцу* — согласно доктринам некоторых буддийских сект Японии, молитва *Намо Амитаба* должна произноситься не многократно, а только один раз. Мацуо А. отмечает, что Кэнко-хоси, очевидно, ошибается, говоря, что этот обычай появился во времена правления императора Госага (1242—1246), поскольку упоминания о нем можно встретить в более ранних источниках.

ССXXVII, 7. «Славословия в заупокойной службе» (*Ходзисан*) — одна из основных книг секты дзёдо, приписывается танскому буддисту Шань Дао-даши.

ССXXVIII, 1. Сэмбонский храм Шакьямуни — просторное название буддийского Храма Великой Благодарности, построенного в честь Шакьямуни в Сэмбон (одном из районов Киото).

ССХХVIII, 2. Нёрин—Фудзивара Сумисора, буддийский монах, живший в конце XIII в.

ССХХVIII, 3. Бунъэй—1264—1274—годы правления императора Камэяма.

ССХХIX, 1. Мёкан—скульптор, вырезавший в 780 г. для храма Кацуо (провинция Сэсю) статую буддийской богини Каннон (Авалокитешвара).

ССХХХ, 1. Годзё—резиденция экс-императора Камэяма. Этот дворец в 1270 г. сгорел.

ССХХХ, 2. То-дайнагон—чиновник из рода Фудзивара. Некоторые исследователи полагают, что здесь имеется в виду поэт Фудзивара Тамё (1251—1338), однако эта версия не считается доказанной.

ССХХХ, 3. Зал Черных дверей—см. *дан* CLXXVI.

ССХХХI, 1. Соно-но-бэтто—Фудзивара Мотоудзи (1213—1282), третий сын камакурского поэта Фудзивара Мотонэ. Бэтто—наименование главы правительственного ведомства. Мотоудзи с 1232 г. до пострижения в монахи (1234 г.) возглавлял *кэбииси*—сыскальной департамент.

ССХХХI, 2. Китаёма-но-дадзё-нюдо—Фудзивара Санэдзи (см.: XCIV, 1).

ССХХХII, 1. Исторические сочинения—имеются в виду китайские исторические хроники и сочинения по древней истории.

ССХХХII, 2. Сказания монахов-слепцов (*бива-хоси-но моногатари*)—это отрывки из военных повествований *Хэйкэ моногатари*, *Хогэн моногатари*, *Хэйдзи моногатари*.

ССХХХII, 3. При игре на струнных музыкальных инструментах японцы пользуются комплектом надеваемых на пальцы «когтей» (*цумэ, котодзумэ*)—плектронов из слоновой кости, укрепленных на кожаных или матерчатых наперстках.

ССХХХV, 1. Лисам и совам, так же как и мышам, крысам, старым кошкам и некоторым другим животным, древние японцы приписывали способность становиться оборотнями и приносить вред людям.

ССХХХV, 2. Духи дерева—согласно поверью, дух старого дерева, как и дух гор, обладает свойством оборотня.

ССХХХVI, 1. Тамба—провинция на юге о-ва Хонсю.

ССХХХVI, 2. Идзумо—здесь: местность, где расположена группа синтоистских храмов Идзумо.

ССХХХVI, 3. Великий храм—центральный храм в Идзумо, воздвигнутый в уезде Хинокава в честь бога Окунинуси (Онамути-номикото).

ССХХХVI, 4. Сида—очевидно, синтоистский священник; биографические сведения не установлены.

ССХХХVI, 5. Сёкай — буддийский священник высшего ранга; годы жизни неизвестны.

ССХХХVI, 6. Лев и злая собака — деревянные или каменные изваяния льва и собаки, сидящих на задних лапах, которые ставятся по обе стороны входа в синтоистский храм для защиты от злых духов.

ССХХХVI, 7. Взаимоположение животных — имеются в виду лев и собака.

ССХХХVII, 1. Ивовый ящик — подставка в форме столика, ножками которого служат две параллельно поставленные доски, а крышка набрана из ивовых палочек, выструганных в форме треугольника. Эти палочки скрепляются между собой и с основанием при помощи витого бумажного шнура. На такие подставки в старину складывали рукописи, головные уборы, письменные принадлежности и т. п.

ССХХХVII, 2. Правый министр Сандзё — во времена Кэнко-хоси ни один из представителей дома Сандзё не занимал поста правого министра. Очевидно, здесь имеется в виду кто-либо из Сандзё, живший прежде, или же в тексте ошибочно указана его должность. В последнем случае это мог быть либо Сандзё Санэсигэ, который сначала был внутренним министром, а затем первым министром, либо его сын, Кинсигэ, занимавший пост внутреннего министра и бывший моложе Кэнко на один год.

ССХХХVIII, 1. Тикато мо — конюший, служивший экс-императору Хорикава (1087—1107). Биографические сведения не установлены.

ССХХХVIII, 2. Сайсёко — буддийский храм в Киото, в котором жила после пострижения супруга императора Госиракава (1156—1158). В 1226 г. храм сгорел. Здесь имеются в виду, очевидно, развалины этого храма.

ССХХХVIII, 3. Ныне Царствующий — император Годайго (1319—1338).

ССХХХVIII, 4. Мадэ-но-кодзи — дворец в западной части Киото, где жили наследные принцы до восшествия на трон.

ССХХХVIII, 5. Хорикава-дайнагон — Фудзивара Моронобу (1274—1321), приближенный императора Годайго; в чине *дайнагона* был с 1316 по 1319 г., затем он стал внутренним министром.

ССХХХVIII, 6. Это изречение (*Лунь юй*, гл. XVII, «Янхо», § 18) полностью выглядит так: «Философ сказал: я не люблю фиолетовый цвет, потому что он затмевает красный; не люблю чжэньский напев (сладолюбивый), потому что он нарушает истинную музыку; не люблю говорунов, ибо они губят государство» (пер.: П. С. Попов, Изречения Конфуция, стр. 110). В старых изданиях *Лунь юя* приведенный раздел входил в гл. IX.

ССХХХVIII, 7. Готоба — 82-й император Японии (1184—1198), после отречения от престола и принятия сана много занимался поэзией. Его стихи вошли в ряд поэтических сборников, среди которых — «Антология ста поэтов» (*Хякунин иссю*), составленная Тэйка.

ССХХХVIII, 8. Тэйка — см.: СХХХIX, 7.

ССХХХVIII, 9. Содэ и тамото — синонимы, обозначающие рукав одежды.

ССХХХVIII, 10. Стихотворение (*танка*) из антологии *Кокинсю* (кн. IV, разд. «Осень») поэта Аривару Мунахари, сына знаменитого Нарихира (см.: LXVII, 2). *Сузуки* — японская степная трава.

ССХХХVIII, 11. Кудзё, князь Корэмити — см.: VI, 2.

ССХХХVIII, 12. Дзёдзайко — старинный храм у подножия гор к востоку от Киото; до нашего времени не сохранился.

ССХХХVIII, 13. Ариканэ (1243—1321) — левый министр Сугавара Ариканэ, известный в свое время стилист.

ССХХХVIII, 14. Юкифуса — Фудзивара Юкифуса, приближенный императора Годайго, погиб в 1338 г. в битве под Канасаки.

ССХХХVIII, 15. Некоторые многозначные иероглифы в зависимости от того, с каким знаком они рифмуются в стихе (т. е. в каком тоне читаются), имеют разные значения. К ним относится и иероглиф *ко*, имеющий основные значения: «идти», «совершать», «ряд», «поступок». *Ко* в значении «ряд» (более редкое употребление — в смысле «шаг») читается по-китайски в ровном тоне и принадлежит к той же группе рифм, что и слова *ё* и *то*, стоявшие, как это видно из текста, в конце других стрóf надписи. Вызвавший же сомнения Кэнко-хоси слог *ри* не только не рифмуется с указанными слогами, но и вообще относится к группе рифм, малоупотребительных в поэзии *си* того времени.

ССХХХVIII, 16. Три пагоды — три группы буддийских храмов в провинции Оми — Восточная, Западная и Ёкава, подчиненные монастырю Энрякудзи.

ССХХХVIII, 17. Дзёгё — храм в Ёкава, где паломники читали *Нэмбуцу*.

ССХХХVIII, 18. Рюгэим — название одной из пагод храма Кёфуку в Нара.

ССХХХVIII, 19. Сари — Фудзивара Масасукэ (944—998), знаменитый хэйанский каллиграф.

ССХХХVIII, 20. Кодзэй — Фудзивара Юкинари (см.: XXV, 14).

ССХХХVIII, 21. Догэн — см.: дан CLXXIX.

ССХХХVIII, 22. Наранда — храм, построенный Догэном по возвращении из Индии; назван в честь храма Наланда в Индии (см.: CLXXIX, 5).

ССХХХVIII, 23. Восемь несчастий — восемь обстоятельств, мешающих, по буддийскому учению, состоянию отрешенности: горе, страдание, радость, наслаждение, желание, любопытство, вдох и выдох.

ССХХХVIII, 24. Кэндзё — сын министра Фудзивара Кимимори, настоятель храма Дайго, родился в 1280 г.

ССХХХVIII, 25. Церемония с наговорной водой — один из обрядов секты сингон, состоящий в опрыскивании святынь пропитанной благовониями водой. Обряд совершался в храме Наранда.

ССХХХVIII, 26. Пятнадцатый день второй луны — день поминовения Шакиямуни.

ССХХХVIII, 27. Сэмбон — см.: ССХХVIII.

ССХХХIX, 1. В старинной китайской астрономии ночное небо делилось на четыре стороны, каждая из которых состояла, в свою очередь, из семи частей. Всем этим 28 частям соответствовало 28 созвездий. Часть небосвода, которой соответствовало созвездие Овна, находится в западной стороне. Как и все другие созвездия, оно имело соотвествия с определенными днями в календаре.

ССХХХIX, 2. Большая доля стихов японских (так же как и китайских) авторов, посвященных любованию осенней луной, написана в числа, соответствующие созвездию Овна.

ССХL, 1. Неуютно то место, где растут водоросли, что собирают рыбаки из бухты Синобу — метафорическая цепочка, основанная на японской поэтической традиции. Переносный смысл этой части фразы: «И тайной любви докучают нескромные взоры».

ССХL, 2. Немало людей охраняют гору Курабу — поэтический образ, обозначающий родителей и братьев девушки, охраняющих ее доброе имя («гора Курабу» — традиционный образ любовной пары, укрывшейся в ночной тьме).

ССХL, 3. Дикарь — в тексте: *адзумабито* — «житель Адзума», провинциал.

ССХL, 4. «Был бы поток увлекающий» — строка из стихотворения знаменитой поэтессы Оно-но Комати (см.: CLXXIII, 1), написанного в ответ на приглашение поэта Фумия (Бунъя)-но Ясухидэ приехать к нему в деревню (*Кокинсю*, кн. XVIII, раздел «Смесь»):

Если был бы поток,
Увлекающий тело мое,
Ставшее вырванной с корнем травой,
Он понес бы меня...

ССХL, 5. «Непроходимые заросли на склонах горы» — цитата из стихотворения Минамото Сигэюки (ум. в 1000 г.), помещенного в антологии *Синкокинсю* (т. XI, раздел «Любовные песни»). Смысл этого стихотворения заключается в том, что, как бы ни были густы заросли на склонах горы, они не могут помешать влюбленным.

ССХL, 6. Равнина Августейшей Ограды — низина у ограды императорского дворца в Киото, буйно заросшая травой. Образ, часто использовавшийся в традиционной японской поэзии при описании любовного свидания (например, в антологии *Сэндзайсю*, т. XI, раздел «Любовные песни»).

ССХLI, 1. Согласно буддийским воззрениям, человеческая жизнь эфемерна, как мечта, видение или призрак. Она лишь временное сочетание безначальных элементов, краткий эпизод в их вечном бытии.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абэ Аримунэ, см. Аримунэ-но-
 нёдō
 Абэ Ёсихира 123, 215
 Абэ Кагэаки 215, 224
 Ава 184
 Авалокитешвара, см. Каннон
 Августейшей Ограды равнина 160,
 229
 Агуи 68, 185
 Адаси 47, 168
 Адати Ёсикагэ 132, 218
 Адзума 114, 123, 173, 210, 215,
 229
адзумагото, см. вагон
адзюри 75, 188
 Ай-гун 221
акадана 50, 170
 Акасоммээмон 209
 Акида 218
 Акиканэ 141
 Акимото-но-тёнагон, см. Минамо-
 то Акимото
 Ама-годзэ 66, 184
 Ама-но-ивая 172
 Амагэрасу ёмиками 17, 172, 179,
 206
 Америка 13
амида-буцу 86, 195
Амидакё 204
 Амиитаба 63, 178, 181, 184, 204, 224
 Амэ-но Коянэ-но-микото 17
 Амэ-но Удзумэ-но-микото 172
 Анки 94, 200
 Анраку 151, 225
 Антоку-тэннō 215
 Араки Ёсио 25, 38
 Аривару Мунахари 227
 Аривару Нарихира 76, 77, 189, 227
 Ариканэ, см. Сугавара Ариканэ
 Арико, см. Анки
 Аримунэ-но-нёдō 150, 224
 Арисугава 98, 201
 Арисуми 176
 Асикага 26, 222
 Асикага (город) 222
 Асикага Ёсиудзи 145, 222
 Асикага Такаудзи 25, 180
 Астон В. Г. 27
 Асукагава 34, 56, 176
 архат 201
 Атаго 185
 Ати-но-Оми 199
 Ацусигэ 108, 207
 Ая-но Кёдзи 49, 169
 Бао Цань-цзюнь, см. след.
 Бао Чжао 182
басоку (см. также *нюдо*) 182
 Безмерно Долгой Жизни зал 57,
 178
 Белый лотос 95, 201
бива 52, 172, 191, 225
 Бива, см. Фудзивара Кадзуко
 Бива (императрица) 209
бива-хёси 151, 225
 Бидзэн 199
бику 93, 200
бикуни 93, 200
 «Биография Хоккэна» 130
 Бо, см. Бо Лэ-тянь
бокуба 78, 191
 Большая Медведица 61, 181
 Бо Лэ-тянь 18, 170, 181, 182, 186,
 195, 201, 216
Бомбокё 216
бондзи 99, 202
бороборо 98, 202
борондзи 99, 202
 Бо Цзюй-и, см. Бо Лэ-тянь
Бо-ши вэньцзи 50, 170, 180, 216
Бо-ши Чан-цин цзи, см. Бо-ши
вэньцзи
бу 76, 189
будати 195
 Будда 45, 47, 52, 56, 64, 67, 90, 98,
 99, 121, 123, 129, 136, 137, 151,

- 161—162, 170, 173, 176, 191, 197,
201, 202, 211, 213, 216, 219
«Буддийские записи годов Гэнкё»,
см. *Гэнкё сякусё*
«Буддханамасутра» 173
Бумпё 85, 195
Бунъэй 226
Буракуин 190
Буссэцу мурёдзюкё 204
Бэн 112, 209
Бэн-но Мэното 209
бэтто 226
- вагон* 172
Вада Ёсимори 222
Вайрочана 187
вакадокоро 171
Вакамия 139, 219
Вакамия Хатиман-гү 219
Вакамия рёэйсё, см. «Сборник
японских и китайских песен»
Ван Хуэй-чжи, см. след.
Ван Цзы-ю 101, 203
Ван Цзянь 144, 222
вариго 70, 186
Ватанабэ, см. след.
Ватанобэ 135, 219
Великий храм 155, 226
«Великое созерцание», см. *Мака
сикан*
Великой Благодарности храм 225
восемь несчастий 158, 228
«Воспевание вина» 180
Востока храмы 139, 219
Восточная Цзинь 222
Восточные горы 135, 219
Восточный храм, см. Тодзи
Восьми Коллегий дворец 206
«Все сутры», см. *Сандзё*
«Выдержки из *Цурэдзурэгуса*» 30
Высокого Неба равнина 172
Выход посыльного пред лотосом
54, 174
Вэй 205
Вэй Дань 205
Вэнь-ди, см. Цао Пэй
Вэньсюань 50, 170, 179, 181, 182,
205
- гайки (гэки)* 91, 199
Гао-цзун 218
Гаутама 200, 223, 225
гёбё 122, 214
Гёгандзи 86, 195
Гёга-сёдзу 64, 182, 183
- Гёкубасё* 212
Гёкусэки дзасси 20, 21
Гёрэн 113, 210
Гёсэн-хёин 140, 220
Гифу 23
«глаз мудреца» 125, 216
го 201
Годайго 17, 21, 22, 25, 28, 179,
180, 191, 195, 212, 217, 223, 227,
228
Годзё 141, 152, 220, 226
годзёон 211
Гоитидзё 167
Гокурадзи 68, 186
Головнин В. М. 13
гома 122, 214
Гонидзё 19
Гончаров И. А. 13
Госага 124, 152, 185, 188, 202, 215,
217, 221, 225
Госандзё 180
Госиракава 171, 209, 227
госитинити 188
Готоба 125, 151, 157, 171, 180, 184,
215, 224, 227
Готокудайдзи, см. Фудзивара Са-
нэсада
Готё-но-хёин 66
Гоуда 19, 20, 21, 28, 199, 204, 207,
212, 223
Гофукакуса 196, 202, 224
Гофусими 28, 204, 214
Гохорикава 200
Гугакубо 85, 86
гуши 179
Гэммэй 209
гэндзё 78, 191
Гэндзи 171
Гэндзи моногатари 18, 24, 30, 31,
33, 51, 53, 170, 171, 173, 224
Гэнкё 29
Гэнкё сякусё 168
Гэнки-монъин 60, 180
Гэнкё сякусё 191
Гэнкү 63, 151, 181, 182, 204, 225
Гэнсэки 125, 215
Гэнтоку 29
Гэнъо 78, 171
Гэ Хун 165
- дадзё-дайджин* 167, 193
Дайго (долнина) 170
Дайго (храм) 228
Дайгоку 105, 206
Дайго-тэннё 166, 170, 206, 220

- дайдзёкан* 166, 207
 Дайдзи 188
 Дайдзингү 106, 140, 206, 211
 Дайкаку 20, 92, 199
дайнагон 93, 94, 108, 167, 193, 199, 227
дайнагон-хёин 87, 196
Дай Нихон си 18
 Дайодзи 210
 Дай Шу-лунь 174
 Дальний Восток 166
 Дамин 181
дандзёдай 199
 данна 219
 Данноура 215
 дармы 179
 «Десять условий», см. *Одзё дзюин*
дзайкэ 200
дзасу 211
дзё 57, 178
дзё (придворный ранг) 220
 Дзёбэн 22
 Дзёва 24, 127, 216
 Дзёган 150, 224
 Дзёгё 158, 228
 Дзёдзайкё 157, 228
 дзёдо 182, 184, 189, 195, 202, 204, 215, 224
 Дзёдодзи 94, 200
 Дзёэнэн 118, 212
дзёрури 17
 Дзёсин-сёдзу 73, 187
 Дзидзё, см. Нидзё
 Дзикоку 22
дзин 175
 Дзиндзёдэн 175
 Дзитин, см. Ёсимидзу-но-касё
 Дзиэ, см. Рёгэн
 Дзиэн, см. Ёсимидзу-но-касё
 Дзёга 45, 165
 Дзётё 22
дзуйхицу 13, 14, 32, 33, 38, 173, 208
 дзэн 189, 215
 дзэндзё 213
 Дзэнкан 151, 152, 225
 Дзэнрин 67, 184
 Дзёхё-хёси 102, 204
 Дзюнтоку 46, 166
Дзюбсё 189
 Дифань 203
 Дни красного языка 87, 196
 Дёга 20, 214
 Догэн-сёнин 130, 158, 217, 228
- Дунлин 201
 дхьяна 219
 Дэва 218
- Европа 13
- Едзэй 206
 Едогава 185
 Ёкава 22, 140, 158, 220, 228
ёкёку 17
ёки 206
 Ёсано Акико 202, 203
Ёсивара сиццузэ 30
 Ёсида 133
 Ёсида (местность) 24, 27, 28
 Ёсида (храм) 17—19, 23, 56, 176
 Ёсида-но-тёнагон 130, 217
 Ёсидзава Ёсинори 15, 207
 Ёсикагэ, см. Адати Ёсикагэ
 Ёсико, см. Имадэгава (императрица)
 Ёсимидзу-но-касё 76, 151, 189, 225
 Ёсино 17, 112, 209
Ёсино сёи 17
 Ёсихира, см. Абэ Ёсихира
Ёцуги-но окина-но моногатари 47, 167, 173
- «Жизнеописание Сётоку-тайси» 167
Жунчжай суйби 33
- «Законоположения» 117, 212
 Западного Просветления храм 130—131, 218
 Западные горы 135, 219
 «Записки из кельи», см. *Ходзёки*
 «Записки о путешествии на Запад», см. *Сиюцзи*
 «Записки от скуки» 14—18, 22, 26—34, 37—39, 41, 42, 166, 169—170, 179, 197, 199, 203, 221
 «Записки принца Рихо» 105, 206
 «Записки у изголовья», см. *Макура-но сёси*
 «Записки экс-императора Ханадзано» 204
 «Запись обетов, клятвенно произносимых наставниками» 141
- Ивакура 94, 200
 Ивамото 76, 77, 189
 Ивасимидзу 68, 186, 222

- Ивасимидзу Хатимангү, см. Ивасимидзу
 Ига 19, 23, 25, 27, 193
 Игараси Тикара 31
 Идзумо 155, 226
 «Извлечения из Северных гор», см. *Хокудзансё*
 Изгнание демона 54, 91, 174, 199
 «Изречения» 33
 Имагава Рёсюн 26, 27
 Имадэгава 68, 185, 191
 Имадэгава, см. Кикутэй-но-отодо
 Имадэгава (императрица) 77, 189
имаё 171
Имакагами 167
 Имена будд 54, 173
 Инаба 63
 Индия 84, 193, 201, 218, 223, 228
инкэ 187
 Ин-но-дайнагон Мицутада-нёдō 91, 199
 Инчуань 172
инь 196, 206, 214
 Ирооси-бō 98
 Ироха-ута 216
 Исикава Ивао 30
 Исполнения молений пруд 131, 218
 Исо-но-дзэндзи 151
 «Исследование биографии Кэнкō» 20
 «Исторические записки» 165, 203
 «История великой Японии», см. *Дай Нихон си*
 Исэ 67, 106, 140, 176, 185, 199, 206
 Исэ (храм) 56, 172, 175, 176
Исэ моногатари 33, 76, 187, 189
 Исэ-но Тайра (Исэ Хэйдзи) 199
Итигон хōдан 184, 197
 Итидзэ 17, 18, 195, 209, 220
 Итидзэ (улица) 68, 118, 185, 186, 196
 Ито 211
 Ихара Сайкаку 31
И цзин 193
 Иэнага, см. Минамото Иэнага
Иэнага никки 171

 Каба-но Кандзя, см. Минамото Нориёри
 Кавара, см. Кōра
 Кага Ацуко 26
кагура 52, 130, 171, 172, 183
 Кагэмоти 148, 223

 Кадзамаки Кэйдзирō 17
кадзуки 78, 191, 199
 Кадоно 176, 211, 223
 Кадэнокодзи, см. Фудзивара Цунэтада
каиои 215
кайкоцу 144, 222
 Кайкоцу 145
 Какиномото Хитомаро 195
 Камакура (город) 21, 23, 100, 150, 184, 202, 222
 Камакура (эпоха) 166, 180, 192, 193, 207, 208, 210, 213, 217, 219
 Камакура-но-тиссё 130, 217
камбун 217
ками 220
каминадзуки, см. *каннадзуки*
 Камму 213
 Камо 56, 76, 172, 173, 176, 182, 185, 189, 200, 208, 223
 Камогава 185, 210
 Камо-но Тэмэй 29, 112, 187, 208
кампаку 177
 Камэгику 151, 224
 Камэяма (император) 94, 169, 180, 185, 189, 200, 202, 226
 Камэяма (дворец) 68, 142, 185, 221
кан 187
 Канагава 202
 Канадзава 61
канадзёси 30
 Канасаки 228
кандзи 99, 202
каннадзуки 50, 140, 169
 Каннон 226
 «Каноническая книга мудреца из Наньхуа», см. *Чжуан цзы*
 Кантō 21, 192
 Канъиндоно 60, 180
 Канэакира 166, 167
 Канэхито 18
 Канёюки, см. Минамото Канёюки
 Карахаси Масакиё 64, 182
 Карахаси-тōдзэ, см. Карахаси Масакиё
кара-хэйдзи 92, 199
каригину 25, 65, 139, 183, 224
касё 189
 Касикодокоро, см. Найсидокоро
 Касуга 56, 176
катогути 180
 Катоикадзути-но-микото 182
 Кацуо 226
 Кацурагава, см. Оигава

- Кацурано 185
 Каэндзи, см. Сайондзи
 кё 193
 Кёгоку 56, 177
 Кёгоку-нюдō-тōнагон, см. Фудзивара Тэйка
 Кёун 22
 Кёфукудзи 175, 228
 Кибуноэ 56, 176
кигэн 213
 Киёвара Мотосукэ 165
 Киёмидзу 66, 168, 184, 214, 224
 Киёхара 199
 Киёюки, см. Мики Киёюки
 Кии 211
 Кикутэй-но-отодо 78, 98, 191, 201
 Кимико, см. Тōнидзё
Кимписё 166
 Ки-но Цураюки 51, 170, 171, 178, 195
 Кинугаса 185, 223
кинукадзуки, см. *кадзуки*
 Кинъакира 92, 199
 Кинъё, см. Фудзивара Кинъё
 Киото 17, 21, 23, 30, 32, 34, 67, 165, 168—170, 173, 175—177, 180, 182—186, 188, 190, 195, 196, 200—202, 205, 206, 208, 212—214, 218—221, 225, 227—229
 Кисодзи 23
 Китай 18, 34, 52, 131, 140, 145, 166, 167, 172—174, 184, 189, 199, 201, 216, 217, 223
 Китамура Кигин 32, 42
 Китаяма-[но-дадзё]-нюдō, см. Фудзивара Санэдзи
 Кобата 85, 195
 Кобō-дайси, см. Кōя-но-дайси
 Кобэн 19—21, 23
 Ковата, см. Кобата
 Кога 91, 198, 219
 Кога (селение) 219
 Кога[-найси] 139
 Кога Мототомо 90, 197, 198, 200, 214, 222
 Кога Мототоси 90, 122, 197, 214, 222
 Кога-наватэ 139, 219
 Кодзакадо 49, 169
 Кодзэй, см. Фудзивара Юкинари
 Кōдō, см. Гёгандзи
 Кокан Сирэн 192
Кокинвакасё 51, 170, 176—178, 216, 227, 229
 Кōкō, см. Комацу-но-микадо
Коконтё мондзю 169
 Комацу 217
 Комацу-но-микадо 129, 185, 217
Кōмё сингон 150, 224
 Кōмоку 22
кōмон 223
комусō 202
Конгёкусю 26
Кондзяку моногатари 168, 191
 Кō-но-дзидзю 112, 209
 Ко-но Моронао 17, 25, 26
 Коноэ-доно 77, 91, 189, 199
 Коноэ-но-кампаку 123, 215
коноэ-но-тайсё 204
 Конрад Н. И. 15, 40
 Конфуций 106, 143, 194, 202—206, 210, 212, 219, 221, 222
 Кōра 68, 186
 Корея 172
 Корэмунэ-но Масасукэ 220
 Корэтака 166
 Корэцугу-но-тōнагон, см. Тайра
 Корэцугу
 Кōсандзи 211
косики 188
косодэ 139, 219
 Кōсоцу, см. Оэ Тадафуса
 Кōсюн-сōдзё 142, 221
 Котодзуги 98
 Кофукудзи 195
 Кōю-содзу 83, 84, 193, 194
 Кōя 93, 200
 Кōядзан 200
 Кōя-но-дайси 127, 216, 221
 «Краткое изложение важнейших принципов управления», см. *Сэйдзи ёряку*
кугэ 19
 Кудзё (род) 221
 Кудзё (первый министр), см. Фудзивара Корэмити
 Кудзё, см. Фудзивара Моросукэ
 Кўкай, см. Кōя-но-дайси
 Кумэ 48, 168
 Куними-но ока, см. Кунимияма
 Кунимияма 23, 24, 28
 Кунихито, см. Госага
Кун-цзы цзяюй 210
 Курабу 159, 229
 Курама 141, 185, 220
 Курамадэра 225
 Кураоками-но-ками 176
куруката 89, 197
 Курихара Нобумицу 17, 20
 Куродо, см. Черных Дверей зал

- Куро Хоган 151, 225
 Курусу 50, 170
 Кусада Сайсун Киноко 32
кусанаги-но цуруги 217
кусудама 112, 209
 Кусуноки Масацура 25
Кухон-но нэмбуцу 202
 Кшитигарбха, см. Дзидзō
кэбииси 198, 199, 226
 Кэгон 142, 221
кэмари 130, 217
 Кэндзэ 158, 228
 Кэндзи-Кōан 149, 223
 Кэнкō-хōси 14—32, 34, 40—42, 166,
 168, 170, 171, 175—177, 181—
 183, 186, 190, 193, 194, 202,
 204—206, 208, 212, 214, 215,
 220—223, 225, 227, 228
 Кэдрэй 125, 215
кэса 214
 Кюсю (см. также Цукуси) 209,
 217

 Лао цзы 18, 24, 51, 170, 174, 181,
 203
 Лейн Р. 30
 Линъюнь 104, 205
 Литература пяти холмов 192
 «Литературный сборник», см.
Вэньсюань
 Ли Хань 172
Лицзи 205
 Ли Шан-инь 33
 Лотосовая резиденция, см. Ван
 Цзянь
 «Лотосовая сутра», см. *Хоккэкэ*
 Лу 205
Лунь юй 135, 157, 191, 194, 202,
 203, 205, 206, 210, 212, 219, 221,
 223, 227
 Лю Ань 178
люйши 174
 Лю Синь 165
 Лючао 200

 Мадэ-но-кōдзи 157, 227
Мака сикан 81, 192
Макура-но сōси 18, 29, 30, 33, 42,
 53, 112, 165, 173
мамакодатэ 111, 208
мандала 187
Манъёсю 18, 143, 221
 Маруяма Римпай 31
 Масафуса-дайнагон 103, 204

 Матагорō 91
 махаяна 167
 Мацу-но-о 56, 176
 Мацуо 185
 Мацуо Акира 15, 204, 207, 215,
 221, 225
 Мацуо Басэ 31
 Мацусита 132
 Мёкан 152, 226
 Мёмацумару 26—28
 Мёун-дзасу 116, 211
 Мива 56, 176
 Миваяма 176
 Мидōдоно, см. Фудзивара Мити-
 нага
 Миё-сёнин 116, 211
 Миидэра, см. Эндзёдзи
 Мики Кийюки 127, 216
Микуса-но кандакара 179
 Мимасака 181
 Минамото 139, 184, 211, 219, 225
 Минамото Акимото 47, 166
 Минамото Арифуса, см. Рокудзэ
 Минамото Арихито 47, 167
 Минамото Ёситомо 225
 Минамото Ёсицунэ, см. Куро Хо-
 ган
 Минамото Ёэнага 51, 171
 Минамото Канэюки 57, 178
 Минамото Масафуса, см. Маса-
 фуса-дайнагон
 Минамото Митимицу, см. Кога
 [-найси]
 Минамото Мититомо 171
 Минамото Мицутада, см. Ин-но-
 дайнагон Мицутада-нōдō
 Минамото Мицуюки 151, 224
 Минамото Мототомо, см. Кога
 Мототомо
 Минамото Норийэри 151, 225
 Минамото Сададзанэ, см. Цути-
 микадо
 Минамото Садасанэ 204
 Минамото Санэхира 118, 212
 Минамото Сигэюки 229
 Минамото Такаакира 220
 Минамото Такакуни 168
 Минамото Томомори, см. Хорика-
 ва
 Минамото Томоудзи, см. Томоуд-
 зн
минамусуби 121, 214
 Минди 205
 Мино 23
 мирская суэта (*боннō*) 62, 181

- Мисака 23
мисо 145, 222
 Митани Эйити 15, 39
 Митараси 76, 189
 Митинага 209
 Митинори, см. Фудзивара Мити-
 нори
митэгура 173
 Мицусада Икотарō 27
 Мицутика 66, 184
мон, см. *сэн*
 Монтоку 167
 монгын 180
 Моринага 22
 Моритика-нюдō 122, 214
 Мотоёси 105, 206
 Мототоси-дайнагон, см. Кога Мо-
 тотоси
 Мо цзы 178
 Мунэнага 22
 Муэтакэ, см. Камакура-но-тюдō
 Мураками 166, 182
 Мураками Гэндзи 182
 Мурасаки-сикибу 31, 170, 171
Мурёдзюкё 204
 Муромати 68, 183, 185
 Мусаси 25, 61, 201
 Муцу 132
мэнамоми 90
Мэн цзы 194, 210
Мэнцю 172
- Нагадзуми Ясуаки 14
 Нагано 23
 Нагатани 220
нагаута 143, 189, 221
нагори 186
найбэн 91, 198, 199
найдайзин 167, 207, 212
найки 91, 198, 199
найси 208
 Найсидокоро 56, 130, 175, 179, 217
 Накако, см. Суо-но-найси
 Накано Есно 38
 Накасэндō 23
 Накатоми 17
 Накахара 199
 Накахара Ясуцуна, см. Ясуцуна
накацукаса 166, 198, 217
 Накаяма Юкитака 224
 Наланда 130, 217, 228
Наньхуацзин, см. *Чжуан цзы*
 Нара (город) 85, 112, 176, 195,
 209, 213, 219, 228
- Нара (эпоха) 172
 Нароби-но-ока 23, 28, 70, 186, 223
 Нарандадзи 130, 158, 217, 228
 Нарихира, см. Аривара Нарихи-
 ра
 Небесная Река (Млечный Путь)
 173
 Небесных королей храм 148, 149,
 223
 «Немногословные благоуханные
 беседы», см. *Итигон хёдан*
нёдзю 139, 220
 Нёрин 152, 226
 Нидзё 27
 Нидзё Есимото 27
 Нидзю 140, 220
Нидзюитидайсю 170, 171, 204, 209
 Ниннамэмацури 190
 Никайдō Садамунэ, см. Тонъя
 Никанское царство 13
 Ниинги-но-микото 17, 179
 Ниннадзи 23, 68—70, 147, 185—
 187, 221
ни-но-маи 64, 183
 Нинтоку-тэннō 166
Нингюкё 196
 нирвана 169, 185, 202, 204, 223
 Нисию Минору 15
 Нитирэн 190
 «Новое исследование Цурэдзурэ-
 гуса» 14
 «Новое собрание древних и но-
 вых песен», см. *Син кокинсю*
Нодзуги 30
 Ноногути Такамаса 20
 Но-но мия 56, 175
 Ночные покои 217
 Нунами Такэо 20, 27, 169, 182,
 190, 198, 207, 211, 215
нуэ 143, 221
Нэмбуцу 150, 152, 181, 182, 184,
 224, 225, 228
нэхан 149, 223
нюдō 182, 193, 199
- Обитель Чистоты Священного Са-
 да 149, 223
обитори 195
 Общество верующих в учение
 Будды 200
 Общество Шести сроков восхвале-
 ния Будды 225
 Община Белого лотоса, см. Белый
 лотос

- Овна созвездие 159, 228
 Ога 223
 Огура-синнō, см. Канэакира
 Ода Нобунага 208
Одзэ дзюин 67, 184
 Одзин, см. Хатиман
 Ои 68, 185
 Оигава 68, 142, 185, 219
Окагами, см. *Ецуги-но окина-но моногатари*
 Окада Сётарō 15
 Окамото-но-кампаку-доно, см. Фудзивара Иэхира
 Окунинуси 226
 Окуяма 185
 Оми 228
 Оммэ, см. Онъэ
 Омовение Будды 53, 172
 Омовения рук ручей, см. Митараси
 Омононуси-но-ками 176
 Омуро, см. Ниннадзи
Онамоти-но-микото, см. *Окуни-нуси*
Онамудзи-но-микото 220, 221
онмэдо (онъэддо) 196
 Онмёрэ, см. Онъэ
оннай 210
 Оно-но Комати 126, 127, 178, 216, 229
 Оно-но Тōфү 86, 195
 О-но Хисасукэ 150, 224
 Онъэ 122, 141, 150, 214, 221, 224
ōрэси 77, 190
 Осака 176, 219, 223
 Осикоти-но Мицунэ 170
 Отаги 176, 190
 Отдельный павильон 130
 Отэ 67, 185
 Отодзурумару 87, 196
отокомаи 151
 Отокояма 186
 Отокояма Хатимангү, см. Ивасимидзу
 Отокуни 176
 Отоуси 98
 Охара 74, 188
 Охарано 56, 176
 Охараями 166, 208
 Оэ Тадафуса 130, 217
 Оюдоно 100
- Пастух (Алтайр) 173
 передача государства (церем.) 57
- Перри М. 13
 «Повесть о Гэндзи», см. *Гэндзи моногатари*
 «Повесть о четырех временах года», см. *Сики моногатари*
 Позднеев Д. М. 190
 Полуденные покои 130, 217
 помраченность (будд.) 52, 172
 Попов П. С. 202, 204—206, 210, 212, 219, 222, 227
 Почитание четырех сторон 54, 174
 Праздник душ 54, 174
 Праздник хризантем 209
 промежуточная тьма 58, 179
 Пяти династий эпоха 225
 «Пятикнижие» 165, 205
 пять знаков 188
- «Разнообразные записки о западной столице» 165
 Расацу 196
 «Рассказы старца Ецуги», см. *Ецуги-но окина-но моногатари*
 Рёгаку 65, 183
 Рёгэн 141, 221
Рёдзинхисэ 52, 171
 Рибу, см. Рихō
рисси 106, 183, 206
 Рихō 105, 206
рицу 193
 Розенберг О. О. 201
роккасэн 189, 216
 Рокудзэ 108, 206
 Рокухара 118, 130, 212, 217
рон 193
 Росистый терем 56, 175
 Россия 13
 Рэйсэн-банри-коро 180
 Рэйсэн-фукуро 180
рэнга 38, 82, 86, 109, 192, 195
 Рюан-хōин 30
 Рюбэн-сōдзэ 146, 222
 Рюгэин 158, 228
- Сага (император) 167
 Сага (селение) 98, 201
 Сага (уезд) 185, 199
 Сага (издательство) 30
 Сагами 202
 Сагами-но-ками Токиёри, см. Саймэджи-но-нōдō
 Сагара Хэда 27
сагитэ 131, 218

- садайдзин* 167
 Садако 165
сайбара 171
 Сайгё, см. Сатō Норикιё
 Сайдайдзи 118, 212
 Сайкю, см. Минамото Такаакира
Сайкюки 139, 220
Сайкюсё, см. *Сайкюки*
 Саймёдзи, см. Саймёдзи-но-нюдō
 Саймёдзи-но-нюдō 132, 145, 146, 218, 222
 Сайомару 98
 Сайондзи 180
 Сайондзи, см. Минамото Санэхира
 Сайондзи (храм) 67, 149, 185, 223
 Сайондзи-дадзё-дайдзин Санэканэ 201
 Сайондзи Кимихира, см. Тикурин-ин-но-нюдō
 Сайондзи Санэканэ 191
сайсёкō 55, 66, 175, 184
 Сайсёкō (храм) 156, 227
сакан 140, 220
сакумон 165
сама-но-ками 222
саммайсō 106, 206
 Санари Кэнтарō 15
 Сандзё (император) 209
 Сандзё (министр) 156, 227
 Сандзё Кинсигэ 227
 Сандзё Санэсигэ 227
 Сандзёниси Санэтакэ 26—28
сандзō 84, 193, 194
Сандзō 130, 193, 194, 217
Санкасō 169
 Санō Ясутарō 14, 29, 175, 180, 199, 202, 211
Сансю-но синки, см. *Микуса-но кандакара*
 Сануки 216
 Сануки-но Сукэ 131, 218
 саньямо 126, 216
Санъ ти Тан ши 174
 Санэката, см. Фудзивара Санэката
Санэката-асон сō 189
 Сари, см. Фудзивара Масасукэ
 Сасаки Масаёси, см. Сасаки-но Оки-но-нюдō
 Сасаки-но Оки-но-нюдō 130, 217
 Сасаки Такацуна 217
 Сасаки Хатирō 15, 20
сасинуки 65, 183
 Сатō Кэндзи 29
 Сатō Норикιё 49, 166, 169
 «Сборник сведений о старинных и современных авторах», см. *Вакан рёэйсō*
 «Сборник сочинений господина Бо», см. *Бо-ши вэньцзи*
 «Сборник японских и китайских песен», 86, 165, 177, 195
 Светильник Закона 74, 187
 Священная Колесница 139, 219
 Священного Источника парк 131, 218
 Северная династия 16, 17, 20, 24, 223
 седьмого вечера празднование 53, 173
 Се Лин-юнь 95, 200
сё 148, 223
Сёбуцу 151
Сёва 57, 177
сёдзи 132, 175, 218
Сёкай 155, 227
сёкоку 193
Сёку кокинсō 224
Сёку нихон кōки 167
 Сёкү-сёнин 93, 190, 200
Сёку сэнсай вакасō 19, 27
Сёкуэ мондō 211
сёнагон 167, 224
сёнин 190
 Сёо-хōси 27
 Сёрё 149, 223
Сё сёки моногатари, см. *Сётэцу моногатари*
 Сёся 77, 190
 Сётоку[-тайси] 47, 167, 168, 223
Сётэцу 16, 29
Сётэцубон Цурэдзурэгуса 16
Сётэцу моногатари 16
 Сёэ-хōсиннō, см. Ая-но Кōдзи си 189
 Сиань 216
 Сигэакира, см. Рихō
 Сида 155, 226
 Сидзё 68, 185
 Сидзё-дайнагон 86, 177, 195, 220
 Сидзё-дайнагон Такатика 131, 218
 Сидзё-но-кōмон 147, 148, 223
сидзи 65, 183
 Сидзука 151
Сика вакасō 209, 219
сикибукё 206
Сики моногатари 112, 188, 208
сиккэн 184, 212, 218

- Сикоку 23, 209
 Симмура Идзуру 18
 Симоцукэ 211
 Симоцукэ-но-нйодō Синган 116
 Симоцукэ-но Такэкацу 75, 188
 Синано 23, 151, 224
 Сингон (павильон) 131, 218
 сингон (секта) 143, 186—189, 214, 218, 221, 228
Син гостюи вакасё 204
 Синдзёин 73, 187
 Синкай, см. Тайра Мунэтика
Син кокинсё 30, 51, 171, 207, 210, 229
 Синобу 159, 229
Син сэндзай вакасё 204
Син сёи-сё 192—193
 Синьцзян 189
 Сирабёси 224
сира-бондзи 98
 Сиракава 67, 167, 185, 206
 Сиракава (император) 106, 197,
Сироурури 73, 187
 Сисиндэн 175, 209
Си-цзин цза-цзи, см. «Разнооб-
 разные записки о западной сто-
 лице»
Сиюйцзи 130, 217, 218
 «Сказание о доме Тайра», см.
Хэйкэ моногатари
 «Славословие шести времен» 151,
 225
 «Славословия в заупокойной
 службе», см. *Хёдзисан*
Сёансё 193
 «Собрание десяти тысяч лепест-
 ков», см. *Мангёсё*
 «Собрание старых и новых пе-
 сен», см. *Кокинвакасё*
сёдзё 183
сёдзю 73, 74, 183
сёмаки 151
 Сомэдоно, см. Фудзивара Ёси-
 фуса
сондзя 198
 Соно-но-бэттō, см. Фудзивара
 Мотоудзи
 Сонтё, см. Мунэнага
 Сонъун, см. Морианага
 сорок девятого дня обряд 102,
 204
Сотё-хёси 27
сёфурэн 144
 Созками 212
 Средние ворота 141
- «Сто песен времен экс-императо-
 ра Хорикава», см. *Тарō хякусё*
 ступа 140, 220
Суварнапратхасоттамараджасут-
пра 175
 Сугавара Ариканэ 157, 228
 Сугавара Фумитоки 177, 195
сугороку 96, 201, 208
 Суйко 173
суйкэн 151, 224
 Сукō-тэннō 24
 Сукунахикона-но-микото 220
 Сукхавати 182, 202
сукэ 140, 220
 Сукэсуэ-дайнагон-нйодō 107, 207
 Сукэтомо 118, 212, 213
 Сумиёси 56, 176
 Сун 130, 217, 222
 Сун Чэнь 53, 172
Сунь цзы 192
 Суō 208
 Суō-но-найси 111, 208
 Суруга 184
 Сусаноо-но-микото 172, 217
сусуки 135, 157
 Сутоку 167
 Сыма Цянь 165, 203
 Сыскной департамент 90, 122, 214
 Сычуань 194
Сы шу см. «Четверокнижие»
 Сэйва 167
 Сэйгандзи 122, 214
Сэйдзи ёряку 140, 220
 Сэйкадō бунко 29
 Сэйкандзи 206
 Сэйрёдэн 175
 Сэйрёдэн 175
 Сэйсан 184
 Сэйсёдō 78, 190
 Сэй-сёнагон 29, 45, 165, 173
 Сэкикандō 26
 Сэмбон 159, 225, 228
 Сэмбонский храм Шакьямуни 152,
 225
сэн 187
Сэндзай вакасё 209, 229
Сэндзайсё, см. *Сэндзай вакасё*
Сэндзёсё 166
сэнри-но ума 194
 Сэнсом Д. 15, 188, 198, 200, 207
сэссё 200
 Сэссю 226
 Сэтцу 176, 185
сэцуна 196
 Сюань-цзан 218

- Сёгакуин 22
 Сюго Хомма 212
 Сёдзуй Кэндзи 18
 Сюдзяку 166
 Сюй Ю 52, 172
сюккэ 200
 Сюкугахара 98, 201
Сюрёгон 130, 217
 Ся 216
сяку 57, 76, 178, 189
сякудзэцунити, см. Дни красного языка
 Сян 55, 174
 Сяо-ван 165
- Тадамори 92, 199
 Тадзу, см. Фудзивара Мотоиэ
 Тадзугими, см. Фудзивара Мотоиэ
 Тайка 166
 Тайра 199, 225
 Тайра Киёмори 215
 Тайра Корэцугу 85, 194
 Тайра Мунэнака 208
 Тайра Мунэтика 67, 184
 Тайра-но Нобутоки 145, 222
 Тайра Тадамори 199
 Тайсё 214
тайсё 204
Тайхэйки 17, 25
 Такаги Итиносуке 27, 29
 Такакура 106, 206, 215
 Такахира, см. Готоба
 Такэдани 150, 224
 Такэти 176
 Тамагава 201
Тамацикури Комати сосуйбуми
 127, 216
 Тамба 199
 Тамба (провинция) 131, 155, 185,
 218, 226
 Тамэканэ-но-дайнагон-нёдō 118,
 212
 Тамэнори 98
 Тан 225
 Танао 23
 «Танец семи добродетелей» 151,
 225
танка 194, 227
Таро хякүсю 57, 178
татакаси 55, 175
 Татибана 176
 Татибана Дзюнъити 15, 18, 29,
 204, 207
 Татибана Нарисуэ 169
- Татибана Наритада 19, 20, 23
 Татибана Цунэхира 165
 Тацуаки, см. Тоёхара Тацуаки
тиго 184, 186
 Тикамацу Мондзэмон 31
 Тикатомо 156, 227
 Тикурин-ин-но-нёдō 83, 193, 212
 Ткачиха (Вега) 173
 Тоба (император) 131, 169, 218
 Тоба (город) 205
 Тоба (дорога) 105, 205
 Тоба (дворец) 105, 205
 Тоганоо, см. Миёэ-сёнин
 Тōдайдзи 175, 195, 219
 Тō-дайнагон 152, 226
 Тōдзи 119, 213
 Тоёхара Тацуаки 148, 223
 Тōин 84, 91, 193, 199
 Тōин (Накадзоно) Кинката 16,
 25
 Токиван, см. Фудзивара Санэдзи
 Токио 29
 Токугава 30, 195
 Токугава Мицукуни 18
 Токудайдзи 175
 Токудайдзи, см. Фудзивара Канэ-
 мото
 Токудайдзи (правый министр),
 см. Фудзивара Кинтака
 «Толкование Сайкю», см. *Сайкю-
ки*
 Тōмон 22
 Томонори 170
 Томоудзи 107, 207
 Тōнидзё 150, 224
 Тōнидзё-ин, см. Фудзивара Кими-
 ко
тономодзуска 91, 198
 Тō-но Цунэёри 16
 Тонъа 22, 24, 83, 192, 193
тонэри 45, 165
 Торибэ 47, 168
 Торибэно 111, 208
 Тōрэн 135, 219
 Тоса 170
Тоса никки 170
 Тотики 222
 Тōтоми 27
 Тōяма 189
 Трёх восточных дорог павильон
 120, 213
 Три мира (будд.) 184
 Три пагоды 158, 228
Трипитака, см. *Сандзō*
 Три сокровища 216

- Троецарствие 174
 «Троецарствие» 190
 Тэйка, см. Фудзивара Тэйка
 тэндай 22, 189, 190, 192, 196, 206, 215
 тэндай-дзасу 211
 Тэнрюдзи 185
 Тэнси, см. Годзэ
 тюдзэ 182
 Тё Индо Наранда дайбодзёкё, см. Сёрёгон
 тёнагон 166, 167, 194, 210, 223
 тюсё 47, 166, 217
 тяньтай 192
 Тяньтай-тайши 192
 Тяньтайшань 192
- убаи* 93, 200
убасоку 93, 200
 У-ван 166
 Уголок быстротечности 149, 223
удайдзин 167
 Удзи 68, 85, 86, 120, 185, 195, 213
 Удзумаса 98, 151, 201, 225
 У-ди 170
 Укё 125, 215
 Умэгахата 211
 Умэдзу 176
 Умэ-но мия 56, 176
 Урабэ 17, 18
 [Урабэ] Дзихэн 18, 22
 Урабэ Канэаки 17
 Урабэ Канэёси, см. Кэнкё-хёси
 Урабэ Канэнобу 17, 18
 [Урабэ] Канэнори 18
 [Урабэ] Канэо 18
 «Установления годов Энги», см. *Энгисики*
У цзин, см. «Пятикнижие»
- Фан Юн 217
 Фань Лу-гун 181
 Фа Сянь-саньцзан, см. Хоккэн-сандзё
Фа шу яо лу 205
 Флоренц К. 27
Фогоци 193
 Фудзивара 18, 167, 175—177, 188, 194, 213, 215, 226
 Фудзивара Акико 167, 213
 Фудзивара Акисукэ 209
 Фудзивара Акихира 177
 Фудзивара Ёринага 213
- Фудзивара Ёсико 202
 Фудзивара Ёсифуса 47, 167
 Фудзивара Иэхира 75, 188, 199, 215
 Фудзивара Кадзуко 112, 209
 Фудзивара Канэмото 56, 175
 Фудзивара Канэсукэ 167
 Фудзивара Канэсуэ, см. Кикутэй-но-отодо
 Фудзивара Кимидзанэ 35, 178, 179
 Фудзивара Кимико 202
 Фудзивара Кимимори 228
 Фудзивара Кинтака 141, 175, 220
 Фудзивара Кинтё, см. Сидзё-дай-нагон
 Фудзивара Кинъё 65, 183
 Фудзивара Корэмита 47, 157, 167, 228
 Фудзивара Корэюки 215
 Фудзивара Масасукэ 158, 228
 Фудзивара Митиканэ 177
 Фудзивара Митинага 57, 177
 Фудзивара Митинори 150, 224
 Фудзивара Мицутика, см. Мицутика
 Фудзивара Моритика, см. Моритика-нёдё
 Фудзивара Моронобу 157, 227
 Фудзивара Моронори, см. Дзёёдзи
 Фудзивара Моросукэ 46, 166
 Фудзивара Мотоиэ 150, 224, 226
 Фудзивара Мотоудзи 152, 226
 Фудзивара Мотоцунэ 167
 Фудзивара Нобукиё, см. Удзумаса
 Фудзивара Садамото 221
 Фудзивара Санэдзи 89, 100, 153, 196, 202, 226
 Фудзивара Санэката 76, 189
 Фудзивара Санэо, см. Ямасина
 Фудзивара Санэсада 49, 168
 Фудзивара Санэтоси 183
 Фудзивара Санэясу, см. Тёин
 Фудзивара Сукэмааса 195
 Фудзивара Сукэсуэ, см. Сукэсуэ-дайнагон-нёдё
 Фудзивара Сукэтомо, см. Сукэтомо
 Фудзивара Сумисора, см. Нёрин
 Фудзивара Тадамита 189
 Фудзивара Тадахира 220
 Фудзивара (Сидзё) Такасукэ, см. Сидзё-но кёмон

- Фудзивара Такатика, см. Сидзё-
 дайнагон Такатика
 Фудзивара Тамэё 19, 192, 226
 Фудзивара Тамэканэ, см. Тамэка-
 нэ-но-дайнагон-нүдō
 Фудзивара Тамэнари 167
 Фудзивара Токихира 220
 Фудзивара Тосинари 209
 Фудзивара Тэйка 113, 157, 171,
 210, 227
 Фудзивара Фудзифуса, см. Ёсида-
 но-тюнагон
 Фудзивара Фуюцугу 180
 Фудзивара Цунэтада 121, 156,
 214, 215
 Фудзивара Эцуко, см. Энсэй-
 монъин
 Фудзивара Юкинари 57, 158, 178,
 195, 214, 228
 Фудзивара Юкифуса 157, 228
 Фудзимура Саку 20, 207, 215
фудзюкка 171
 Фукакуса 202
 Фумия-но Ясухидэ 229
 Фунаока 111, 201, 208
фусё 116, 211
 Фусими 180
- Хада-но Сигэми 116
хайкай 31
хакама 179, 183
 Ханадзоно (император) 28, 177,
 179, 180, 185, 194, 207
 Ханадзоно (селение) 185
 Ханадзоно, см. Минамото Арихи-
 то
 Харима 190, 199
харэомотэ 183
 Хасимото 76, 189
 Хатиман 186, 219, 222
 Хафурибэ Наринака 171
 Хаяси Идзуми 32
 Хаяси Радзан 30
 Хигасияма 68, 185
 Хидзасати 98, 201
хидзири 165
 Хидэн 113, 210
хики 73, 187
 Хижина скорби 58, 179
 Хинокава 226
хирагана 188, 216
 Хирохата Юдзуру 29
 Хисамацу Сэньити 29, 32, 199
хигатарэ 145, 222
- хитирики* 52, 172
 Хиэ, см. Хиэйдзан
 Хиэнояма, см. Хиэйдзан
 Хобара 98
хобэн 149, 224
хөгэн 183
Хөгэн моногатари 226
 Хōдзё 20, 184, 212, 222
 Хōдзё (храм) 56, 177, 178
 Хōдзё Ёситоки 184
 Хōдзё Токиёри, см. Саймёдзи-но-
 нүдō
Хōдзёки 29, 30, 42, 187, 208
 Хōдзисан 225
 Ходзугава, см. Оигава
хōин 87, 183
Хōкёин-дхарани 150, 224
хоккё 183
 хоккэ, см. тэндай
Хоккэ[дō] 57, 106, 178, 206
Хоккэкё 24, 77, 95, 178, 190, 200
 Хоккэн-сандзō 84, 193, 194, 218
 Хōконгōин 149, 223
Хокудзансё 139, 219
хокумэн-но буси 19, 169, 197, 211
 Хонсү 209, 210, 212
Хонтё мондзуй 177
 Хōнэн-сёнин, см. Гэнкү
 Хорикава (император) 178, 218,
 227
 Хорикава (министр) 94, 200
 Хорикава (первый министр), см.
 Кога Мототомо
 Хорикава (дворец) 147, 222
 Хорикава-дайнагон, см. Фудзива-
 ра Моронобу
хоссёсю 184
 Хотан 189
 Храм на равнине, см. Но-но мия
 Хуайнань-цзы 178
 Хун Май 33
 Хунань 174
 Хуэй Юань 95, 200
 Хэйан 171, 176—178, 180, 190, 191,
 195, 207, 212, 214, 216
Хэйдзи моногатари 226
Хэйкэ моногатари 151, 225, 226
 Хэйя 56, 176
 Хэндзё 193
 Хэндзёдзи 122, 214
Хякунин иссё 30, 169, 210, 227
- Цао Пэй 165, 190
 Цао Чжи 190

- «Цветок закона», см. *Хоккэкэ*
 Цейлон 193
 Церемония с наговорной водой 158, 228
 Цзе 101, 203
 Цзи Кан 55, 174
 Цзинь 193
 Цзишань 172, 174
 Цзунчэн 181
 Цзы-гун 203
 Цзы-чжан 219
 Ци 222
 Цин Сянь-гун 125, 216
цин 174
 Цугита Дзюн 29—31
 Цукамото Тэцудзэ 31, 197, 198, 205, 207, 215
 Цукуси 77, 190
 Цураюки, см. Ки-но Цураюки
 Цуругаока 145, 222
Цурэдзурэгуса, см. «Записки от скуки»
 Цутимикадо (император) 196
 Цутимикадо (министр) 139, 219
цян ли ма, см. *сэнри-но ума*
Цянь Хань шу 210
- Чанъань 175, 218
 Черных дверей зал 129, 152, 226
 «Четверокнижие» 165
 четыре тяжких и пять великих грехов 96, 201
чжань 205
 Чжао Бянь, см. Цин Сянь-гун
 Чжаоин-тайцзы 170
 Чжи Дянь, см. Тяньтай-тайши
 Чжоу 101, 170, 203
 Чжоу Би 174
Чжуан цзы 51, 168, 170, 181
 Чжуан Чжоу 18, 168, 170, 174
 Чжуанчжоу 174
 Чжэ 194
 Чистой прохлады дворец 202
 Чунцю 205
- Шакьямуни 93, 172, 206, 217, 223, 225, 228
 Шан-Инь 203
 Шань Дао-даши 225
 Шести времен пагода 149, 223
 Шести династий эпоха, см. Лю-чао
 Шестой луны заклинания 53, 173
- шесть искусств 101, 203
 шесть путей (будд.) 184
 шесть скверн 48, 168, 190
Ши цзи, см. «Исторические записки»
шрамана 130, 217
 Штейн В. М. 210
 Шунь 84, 166, 194
Шу цзин 203, 216
- Щуцкий Ю. К. 193
- эбису* 192
эбоси 151, 224
 Эдо 18, 30
 Эйкан-рисси 184
эйкёку 52, 171
эмимотэ 183
 Энги 220
Энгисики 139, 176, 212, 220
 Эндзэдзи 85, 175, 194
 Энкё-дайси, см. Гэнку
 Э-но-дзидзю, см. Ко-но-дзидзю
 Энрякудзи 22, 151, 166, 175, 183, 184, 194, 196, 211, 221, 225, 228
 Энсэй-монъин 74, 188
Энтайряку 16, 22, 24
 Энъи-содзэ 85, 194
 Энъя Такасада 25
 Эцуко, см. Энсэй-монъин
- Юань 55, 174
 Юань Цзе, см. Гэнсэки
 «Ювелирная», см. *Тамацукури*
Комати сосуйбуми
 Юги-но мёдзин 141
 Южная династия 16, 17, 24, 223
 Юй 126, 216
 Юй Гун 171
 Юкинага 151, 224, 225
 Юкифуса, см. Фудзивара Юкифуса
 Юпитер 196
юзфу 151, 182, 225
- Якэно 130
 Ямагиси Токухэй 15, 39
 Ямада Ёсио 214
 Ямадзаки 184, 219
 Ямантака-дхарани 169
 Ямасина 94, 200

Указатель

- Ямасиро 168—170, 176, 185, 186,
195, 200, 206, 223—225
- Ямато 165, 168, 176, 178, 209, 212
яматогото, см. *вагон*
- Янагивара 66, 183
- Ян Сюн 194
- Ян-цзы 178
- Янцзы фаянь* 194
- Ян Шэн 205
- Янь Хуай 104, 143, 194, 205, 221
- Янь Юань, см. Янь Хуай
- Яо 166, 172, 216
- Япония 13, 14, 16, 17, 21, 29, 31,
34, 42, 140, 166, 167, 170, 172—
174, 176, 177, 179, 183, 188, 189,
196, 199, 201, 204, 206, 209, 210,
214, 215, 217, 220, 222, 223, 225,
227
- Ясумори 132, 218
- Ясура-доно 87
- Ясуцуна 91, 199
- Ята-но микагами 175, 217
- Яхата 144, 222

SUMMARY

The fourteenth-century literary work by Kenko-hoshi published in this volume, «Essays in Idleness», or *The Tsurezuregusa* is one of the most widely-known examples of Japanese medieval literature. This genre, the *zuihitsu* or essay-form, has received perhaps less attention than others.

On the one hand, this particular work summarizes, as it were, the development of Japanese literature of the preceding period and heralds the formation of a definite literary language; on the other hand, it has exercised an influence on many genres of the succeeding epoch, for example, the novel (*kanazoshi*, the work of Ihara Saikaku), drama (that of Chikamatsu Monzaemon), and poetry (Matsuo Basho).

Judging by the number of studies devoted to this work and the number of translations into modern Japanese and foreign languages, *The Tsurezuregusa* occupies practically the foremost place in the history of Japanese literature.

This translation has been made from the Sano Yasutaro, *Tsurezuregusa shinko* edition, published in Tokyo in 1940. The translator has made use, also, of other editions, and of researches undertaken in recent years by Nagazumi Yasuaki, Yoshizawa Yoshinori, Tachibana Jun-ichi, Matsuo Akira, Okada Shotaro, and other scholars.

Very little is known about the life of the author, Kenko-hoshi, who lived from approximately 1283 to 1350. The information to be gained from an analysis of his works also contributes little to our knowledge of the author's life. As a rule, Kenko's biographers seek data of this kind in such works of his contemporaries as the following:

Entairyaku — the diary of Toin Kinkata, 1291—1340.

Shotetsu monogatari — the theory of versification, by Ki Shotetsu, 1381—1459.

Yoshino shui — the collected stories of Fujiwara Yoshifusa (?).

The Twenty-first Book of the military-feudal epic *Taiheiki*.

The information gleaned from these compositions, or in the researches that refer to them, are not of equal authenticity. *The Tsurezuregusa* itself throws light on many of the events in the author's life.

Kenko-hoshi was the name assumed by the poet Urabe Kaneyoshi when he entered upon the monastic life. He was born in the Shintoist temple of Yoshida, not far from Kyoto. His father, Kaneaki, was the superior of the temple. The youthful Kaneyoshi is frequently called Yoshida-no Kaneyoshi (that is, Kaneyoshi from Yoshida). In childhood he received a broad general education, studied the Japanese classics, Buddhist works, philosophical treatises, and Chinese poetry of the T'ang epoch. In *Dai Nihon-shi*, Tokugawa Mitsukuni points out that: «In his childhood he showed ability and understanding, and loved to read the works of Lao and Chuang; he possessed literary talent and was clever at composing Japanese songs». One of young Kaneyoshi's favourite authors was Po Chü-i (772—846). He was also well-read in historical works which, at a later date, he often quoted.

About 1300, Kaneyoshi obtained an appointment at court where he remained, holding various official posts, for about thirty years.

The next stage in the poet's life opened with his becoming a Buddhist monk in 1324—1326, when he took the name of Kenko-hoshi. The main reason for this step was, apparently, political convictions.

The monastic period coincides with the most fruitful creative years in the writer's life. Soon after assuming monkhood he was accorded the title of one of «The Four Celestial Kings of Japanese Poetry». It is gathered from a number of sources that while a monk he never lost contact with the court aristocracy and also maintained relations with the leaders of the Northerners (the opposite camp, which represented the interests of the military landowning gentry).

Least of all is known about the last phases of Kenko-hoshi's life. The sole prose work that he wrote—later entitled *The Tsurezuregusa*—became known only after his death, which, according to the researches of J. Tachibana, must have taken place between 1329 and 1331.

The author's manuscript of *The Tsurezuregusa* has not been preserved to us. The oldest copy extant is the manuscript of 1431. The earliest commentary on it is that made by Ryuan-hoin in 1601. But during the latter half of the seventeenth century, twenty-two volumes of commentaries and researches on *The Tsurezuregusa* appeared.

The influence that this literary work exercised upon that of many Japanese writers of the time is widely recognized.

At the present time, it is considered to be one of the most outstanding masterpieces of medieval Japanese literature and is used in various aspects for the study of the fourteenth-century Nambokucho epoch.

A great many contradictory opinions prevail among Orientalists regarding the genesis, nature, and typological identity of the European essay with the *zuihitsu* genre in which *The Tsurezuregusa* is written.

Originally, the work was divided into two *maki* alone—the «upper» (from 1 to 136 *dan*) and the «lower» (from 137 up to the end). The arrangement of the elements within the work is always the same in the copies. No stylistic differences are apparent. When, in 1667, Kitamura Kigin published the text of *The Tsurezuregusa* with a commentary (*Tsurezuregusa bundan sho*) he divided the work for convenience into two hundred and forty-four parts (*dan*) of different length and content. This division became a firmly-established literary tradition, even though it was not always regarded as incontrovertible.

As far as arrangement is concerned, the following types of *dan* may be distinguished:

Brief categorical aphoristic sentences.

Enumeration of facts, events, customs, objects, etc., possessing some common trait indicated by emphasis on a word or a phrase.

Lengthy reasoning or moral precepts, accompanied by a concise inference, quotation or comparison.

Statement of fact (as a rule, a story on some subject) supplemented by a more or less extensive range of author's remarks, or quotations replacing these.

Simple straightforward statement of fact.

The enumerative, didactic and descriptively-narrative type of *dan* may be considered the principal one; the rest are transitional. Aphorisms may be considered as belonging to the didactic type.

Structurally, a part of the enumerative *dan* may be divided into two. Each of these is introduced by a word or a word-combination generalizing or naming the subjects enumerated. The second half of this *dan* is the antithesis of the first: unpleasant—pleasant, false friends—good friends. The same arrangement applies to many *dan* of other types.

Dan of a didactic nature are arranged according to one of three principles. The first is «pure» reasoning. The second is the thesis, the argumented reasoning, the inference. The third is reasoning and inference. In the two last-named instances discussion may be replaced by description, reference to a precedent, by a quotation or a narrative. Narrative *dan* are arranged according to the same principles, except that in these, narration assumes the leading and not the auxiliary role.

In defining the scope of the themes touched upon by Kenko-hoshi in *The Tsurezuregusa*, we find it expedient to take as our starting-point the main ideas that underlie the whole work. These are three: the Buddhist idea of the frailty, vanity, ephemeral nature of all earthly things, the idea of regression in the historical process (the supremacy of the ancient over the modern) and the idea of the universality of the *mono-no aware* — the «enchantment of things».

Each of these three ideas is split up again into themes. A theme may serve as a means of throwing light on one or several ideas.

The concrete expression of a single theme in a series of fragments can never be uniform. One idea cannot be presented all at once. The theme of the succeeding *dan* is not the immediate continuation of the theme of the preceding one; it stems from association with the theme of part of the theme of the preceding one, or group of preceding *dan*. The turn of the theme, the alteration of the angle from which the idea is viewed is inherent, as a rule, in the preceding *dan*. This form of association between separate components of a work may be defined as one of thematic associations.

Kenko-hoshi's descriptive matter concerns the life of the imperial court, its customs, rituals and ceremonies; the life of the court aristocracy, of the Buddhist priesthood, and nature in all its multitudinous manifestations. In descriptions of an abstract, didactic nature, the author makes use of his observations in the field of psychology and materials from various sources of a religious, philosophic character, historical treatises, chronicles, and fictional literature of Japan and China.

The ideas named are often interwoven, literary sources invariably alternate. The types of *dan*, their length and extent, sometimes vary so radically as to create an impression of total dislocation of component parts and confusion in their order and interchange.

In recent times, Japanese scholars engaged in literary research have drawn attention more frequently to the fact that in *The Tsurezuregusa* a direct connection between alteration of thematic material and a literary style may be traced. The actual manifestation of this connection finds expression when the author assumes the role of narrator; then his style is distinguished by a greater fluency, and by an archaic quality. Direct speech bears traces of the influence of the colloquial language spoken in the author's day. Wherever the theme of the *dan* is an abstract concept, the style becomes concise, sparing and exact, that is, bears a clear imprint of the influence of philosophical literature.

One may speak of the influence of the type of *dan* on the style. Stylistic transitions linking separate groups of *dan*, may be observed between *dan* arranged one beside the other. The stylistic link, as a rule, depends upon thematic associations and may be most clearly traced in the arrangement of the *dan* of one structural type within the *dan* of another structural type.

Kenko-hoshi makes use of several traditional modes in uniting various parts of the work. These methods are *ko-o* (signal-response), and *jimon-jito* (I myself ask and I myself answer) connected with it, etc.

The Tsurezuregusa contains compositional elements which give the whole work its highly-finished character. This lies in the framing of the work. We consider that the inner framework of the book in question is to be found in the *ko-o* relations of the first and the 242nd *dan*. The introduction to the 243rd *dan* may be assessed as the external framework of the book.

The fact that connecting links of various kinds are present within the work as a whole strengthens and gives it unity as an integral composition, determines the place of each structural element and gives it compositional finish; this is emphasized by the framework.

The examination of the structure of Kenko-hoshi's book permits us to speak of it as an integrated composition, in which thematic and stylistic variety, and the fact that a single plot is absent, does not mean that the author worked without a definite plan; comparison with other examples of medieval Japanese literature and art leads us to consider that such a plan did exist.

Кэнко-хоси
ЗАПИСКИ ОТ СКУКИ

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *В. В. Воловик*

*

Сдано в набор 10/XI 1969 г.
Подписано к печати 5/III 1970 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Печ. л. 16
Уч.-изд. л. 15,37. Тираж 15000 экз. Изд. № 2030.
Зак. 1287. Цена 1 р. 13 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

